

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1992 г.

Содержание номера

Правда академика Д.С.Львова

6

Ю.Чернов

В статье, посвященной памяти выдающегося российского ученого академика Д.С.Львова, рассматривается выдвинутая и обоснованная им доктрина нравственной экономики, которая отвергает ложные идеи постсоветского воинствующего либерализма западного толка и предлагает модель развития экономики, которая в противовес монетаристской, призвана содействовать духовно-нравственному возрождению России.

Бегство с позиций великой державы

11

И.Максимычев

Третья статья И.Максимычева, основанная на анализе книги “Горбачев и германский вопрос” (Сборник документов 1986–1991 гг.), знакомит читателя с линией Горбачева и его сторонников по вопросам объединения Германии – главной внешнеполитической проблеме того времени, принятые решения по которой привели практически к капитуляции России, а также к снижению ее международного статуса.

Проблемы государственной национальной политики

26

Ю.Бойко

Рассматривая проблемы государственной национальной политики, автор считает, что ее реализация должна быть сосредоточена на воспитании у населения национально-го самосознания и патриотизма.

В этой связи предлагается создать федеральный орган управления в сфере национальной политики и межнациональных отношений, обосновывается его структура и функции.

Глобальные волны демократизации и Россия

33

Я.Пляйс

За два столетия, прошедшие после Великой Французской революции, мир был свидетелем нескольких волн демократизации, оказавших воздействие на все страны, включая Россию.

Анализируя эту тему, автор показывает не только как это воздействие проявлялось на различных этапах отечественной истории за последние 200 лет, но и какие результаты это дало.

Региональные проблемы социально-экономического развития России

49

М.Юргелас

В статье рассматриваются важные на сегодняшний день вопросы совершенствования формирования социально-экономической политики и создания механизмов, обеспечивающих комплексное и пропорциональное социально-экономическое развитие страны в целом и субъектов Федерации.

На основании анализа практики формирования региональных программ развития делается вывод о необходимости совершенствования действующего порядка их разработки и механизма оценки эффективности реализуемых региональных программ.

Малый бизнес в Москве

52

О.Муштур

Анализируя результаты социологического исследования “Москвичи о проблемах создания и перспективах функционирования предприятий малого бизнеса, поддержке их городской властью”, автор отмечает стагнацию малого бизнеса в связи с неэффективной политикой государства в области поддержки и развития малого предпринимательства и на этом фоне стремится показать развитие ситуации с малым бизнесом в Москве, отношение к нему городских властей и населения.

Геополитическая роль Центральной Азии в XXI веке

61

А.Имангазиев

Рассматривая положение государств Центральной Азии в мировой политике и экономике, автор показывает генезис роли данного региона со времен Великого Шелкового пути до настоящего времени. Особое внимание уделяется той роли, которую приобрела Центральная Азия для крупнейших мировых акторов после 11 сентября 2001 г. и в условиях неудержимо разгорающейся борьбы за мировые энергоресурсы, а также процессу осознания народами стран Центральной Азии собственных национальных интересов, который происходит в трудных условиях становления в них государственности.

Страны постсоциалистической периферии в поисках новой модели безопасности

69

Батсайхан Авирмед

В статье монгольского исследователя на примере стран Центральной Европы и Монголии поднимается важная научная проблема – роль государств геополитической периферии в международных отношениях.

Автор анализирует ситуацию на западной и восточной постсоветских перифериях и сравнивает национальные стратегии безопасности постсоциалистических стран.

Зачем США нужна система ПРО?

75

Н.Извеков

Исходя из анализа содержания буклета американских информационных служб “Предложенные Европе элементы противоракетной обороны США”, в котором делается попытка обосновать необходимость размещения элементов американской ПРО в Чехии и Польше и дать “ответы” на вопросы о выборе места расположения и их направленности, автор показывает, какие угрозы возникают для России и остального мира из стремления США к достижению превосходства в области стратегических вооружений.

Что ожидает граждан Польши и Чехии, если...?

82

В.Васильев

По утверждению автора, элементы системы противоракетной обороны национальной территории США, размещаемые в Чехии и Польше, по своим возможностям не способны решать задачи перехвата боевых блоков баллистических ракет большой дальности при их запуске с территории Ирана и Северной Кореи, но порождают множество проблем не только в сфере безопасности, так и в обществе в целом.

Если бы не было Косова...

86

Б.Габараев

В связи с обсуждением на разных уровнях вопроса о предоставлении независимости сербскому краю Косово автор рассматривает общность и различие проблем Косова и Южной Осетии, которая также претендует на независимость, как и ряд других самопровозглашенных государств. Автор приходит к выводу, что на решение вопроса о независимости Косова и Южной Осетии прямо сказывается характер отношений Сербии и Грузии с США.

С учетом этого России предлагается действовать без оглядки на Косово и в качестве первого шага признать независимость Южной Осетии.

Внешняя политика Сербии в 90-е годы

96

А.Генералов

На основе анализа деятельности и программных документов, а также высказываний партийных функционеров рассматриваются позиции ведущих сербских политических партий по общим принципам и стратегическим целям внешней политики Сербии в 90-е годы XX в. При этом особое внимание уделено конфликту между национальными интересами страны и глобализационными процессами.

Китайский автопром: вчера, сегодня... послезавтра

104

Н.Нырова

В связи с тем, что российские власти объявили о начале реализации стратегии “рынок в обмен на технологии”, автор анализирует опыт и результаты, полученные Кита-

ем в процессе 20-летнего периода реализации этой стратегии в сфере китайского автопрома.

Этнополитические конфликты в Африке 110

Н.Косухин

На примере африканского континента в статье анализируются причины, истоки возникновения этнополитических конфликтов и их особенности.

Органы безопасности в Сталинградской битве 117

А.Цветков

Участник Сталинградской битвы, ветеран Великой Отечественной войны рассказывает о борьбе советских органов безопасности на различных этапах битвы за Сталинград.

Уважаемые читатели!

В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии журнал «Обозреватель–Observer» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. Перечень вводится в действие с 1 января 2007 года.

Издатель

научно-исследовательская фирма «РАУ-УНИВЕРСИТЕТ»

Редакционная коллегия:

ШТОЛЬ В.В. – главный редактор, ЕРЕМЕНКО И.Н. – исполнительный директор, НОВИКОВ Ю.Д. – заместитель главного редактора, АБАШИДЗЕ А.Х., БЕРКОВ А.А., БОЙКО Ю.П., ДЕРЯБИН Ю.С., ЗАДОХИН А.Г., ЗИМЕНКОВ А.Л., ИЗВЕКОВ Н.Н., КОМАРОВ И.К., КОТИЛЕВСКИЙ М.Д., КРУГЛОВ В.В., ЛЕБЕДЕВ Ю.В., ЛУНЬКОВ А.Г., ОРЛОВ А.А., РЕПКИН Ю.М.

Научно-редакционный совет

- АРИСТОВ В.В. – член-корреспондент РАН
БАБАЯН Э.А. – председатель Постоянного комитета по контролю наркотиков при Минздраве РФ, член Международного комитета ООН по контролю наркотиков, доктор медицинских наук, профессор
ГАБАРАЕВ Б.А. – генеральный директор ФГУП «Научно-исследовательский и конструкторский институт «Энерготехника» им. Н.А.Доллежала», доктор технических наук
ГАЛОГАНОВ А.П. – президент Адвокатской палаты Московской области, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ
ДЕЛЯГИН М.Г. – председатель Президиума – научный руководитель Института проблем глобализации, доктор экономических наук, профессор
ЕФИМОВ Б.Е. – народный художник СССР
ЖУРКИН В.В. – Почетный директор Института Европы РАН, академик РАН
ЗОРИН В.С. – политический обозреватель государственной радиокomпании «Голос России», первый заместитель председателя Федерации «Мира и согласия», доктор исторических наук, профессор
ИВАШОВ Л.Г. – президент Академии геополитических проблем, генерал-полковник, доктор исторических наук, профессор
ИВЛИЕВ Г.П. – начальник Правового управления аппарата Госдумы РФ
КРЕМЕНЮК В.А. – заместитель директора Института США и Канады РАН, доктор исторических наук, профессор
ЛАДЫГИН Ф.И. – вице-президент Союза ветеранов военной разведки, генерал-полковник
ПЕТРАКОВ Н.Я. – директор Института проблем рынка РАН, академик РАН
ПИВОВАРОВ Ю.С. – директор ИНИОН РАН, академик РАН
ПРИМАКОВ Е.М. – академик РАН
СУХАРЕВ А.Я. – советник Генерального прокурора РФ, доктор юридических наук, профессор
ТИТАРЕНКО М.Л. – директор Института Дальнего Востока РАН, академик РАН
ТОРКУНОВ А.В. – ректор МГИМО-Университет МИД РФ, председатель Российской ассоциации содействия ООН, член-корреспондент РАН, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол
ШАХНАЗАРОВ К.Г. – генеральный директор киноконцерна «Мосфильм»
ЯКОВЛЕВ В.Ф. – советник Президента РФ по правовым вопросам, доктор юридических наук, профессор

© РАУ-Университет

Правда академика Д.С.Львова

Юрий Чернов,
кандидат экономических наук

6 июля 2007 г. ушел из жизни выдающийся российский ученый академик Дмитрий Семенович Львов. Редакция журнала “Обозреватель–Observer” чтит его память и вспоминает с благодарностью многолетнее творческое сотрудничество.

Редакция

“Не в силе Бог, а Правде”

Александр Невский

В своей жизни академик Д.С.Львов всегда следовал одному из основных канонов христианского православия: “Правда” (в отличие от права) – это тождество греха и преступления, истины и добродетели, справедливости и закона. Особенно ярко проявилась эта нравственная аксиома в его творческой работе.

Из истории известно, что в эпоху радикального преобразования в обществе, возрастает значимость идейного творчества, на что в начале прошлого века указывал Дж.-М.Кейнс:

“...В области экономической и политической философии идеи экономистов и политических мыслителей, – и когда они правы, и когда ошибаются, – имеют гораздо большее значение, чем принято думать. Можно утверждать: в действительности только они правят миром”.

Очевидно, по этой причине в последние годы в нашем обществе с большим интересом обсуждается выдвинутая Дмитрием Семеновичем *доктрина нравственности экономики* и те аксиомы, которые положены в ее обоснование.

Его идеи нашли отклик в российском обществе и, говоря словами прошлой эпохи, овладевают массами именно потому, что они помогают сохранить его единство, сберечь народ и выжить государству как самостоятельной геополитической единице.

Наше общество на собственном горьком опыте последних 15 лет осознало ту истину, что национальной независимости не бывает без независимости моральной и интеллектуальной.

Но для этого нужно было выдвинуть идеи, которые пришли бы в конфронтацию с идеями постсоветского

воинствующего либерализма западного толка, которыми вооружились наши либерал-демократы, в том числе, и правительственные экономисты.

Именно это сделал Д.С.Львов.

Следует отметить, что помимо экономической отсталости в обществе, может иметь место идейная бедность и идейная отсталость, возникающая из-за бюрократизации духовной жизни, закрепощающей движение мысли и развитие личности.

Духовно-нравственное состояние людей является важнейшей характеристикой времени, которое выше борьбы партий, общественных движений и т.п., и которое предполагает религиозное отношение к жизни. Именно поэтому Д.С.Львов считал, что необходимо провозгласить собственную экономическую философию взамен ложной либеральной идеи реформирования отечественной экономики. На понимании экономической жизни как социального служения и зиждется выдвинутая и аксиоматически обоснованная Дмитрием Семеновичем доктрина нравственной экономики. При этом он понимал аксиомы как нравственные ограничения, которые отражают записанные в генетической памяти людей исходные положения жизнедеятельности.

Особенность аксиом состоит в том, что они воспринимаются людьми как абсолютные истины, без соблюдения которых рушится исторически сложившийся уклад жизни людей единой общности. Это то, что цементирует общественное сознание, заставляет человека возвыситься над личным перед значимостью общественного или общего. Ведь недаром У.Черчилль говорил: “Нации либо следуют своим традициям, либо – умирают”.

Сохранение этого уклада от любых посягательств извне и изнутри является высшим устремлением всех членов общества.

Во всех своих научных трудах, в публичных выступлениях и на телевидении, и в прессе Д.С.Львов утверждал, что коллективистские начала являются генетическим кодом российского общества. Отступление от этих принципов неизбежно будет приводить к нарушению духовной основы общества.

Дух западной этики, которая основана на ценности богатства и благополучия, индивидуальной избранности к спасению, несовместим с духовным наследием нашего народа. Наш народ всегда отстаивал равенство всех людей перед Богом. По мнению Дмитрия Семеновича, это и есть символ совести нашего народа: “Спасутся или все или никто”. Поэтому российский коллективизм надо помнить как общее для всех дело.

Главной, основополагающей аксиомой является принцип: то, что не является делом рук человеческих, а даровано нам свыше, от Бога, – окружающая нас природная среда и ресурсы, которые даны нам для нашей жизнедеятельности, нашего здоровья и будущего развития – должно принадлежать всем! По мнению академика Д.С.Львова, этот принцип должен найти отражение в такой цивилизационной норме, как обеспечение равного доступа каждому гражданину к природно-ресурсному потенциалу страны.

В отличие от многих других стран у России есть фундаментальный источник доходов бюджета, который сегодня, по существу, остается незадействованным во благо всего народа. Это рента с природных ресурсов.

Большая часть рентного дохода России сегодня оказалась приватизированной. Его главная составляющая – природная рента – не результат непосредственной трудовой и предпринимательской деятельности и т.п. Это то, что в России от Бога, а потому, утверж-

дал академик, с морально-этических, общечеловеческих и нравственных принципов должно принадлежать всем!

Но действующий экономический механизм позволяет этот доход аккумулялировать в руках ограниченной по численности, окол властной финансовой и преступной элиты, лишая 9/10 населения страны доходов от эксплуатации природных ресурсов.

До сих пор обществу непонятно: почему наше государство, имея широкие возможности решить проблему справедливости и равенства, к ее решению даже не приступило? Ответ Д.С.Львова таков: беда в том, что пока остается нерешенным главный вопрос – собственности на природные ресурсы. Две трети совокупного дохода в России создается не производительной деятельностью, не промышленным капиталом, не трудом наемных работников, а нещадной эксплуатацией природных ресурсов – леса, земли, нефти и прочего.

У группы лиц, численность которой не более одной сотой процента населения РФ, оказались 92% всех доходов, дарованных природой. Столько невиданная концентрация собственности в руках людей никакого отношения к ней ранее не имевших создает глубочайшую угрозу стабильности общества.

В недавно опубликованном интервью под названием “Написано кровью”, А.И.Солженицын, поддерживая этот призыв Д.С.Львова, высказался так: “Считаю разрыв между бедными и богатыми в России – опаснейшим явлением, требующим неотложного внимания государства. Необходимо вкладывать выручку от народных недр в народное хозяйство, в образование, в здравоохранение – и научиться делать это без позорных краж и растрат”.

По мнению академика Д.С.Львова, обращение рент от всех используемых ресурсов в общественные доходы, аккумулялируемые в системе государствен-

ных финансов, за вычетом необходимой оплаты производства, составляет чистый доход общества, в котором все его члены могли бы иметь равную долю. Этот доход может стать материальной основой их гражданского статуса и выступать в форме социального дивиденда, направляемого на развитие человеческого потенциала. Это, прежде всего, сферы бесплатного здравоохранения и образования.

Обобществление рентного дохода – это не только реальная возможность обеспечения стабильных бюджетных поступлений, но и условия сохранения России в качестве устойчивой геополитической единицы.

Решение этой проблемы и может, по мнению Д.С.Львова, послужить той объединяющей силой, которая обеспечит России достойное место в третьем тысячелетии.

По всей видимости, намеренно не создавая конституционный институт общественной собственности на землю и на все, что в ней есть, не вводя разумный прогрессивный налог на имущество, власть фактически сохраняет льготы для богатых. При данном механизме налогообложения, власть опосредованно увеличивает благосостояние самых богатых. Именно на это работает плоская шкала налогообложения, а значит – и на увеличение количества бедных. По определению Д.С.Львова – это своего рода **закон самовоспроизводящейся бедности.**

Доктрина нравственной экономики академика Д.С.Львова внесла свежую струю в экономическую науку и, как это бывает с настоящей глубокой идеей, встретила бешенное сопротивление у правящей элиты, которая сразу поняла, какую опасность она представляет.

В этих условиях Дмитрий Семенович решается на беспрецедентный шаг

в истории отечественной науки – он лично выпускает “Гражданский манифест”, где в протестной форме блестяще излагает основные принципы нравственной доктрины развития экономики страны.

Этот шаг, а лучше сказать, интеллектуальный подвиг, мог сделать только большой человек, обладавший громадным моральным авторитетом не только в научной среде, но и во всем российском обществе. Все эти качества были воспитаны в нем всей прошлой эпохой, трагичной, но прекрасной по своим идеям и целям. Об этом исключительно точно сказал наш великий поэт:

*И великой эпохи
След на каждом шагу*

*. . .
И в значении двояком
Жизни бедной на взгляд
Но великой под знаком
Понесенных утрат.*

У читателя может возникнуть естественный вопрос: почему свой манифест Д.С.Львов назвал гражданским?

Ответ может быть многосложным.

Во-первых, этот программный документ затрагивает коренные интересы жизни всех граждан России. В основу его положены результаты научных исследований большого коллектива ученых, выступающих против монетаристской концепции развития экономики России.

Во-вторых (и это по порядку, а не по значимости), в манифесте предложена модель развития экономики, которая в противовес монетаристской позволит создать жизнеспасающий климат в стране. А это напрямую касается всех и каждого, настоящего и будущего поколения страны.

Самое главное: жизненная необходимость обращения к народу именно в форме гражданского манифеста, объяс-

няется и тем, что в наше время Россия подошла к крайней, предельной черте своего существования – начался устойчивый процесс депопуляции и вырождения нации.

Общество еще не осознало, что произошедшее за годы либеральных реформ, абсолютное сокращение населения страны на 11 млн. чел., – это потеря потенциально возможного ВВП, недополученного из-за снижения численности граждан в трудоспособном возрасте. Для экономики численность народонаселения, его динамика и структура имеют фундаментальное значение, так как этот фактор, как и показатель ожидаемой продолжительности жизни, самым непосредственным образом активно воздействует на современное развитие экономики, формируя социальные механизмы экономического роста.

При этом Д.С.Львов, не устал повторять, что “Мера всему – человек!” (Протагор), что в экономической действительности всегда скрыты живые люди и социальные группировки людей, численность и качественный уровень которых и предопределяет развитие экономики.

В научных дискуссиях академик утверждал, что численность народонаселения и его рост в настоящее время становятся стратегическим параметром экономического развития именно потому, что трудовой потенциал устанавливает естественные пределы для возможного хозяйственного использования не только природных, инвестиционных, но и ресурсов интеллектуальных и тем самым определяет границы экономического роста.

По мнению Д.С.Львова, в стране нет жизнеспасающего общественно-го климата именно потому, что у правительства отсутствует ясное понимание проблем социально-экономическо-

го развития, в том числе его демографического аспекта. Поэтому в программах правительственных экономистов последних лет отсутствует главный критерий – рост народонаселения и повышение ожидаемой продолжительности жизни, которым и должны оцениваться те или иные программные решения.

Тщательно замалчиваемый отрицательный потенциал всех реформистских устремлений и начинаний привел к снижению психической устойчивости человека, к обесцениванию духовного содержания его деятельности, что в условиях снижения жизненного уровня, в конечном итоге, и вылилось в демографическую катастрофу.

Наши либеральные экономисты как-то подзабыли, что социальное развитие страны, прежде всего, измеряется приростом народонаселения, повышением качества жизни. Этим показателем, по мнению Д.С.Львова, необходимо придать критериальный характер при разработке программы долгосрочного экономического развития страны.

На взгляд Д.С.Львова, глубинные причины демографического кризиса

состоят в том, что цена жизни человека в России слишком низка, чтобы можно было руководящей элите дорожить жизнями трудящихся. Это и можно было наблюдать во всех сферах жизни последних лет. Сознательно и преднамеренно она была понижена в начале 90-х годов, в результате перераспределения (с помощью инфляции и нечестной приватизации) трудовых доходов и природной ренты в пользу держателей капитала. На этот счет (применительно к своему времени) весьма афористически высказался премьер-министр Российской Империи С.Ю.Витте: "...русская буржуазия имеет в избытке все то нехорошее, что дают излишества жизни, обесценивание ценности чужого труда".

Именно обесценивание владельцами капитала чужого труда за счет его неполной оплаты и присвоения рентных доходов и привели основную массу трудящихся к нищете, активным образом содействуя депопуляции населения. Демографический кризис ставит пределы росту ВВП. Таков принципиальный вывод академика Д.С.Львова.

В своей совокупности новаторские идеи академика Д.С.Львова вселяют надежду на успешное развитие экономики. Философы считают, что жизнь, в конце концов, есть расплата за то, что она тебе дана.

Дмитрий Семенович сполна и талантливо расплатился за этот дар.

Как сказал Марк Аврелий: "Каждый стоит ровно столько, сколько стоит то, о чем он хлопочет".

Если судить по этому критерию, то творческая жизнь выдающегося ученого Д.С.Львова, обогатившего экономическую науку новыми прогрессивными идеями, содействующими духовно-нравственному возрождению России, заслуживает высочайшей оценки.

Бегство с позиций великой державы*

Игорь Максимычев,
доктор политических наук
(институт Европы РАН)

Закономерный финал

В “Правде” 7 марта было опубликовано сообщение о состоявшемся накануне приеме Горбачевым правительственной делегации ГДР**.

В сообщении приводились слова советского лидера: “Мы твердо убеждены, что сближение ГДР и ФРГ только тогда не нарушит баланс интересов на континенте, если будет гарантирована его поэтапность, контролируемость, увязанность с обеспечением безопасности всех заинтересованных государств в русле общеевропейского процесса”.

В сообщении говорилось о позиции Горбачева: “Со всей определенностью было заявлено о неприемлемости включения будущей Германии в НАТО, какие бы оговорки при этом ни делались. Нельзя допустить действий, которые вели бы к слому сложившегося в Европе равновесия — основы стабильности и безопасности, взаимного доверия и сотрудничества” (С. 379–380)***.

Именно такие цели были заявлены “планом Модрова”, который после 10 февраля оказался как бы выброшенным в мусорную корзину.

Между тем министры-оппозиционеры в правительстве ГДР полностью согласились с тезисами, выдвинутыми советским лидером. Однако ГДР не приходилось рассчитывать на “прикрытие с тыла” со стороны СССР. В опубликованных в тот же день ответах на вопросы редакции “Правды” Горбачев признал, что перед выборами в ГДР республику наводнили визитеры из ФРГ, которые “вмешиваются в ее дела, будто ГДР уже потеряла суверенитет, будто ГДР уже не независимое государство, признанное мировым сообществом. Там все это есть, это присутствует. Но пусть уж сами немцы разберутся в этом” (С. 383).

* Окончание. Начало см. “Обозреватель—Observer”. 2007. № 7, 8.

** Модров привез в Москву свое правительство почти в полном составе, включая министров без портфеля, представлявших всю восточногерманскую оппозицию.

*** Страницы указаны по книге “Михаил Горбачев и германский вопрос”. Сборник документов 1986–1991 гг. М., 2006.

А это означало лишь подтверждение предоставленной ФРГ свободы рук в отношении ГДР.

В дальнейшем события разворачивались весьма своеобразным порядком. МИД как компетентное внешнеполитическое ведомство анализировало создававшуюся ситуацию, готовило предложения относительно наших шагов по германским делам, выступало с заявлениями (которые по заведенному порядку утверждались в Политбюро ЦК КПСС), но все это никак не отражалось на практических решениях по основополагающим проблемам германского урегулирования, принимаемых Горбачевым и узким кругом его советников.

Стоит привести пример заявления МИД СССР от 14 марта 1990 г., где формулировались положения, от которых, как декларировалось, СССР не мог отказаться:

- необходимость "синхронизации сближения и возможного объединения двух германских государств с общеевропейским процессом", что требовало поэтапного развития без искусственно создаваемой обстановки цейтнота;

- неприемлемость простого присоединения ГДР к ФРГ, которое лишило бы восточногерманскую республику "ее суверенных прерогатив отстаивать в качестве равноправного партнера права и интересы граждан ГДР, их социальные завоевания, те ценности, которые были созданы упорным трудом за время существования республики";

- недопустимость включения ГДР в НАТО, которое также стало бы следствием поглощения ГДР;

- обязательность уважения сохраняющихся в полной мере прав и ответственности четырех держав за Германию в целом, "за то, чтобы с немецкой земли никогда больше не исходила угроза миру", причем эти права и ответственность относятся "и к Западному Берлину с его особым статусом, определенным в Четырехстороннем соглашении" (С. 385–387).

Впоследствии были сданы все перечисленные позиции без исключения.

Очень близко к рекомендациям МИД стояло мнение Фалина, который принадлежал к числу советских внешнеполитических экспертов с большим опытом работы на германском направлении. В публикации Горбачев-фонда содержится текст записки Фалина на имя президента СССР от 18 апреля 1990 г. с детальными предложениями относительно дальнейших действий по урегулированию кризиса в ГДР в советских интересах. Фалин считал необходимым положить конец ситуации, при которой "с момента краха режима СЕПГ в ГДР европейская политика СССР, по крупному счету, впала в полосу раздумий и самоанализа, чтобы не сказать – депрессии".

Он требовал категорически настаивать на заключении мирного договора с Германией (который можно было бы назвать "актом мира", чтобы не раздражать ФРГ), поскольку он является "единственным шансом состыковать объединение Германии и общеевропейский процесс, хотя по времени они разойдутся и, похоже, серьезно". В основу соответствующего документа следовало положить "принцип отказа от насилия как средства национальной политики. Он дополнялся бы обязательством не допускать использования немецкой территории третьими странами или группами стран для проведения политики силы по отношению к кому бы то ни было в Европе или за пределами Европы".

Фалин предупреждал, что "уход трех держав от мирного урегулирования тождественен намерению погасить права Советского Союза как державы-победительницы и как архитектора (послевоенного устройства) и союзника ГДР при сохранении за США, Англией и Францией весомого пакета «первоначальных прав», поскольку они перешли в Боннский договор 1952 года (с поправками 1954 года) и другие их договоренности с ФРГ".

Как средство давления на три державы он предлагал выдвинуть проект мирного договора “в максимально благоприятном ключе для широких масс немцев и деловых людей” с перспективой “во имя полного и окончательного примирения наших народов подписать такой договор (акт) только с нами”.

Фалин указывал на неприемлемость:

- западных попыток сузить (устные) обязательства Запада о нераспространении сферы деятельности НАТО на территорию ГДР ссылкой на то, что они не относятся к “кризисным ситуациям”;

- стремления апологетов “холодной” войны ограничиться “перегруппировкой сил, чтобы продлить век политики конфронтации”;

- усилий по “инспирированию демонстраций «народной воли» и созданию нетерпимого психологического климата вокруг советских войск в ГДР”.

В качестве крайней уступки он считал возможным вариант, при котором объединенной Германии было бы разрешено быть участником какого-либо военного союза “на переходном этапе к созданию европейской системы безопасности” на следующих условиях:

- соблюдение постановлений мирного договора;

- невхождение в интегрированные структуры этого союза;

- неразмещение оружия массового уничтожения на территории Германии;

- неиспользование территории (включая воздушное пространство), на которую ранее распространялась компетенция другого союза, для размещения вооруженных сил союза, в который войдет Германия;

- право на размещение советских войск на нынешней территории ГДР на такое время, какое СССР “считал бы для себя необходимым”, а после их вывода на

содержание там персонала для наблюдения за выполнением положений о военном статусе Германии.

Для предотвращения поглощения ГДР Западной Германией (“аншлюса”) Фалин предлагал предупредить Запад, что “включение ГДР в состав ФРГ согласно ст. 23 боннской конституции*” будет квалифицироваться как агрессия страны-члена НАТО против страны-члена ОВД и нарушение основополагающих прав Советского Союза”, а без мирного договора “все наши права державы-победительницы сохранятся в полном объеме”. “В порядке предостережения против игр со ст. 23 и намек на то, что советские права – это незыблемая реальность” на обсуждение выносилась “с учетом паралича госорганов ГДР” возможность “восстановить (понятно – “временно”) Советскую военную администрацию в Восточном Берлине примерно на условиях, на которых существуют таковые в западных секторах”.

Параллельно Фалин указывал на иллюзорность надежд на сохранение производственной кооперации с ГДР после объединения Германии.

Он писал: “Проникновение частного западногерманского капитала в экономику ГДР чревато уже сейчас радикальными переменами. Часть предприятий, основных наших поставщиков, намечена к закрытию, другие переводятся на выпуск новой продукции. Обещания канцлера их ни к чему не обязывают. На повестке дня изменение условий и порядка взаимных расчетов”.

У концепции Фалина было, по крайней мере, одно уязвимое место – она не содержала способа устранить опасности для суверенитета ГДР, свя-

* Ст. 23 конституции ФРГ предусматривала присоединение к ней частей рейха в границах 1937 г. без каких бы то ни было переговоров о создании нового объединенного германского государства. Именно таким образом и состоялось объединение Германии 3 октября 1990 г.

занные с грядущей реализацией валютной унии, то есть о введении в ГДР западногерманской денежной единицы (немецкой марки).

Его предложение проводить сильную политику в сфере германских дел неизбежно наталкивалось на то обстоятельство, что с 1 июля 1990 г., когда уния вступала в силу, ГДР в действительности превращалась в фантома. В самом конце фалинской записки предлагалось “уже сейчас вступить в доверительные контакты с ФРГ по вопросам, связанным с финансированием наших расходов на содержание советских войск в ГДР после введения в оборот там западногерманской валюты. По некоторым сведениям, Бонн готов пойти нам навстречу, но в «замаскированной форме». Прямое компенсирование советских расходов вызвало бы раздражение американцев, которые в ФРГ не пользуются такими льготами” (С. 399–408).

Вряд ли можно было бы беспроблемно совместить наступательное сопротивление планам западных немцев поглотить ГДР с одновременным обращением к ним с просьбой дать деньги. Во всяком случае, подобный маневр требовал высшего дипломатического пилотажа. А его “на верху” не было, и главное не было сознания, что оно нужно.

Фалин и дальше продолжал отстаивать предложенную им стратегию. Выступая на встрече с коллективом посольства СССР в ГДР 18 мая 1990 г., он настаивал на следующих принципах советской политики по германским делам: “Не может быть и речи о включении объединенной Германии в НАТО. Наша цель состоит в том, чтобы добиться общеевропейской системы коллективной безопасности.

При достижении принципиальной договоренности о временных рамках построения такой системы можно будет определиться и с промежуточными этапами. Но пока в Западной Германии есть американские войска, наши войска останутся в Восточной Германии, и их вооружение будет соответствовать американскому (то есть включать ядерное оружие). Попытка включить ГДР в состав ФРГ – это по существу агрессия НАТО против страны ОВД.

С Германией следует заключить регулярный мирный договор, который будет означать окончание не только Второй мировой, но и «холодной» войны. В этом нас поддержат французы, бельгийцы, итальянцы, поляки, чехи и другие страны.

Большинство немцев также хочет мирного договора, чтобы покончить с правами западных держав в Германии, а также предотвратить возможные авантюры своего собственного правительства”.

Записка Фалина с ее продуманной до деталей программой активных действий доказывала, что существовали альтернативы “стратегии” самовольного ухода с позиций великой державы. Во время состоявшегося через несколько дней визита в СССР премьер-министра ГДР Лотара де Мезьера* представился случай проверить отношение высшего советского руководства к рекомендациям Фалина. Запись беседы с де Мезьером 29 апреля доказывает, что президент СССР не воспользовался теми “нажимными” методами, которые предлагал Фалин.

В весьма мягкой форме Горбачев говорил, например, о желательности сохранения “тех мощных, реальных связей в экономике, науке и технике, которые создавались за десятилетия сотрудничества между Советским Союзом и ГДР”. Он продолжал: “Это одна из причин, по кото-

* Председатель ХДС (ГДР) Лотар де Мезьер стал премьер-министром ГДР после выборов в Народную палату 18 марта 1990 г.

рой необходимо позаботиться и о расчетах в новых условиях, когда начнет действовать валютный союз. Важно осмыслить в экономическом плане и вопрос об обеспечении группы советских войск в ГДР. Я не касаюсь сейчас политической стороны этого вопроса”.

Подтверждая отказ согласиться с включением объединенной Германии в НАТО и размышляя вслух о том, какие взаимоприемлемые решения можно здесь найти, Горбачев вновь заговорил о ее одновременном членстве в НАТО и ОВД. Он в очередной раз настаивал на “треугольнике ФРГ – ГДР – СССР”, хотя бесперспективность подобной конструкции становилась все более очевидной.

Любопытно, что на тот случай, если Запад не будет учитывать интересы СССР, Горбачев “пригрозил” “роспуском Варшавского договора и полным уходом советских вооруженных сил в пределы собственной территории. Тогда руководителям НАТО придется объяснять населению своих стран, зачем вообще нужен этот блок”. Реакция собеседника на это замечание осталась неизвестной.

С точки зрения возможностей координации политических усилий СССР и ГДР в плане удовлетворительного урегулирования германской проблемы представляет интерес позиция, которую изложил во время этой беседы де Мезьер. Кстати, это именно он, отметив, что “мы чувствуем себя несколько неуверенными в результате того, что интересы Советского Союза изображаются по-разному”, предложил “четко договориться о том, как учитывать позиции друг друга”. Прежде всего, премьер-министр подчеркнул важность сохранения и расширения экономических связей с СССР для ГДР, где 35% занятых в производственной сфере работают над выпуском продукции для Советского Союза.

“Для нас очень важно иметь надежных партнеров, заказчиков с советской стороны”, – отметил он. Де Мезьер напомнил, что на сессии Совета экономической взаимопомощи (София, январь 1990 г.) ГДР возражала против советского предложения перейти в СЭВ на расчеты в свободно конвертируемой валюте по мировым ценам.

В отношении военных аспектов германского объединения он отметил, что “мы не считаем обязательным закрепление членства объединенной Германии в НАТО. Мы за политику продвижения к роспуску блоков, в том числе, конечно, и НАТО”.

Для этого, считал он, необходима институционализация общеевропейского процесса: в частности, проведение регулярных встреч министров иностранных дел, министров обороны, командующих вооруженными силами всех государств-участников; создание многостороннего органа по урегулированию спорных вопросов; разработка моделей проверки договоренностей, касающихся разоружения и военной разрядки.

Насколько можно судить, это была первая и единственная попытка конкретизировать лозунг “общеевропейского дома”, на который так любили ссылаться советские руководители; СБСЕ/ОБСЕ, бывшая для Москвы единственным светом в оконце, обманула возлагавшиеся на нее надежды, так и не став “европейской ООН”.

Де Мезьер косвенно поддержал идею “двойного членства” объединенной Германии, предложив: “Войска, образующие ныне Народную армию ГДР, должны быть в техническом отношении связаны с Варшавским договором и ни в коем случае не будут связаны с военными структурами НАТО”. Горбачев отклонил это предложение как слишком “оптимистическое”. Де Мезьер привлек внимание Горбачева к идее “включить в систему договоров, связанных с объединением Германии, также договор о дружбе и взаимопомощи с СССР. Это гарантировало бы

продолжение и расширение нашего сотрудничества с Советским Союзом". Для успокоения собеседника он добавил, что и Коль положительно относится к этой идее (С. 412–422).

Наличие целого ряда совпадающих моментов в позициях СССР и пост-социалистической ГДР подсказывало, что объединение усилий обоих правительств укрепит их возможности отстаивать свои интересы. К тому же их выступление единым фронтом никого не удивило бы, поскольку они продолжали оставаться союзниками – соответствующие договора между СССР и ГДР никто не отменял. В то же время СССР получил бы возможность подкреплять свои требования ссылками на поддержку со стороны немцев, так как ГДР вне всяких сомнений оставалась германским государством. Однако, несмотря на обещание Горбачева де Мезьеру: "Мы будем постоянно взаимодействовать с вами", именно этого и не произошло.

После того, как в январе 1990 г. Москва списала ГДР со счетов, никаких изменений в нигилистическом отношении СССР к союзнику не наблюдалось.

Кстати, сотрудничество с ГДР не предусматривалось и предложениями Фалина. Получилось, что мнение ГДР не принималось во внимание ни ФРГ, ни Советским Союзом, ни западными державами.

Формула "2+4" упростилась до "1+4": ФРГ еще до формального объединения воспринималась участниками переговоров как представительница "всех немцев". А окружение Горбачева активно готовило отказ от последнего расходящегося с интересами Запада требования о невхождении объединенной Германии в НАТО.

В докладной записке Черняева для Горбачева от 4 мая 1990 г. утверждалось:

"Совершенно очевидно, что (объединенная) Германия окажется в НАТО. И никаких реальных рычагов воспрепятствовать этому у нас нет".

Нельзя сказать, что Черняев не предвидел последствий подобного развития.

Он писал: "Рассуждения насчет того, что в результате объединения Германии, а потом и возможного присоединения Польши к НАТО границы блока пододвинулись бы к советским границам, – это из вчерашнего дня, из стратегии времен Второй мировой войны и «холодной» войны, когда наша собственная безопасность измерялась не только в военном плане, но и в социально-политическом – через (социалистическое) содружество. И будут ли бронетранспортеры и гаубицы бундесвера стоять на Одере-Нейсе, или на Эльбе, или еще где-нибудь, ситуацию в мировой военной стратегии это не меняет. Эта ситуация определяется ядерным балансом СССР и США".

Далее следовало предсказание: "У меня такое ощущение, что Шеварнадзе не удастся удержаться на уровне тех директив, которые он вчера получил. Да и натовцам очень трудно будет его понять. Казалось бы, Советский Союз сейчас, как никогда, заинтересован в поддержке перестройки со стороны Запада. Казалось бы, он должен был оценить его относительную сдержанность в литовском деле.

Казалось бы, Советский Союз заинтересован в том, чтобы подтвердить свою веру в реальность европейского процесса, в то, что наступает новая эра – эра доверия, когда исчезают страхи былых нашествий, агрессий, военных завоеваний и т.д. И для этого есть объективные предпосылки, о которых вы не раз говорили публично. И вдруг именно в этот момент мы демонстрируем железную непримиримость на основе аргументов, которые с точки зрения нового мышления и новой военной доктрины выглядят странно. Зачем нам сейчас, в такой сложный момент перестройки, осложнять отношения с Западом, вызывать дополнительные подозрения и спекуляции?" (С. 424–425).

Другими словами, раз уж начал капитуляцию, доводи ее до конца, а то

дядя Сэм нас не поймет. Кстати, с такой аргументацией мы часто сталкиваемся и сегодня.

Горбачев проявил неожиданное упорство в вопросе о включении объединенной Германии в НАТО. Он как будто чувствовал, что уступка Западу по этому оставшемуся единственным принципиальному пункту окончательно подорвет его авторитет в стране.

В беседе с Бейкером 18 мая он совершенно справедливо подчеркивал: "Если объединенная Германия войдет в состав НАТО, то это будет серьезным изменением соотношения сил, всего стратегического баланса.

Для нас возникнет вопрос: каков должен быть наш следующий шаг.

Думаю, вы, как человек логически мыслящий, это понимаете. Очевидно, нам пришлось бы приостановить все обсуждения в области разоружения, проанализировать, какие изменения нам надо внести в нашу доктрину, в позицию на переговорах в Вене, в наши планы сокращения вооруженных сил".

В ответ американец сослался на Заключение Хельсинки, который закрепил за каждой страной-участницей право по своему выбору входить или не входить в любой союз.

Кстати, точно такая же примитивная аргументация использовалась позже для оправдания расширения НАТО на Восток. Горбачев продолжал настаивать, однако не пустил в ход "тяжелую артиллерию" по фалинскому рецепту и предложил, чтобы обе стороны еще раз хорошенько подумали над проблемой (С. 438–444).

Между тем, надежды на разногласия в западном лагере не оправдались, хотя будущая "Большая Германия" вызвала восторг только в США.

В вопросе о германском членстве в НАТО Горбачев не встретил поддержки даже со стороны Миттерана, с которым беседовал на эту тему 25 мая.

Президент Франции со всей прямотой сказал: "ФРГ – член НАТО, и именно она – если называть вещи своими именами и отбросить дипломатическую оболочку происходящего – поглощает ГДР"* (С. 451).

Миттеран выразил при этом сожаление, что его сделанное в декабре 1989 г. предложение о европейской конфедерации не было подхвачено Советским Союзом. Эта идея, – говорил он, – "схожа с вашей концепцией строительства общеевропейского дома" (С. 456), намекая одновременно на то ее преимущество, что реализация французской идеи означала бы выигрыш во времени и позволила бы обойти аморфное СБСЕ, неспособное стать костяком общеевропейской организации.

В сложившейся же ситуации, – продолжал Миттеран, – "если я скажу «нет» в вопросе о принадлежности Германии к НАТО, то окажусь в изоляции в среде своих западных партнеров".

Француз предупредил: "Вы можете ужесточить свою позицию. Но такой подход станет источником дестабилизации в Европе. По всем остальным вопросам как-то договориться можно. Но вопрос о членстве в НАТО стоит особняком" (С. 464–465).

Перед лицом единого фронта Запада Горбачев выбросил белый флаг.

Он сделал это во время визита в США, используя ранее сделанную Бейкером подсказку. В беседе с президентом Бушем-старшим 31 мая Горбачев предложил сделать "публичное заявление по итогам наших переговоров",

* Аналогичную аргументацию использовала и премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер, с которой Горбачев встретился 8 июня 1990 года. Она заявила: "Поскольку ГДР присоединяется к ФРГ, она автоматически унаследует все международные обязательства Федеративной Республики, включая членство в НАТО и ЕЭС". (С. 482).

указав, “что президент США согласился, что суверенная объединенная Германия сама решит, какой военно-политический статус ей избрать – членство в НАТО, нейтралитет или что-то иное”.

Было ясно, что налицо капитуляция Горбачева, однако осторожный Буш постарался улучшить текст.

Его вариант: “США однозначно выступают за членство объединенной Германии в НАТО, однако если она сделает другой выбор, мы не будем его оспаривать, станем уважать”.

Эта редакция и была принята, однако по предложению Шеварнадзе стороны воздержались от включения данной фразы в заключительное коммюнике (С. 474–476). Предстояло “продать” эту уступку также и Коль, а самое главное – общественному мнению СССР, которое бурлило под впечатлением того, как “распродается за марки Победа, которая досталась такой ценой, такими жертвами” – об этом Горбачев откровенно говорил Коль в Москве 14 июля 1990 года (С. 499).

Во время июльских переговоров с канцлером в Москве и Архызе Горбачев отнес вопрос о вхождении Германии в НАТО к оставшимся двум “тяжелым темам”, хотя и квалифицировал его как “ясный”.

Сделанная им оговорка гласила: “Дейфакто после объединения на территории нынешней ГДР не должно быть войск НАТО. Это в переходный период, а потом вопрос будет терять остроту. Возникнет переходное состояние, характеризующееся тем, что при юридическом членстве Германии в НАТО ее восточная часть будет оставаться в сфере действия Варшавского договора. Мы даем, таким образом, развязку проблемы о членстве Германии в НАТО”.

Второй “тяжелой темой” Горбачев назвал заключение “договора о пребывании наших войск в Германии в течение трех-четырех лет”.

Обе проблемы оказались тесно связанными, поскольку “сфера действия Варшавского договора” должна была выражаться, прежде всего, через присутствие в Германии Западной группы войск. Советская сторона настаивала на нераспространении компетенции НАТО на Восточную Германию, пока там остается ЗГВ, а также на гарантиях того, что после ухода советских войск “НАТО с ядерным оружием и своими складами не войдет на территорию бывшей ГДР”. При этом Горбачев был согласен с тем, чтобы рядом с ЗГВ были немецкие войска территориальной обороны, не подчиненные НАТО, а после вывода ЗГВ – также части бундсвера, подчиненные НАТО, но без ядерного оружия.

Достигнутое согласие включало эти моменты, а также условия и формы финансовой поддержки Бонна как в отношении содержания и вывода ЗГВ, так и переподготовки офицерского состава и строительства жилья для него на территории СССР.

Коль и Геншер охотно уплатили эту цену за предоставление Германии полного суверенитета к моменту ее объединения.

Коль подчеркнул уже в начале беседы с Горбачевым: “Будем помогать друг другу” (С. 497, 507–517).

На заключительной пресс-конференции Коль говорил о том, что “обе стороны сознают: в настоящее время в Европе, Германии и Советском Союзе совершаются исторические перемены, которые возлагают на нас особую ответственность. Это верно в отношении политической деятельности в каждой из этих стран, а также в развитии связей между двумя нашими странами, это верно в отношении будущего всей Европы.

Президент Горбачев и я согласны в том, что мы должны взять на себя эту

историческую ответственность. И мы постараемся вместе справиться с ней”.

Канцлер поставил журналистов в известность о договоренности “сразу после объединения Германии заключить всеобъемлющий и основополагающий двусторонний договор, который на долгий срок и на основе добрососедства будет регулировать наши отношения. Такой договор должен охватывать все области отношений – не только политические, но также вопросы взаимной безопасности, экономики, культуры, науки и техники, молодежного обмена и многое другое. Цель заключается в том, чтобы поставить наши отношения на основу стабильности, предсказуемости и доверия, а также взаимодействия в нашем общем будущем”.

Сообщение о договоре должно было смягчить впечатление полного торжества политики Бонна.

Выступление Горбачева на пресс-конференции преследовало ту же цель.

Он говорил: “Идет процесс сближения. Мы чувствуем себя хотя и разными, но органичными частями человеческой цивилизации, чувствуем взаимозависимость перед глобальными вызовами. Итоги встречи интегрируют и позиции ФРГ, и позиции Советского Союза. Наверное, западногерманская сторона не получила «в чистом виде» то, на что рассчитывала. «В чистом виде» и мы не получили того, на что рассчитывали в свое время. Но мы были реалистами, оценили направленность перемен, сопоставляли, постоянно вписываясь в европейский контекст, пытались органично совместить все эти процессы. И хотя визит канцлера называется рабочим, я бы отнес его к крупнейшим визитам нашего времени” (С. 526–529).

Взаимные комплименты не возымели большого действия на мировую общественность. Хотя в беседе с Бушем Горбачев и заявлял: “Я надеюсь, что из присутствующих никто не верит в такую чепуху, будто какая-то из сторон

победила в «холодной» войне” (С. 474), весь мир воспринял итоги внешнеполитической деятельности “перестройкистов” как безусловное поражение СССР.

Это Коль стал для Запада “великим канцлером”. Это Коля славословили в Германии как “отца единства нации”.

Горбачева же в СССР публично поносили.

Он признавался в беседе с германскими социал-демократами в сентябре 1990 г.: “Только что с трибуны перечислял, что Горбачев успел уничтожить: КПСС, социализм, Союз ССР, Восточную Европу, марксизм-ленинизм. Что еще?”.

Присутствовавший на беседе Фалин добавил: “Пролетарский интернационализм. Называли еще армию” (С. 584–585).

При этом поведение немцев по отношению к СССР было далеко от идеального.

Горбачев жаловался Геншеру 12 сентября, что “печать, а также телевидение (ФРГ), в частности программа ЦДФ, публикуют адреса и телефоны, по которым военнослужащие (ЗГВ) могут обратиться в случае, если захотят сбежать” (С. 573).

Снижение международного статуса страны в результате германского урегулирования стало фактом.

Из партнера, способного диктовать условия соглашения, Советский Союз превратился в нищего, выклянчивающего подачки у богатых западных коллег. Характерен телефонный разговор Горбачева с Колем 10 сентября 1990 г. об объеме расходов на строительство 36 тысяч квартир для возвращающихся домой офицеров ЗГВ.

Советский запрос составлял 16–18 млрд. марок, немецкие расчеты исходили из затрат на сумму 11–12 млрд. марок. Коль всячески упирался.

Горбачев заявил: “Вы знаете, ситуация у нас в стране непростая. Нам необходимо выправлять экономическое положение. Мы не можем ждать три-пять месяцев.

Уже с 1 октября должен быть начат переход на рыночную экономику. Я нахожусь в очень жестком положении и не могу торговаться. Сейчас же получается, что мы ведем себя подобно торгашам”.

Президент СССР добавил, что разочарован скупостью канцлера.

Коль ответил: “Мне не хотелось бы, чтобы вы были разочарованы. 12 месяцев назад мы начали отсчет нового времени в наших отношениях, вышли на новый уровень. Поэтому надо сделать все, чтобы этот процесс не был заторможен.

Я знаю, что должен помочь вам как человеку. Вы тоже мне помогаете.

В июле мы обсудили все проблемы и наметили необходимые меры.

Осенью мы окажем вам содействие в реализации программы реформ. Нужно сохранить атмосферу взаимной выручки в наших отношениях”.

Горбачев: “У меня непростая ситуация, и вы должны ее видеть. После боев, которые нам пришлось выдержать с правительством, финансистами и военными, я не вижу возможности опускаться ниже 15 млрд. марок; 3 млрд. необходимо найти”.

Коль предложил подумать о беспроцентном кредите на сумму 3 млрд. марок сроком на 5 лет.

Горбачев подытожил: “Вы предоставляете 12 млрд. марок сроком на 4 года на содержание и вывоз войск и плюс к этому несвязанный кредит (на 3 млрд.)”.

На том и порешили.

Так была проторена дорожка к долгой яме для страны, углублять которую с усердием продолжала администрация Б.Ельцина.

Так стала нарастать та гора долгов, которые в начале XXI в. пришлось выплачивать России.

Так закладывалась основа империй российских олигархов, которых никто и никогда не расспрашивал об источниках их миллиардных состояний.

Что получил Советский Союз в сухом остатке в результате урегулирования проблем, связанных с герман-

ским объединением? Практически ничего.

“Утешительным призом” для Москвы, проигравшей все дипломатические баталии 1989/1990 гг., должны были стать два договорных текста и одна декларация.

Речь идет:

- о Договоре об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 г.,

- о Договоре о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве между ФРГ и СССР от 9 ноября 1990 г. (“большой договор”);

- о Парижской хартии для новой Европы, принятой на встрече в верхах Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 21 ноября 1990 г.

Должны были стать, но по различным причинам не стали. Во всех трех документах СССР фигурировал как один из рядовых участников без каких-либо привилегий или особых прав (но, правда, пока с равными правами). Наиболее острая для него проблема – обеспечение безопасности после вывода советских войск с территории бывшей ГДР, а также стран Восточной Европы – осталась полностью неурегулированной.

В Договоре об окончательном урегулировании в отношении Германии (“договор 2+4”) был довольно тщательно прописан порядок ухода ЗГВ с территории бывшей ГДР, однако, по существу, проблемы европейской безопасности содержалась лишь ставшая знаменитой “клятва” Хонеккера и Коля, что “с немецкой земли будет исходить только мир”.

В отличие от мирного договора, на заключении которого настаивали германисты-профессионалы, договор от 12 сентября носил по существу “одно-разовый” характер: его целью было создание условий для объединения Германии, и после 3 октября 1990 г., когда

это объединение официально совершилось, о содержании договора все забыли. Подписав его, Советский Союз, так же как и остальные члены “большой четверки”, отказался от своих прав державы-победительницы во Второй мировой войне. Но, как и предупреждал Фалин, западные державы сохранили развитую систему взаимных обязательств с Германией, в которую были заблаговременно вмонтированы основные моменты их послевоенных прав. У СССР же после исчезновения ГДР не осталось партнера на германском направлении.

Что же касается Парижской хартии, то ее содержание исчерпывалось лозунгами типа “Эра конфронтации и раскола Европы закончилась” и “Составляющая единое целое и свободная Европа зовет к новому почину”.

По вопросу о безопасности на континенте, для обеспечения которой требовалось создание общеевропейской системы, в Хартии говорилось только: “Достижение национального единства Германии – важный вклад в установление справедливого и прочного мирного порядка в единой демократической Европе, сознающей свою ответственность за обеспечение стабильности, мира и сотрудничества”.

С юридической точки зрения Хартия имела характер заявления о намерениях и не подлежала ратификации парламентами стран-участниц СБСЕ. Это означало, что никто не мог, опираясь на текст Хартии, требовать от подписавших ее правительств выполнения каких-либо обязательств, то есть практическая ценность Хартии как кодекса международно-правовых норм была равна нулю.

Обозначившейся изоляции Советского Союза был призван воспрепятствовать Договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве между СССР и

ФРГ (уже в качестве объединенной Германии) (Бонн, ноябрь 1990 г.).

Как и обещал Коль, в этом договоре было “много общего с германо-французским договором” 1963 г. (С. 500), который положил начало “особым” отношениям между Францией и ФРГ, позволившим западноевропейской интеграции достичь высот, еще недавно считавшихся уделом далекого будущего.

В германо-советском договоре, получившем техническое название “большой договор” (в отличие от других, менее важных двусторонних соглашений), содержались положения, носящие характер международно-правовых обязательств. В договоре была провозглашена цель “создания прочного и справедливого европейского порядка, включая стабильные структуры безопасности” (преамбула). Стороны подтвердили “право всех народов и государств свободно и без вмешательства извне определять свою судьбу и осуществлять по собственному желанию свое политическое, социальное и культурное развитие” (ст. 1).

Они обязались “неукоснительно уважать территориальную целостность всех государств в Европе в их нынешних границах” и рассматривать “сейчас и в будущем как нерушимые границы всех государств в Европе, как они проходят на день подписания настоящего договора” (ст. 2).

Они взяли на себя обязательство “воздерживаться от применения силы или угрозы силой” в отношениях между собой и “никогда не применять свое оружие, кроме как для целей индивидуальной или коллективной самообороны” (ст. 3).

Было также предусмотрено, что в случае возникновения ситуации, создающей угрозу миру, стороны незамедлительно вступают в контакт друг с другом, “чтобы согласовать свои позиции и условиться о мерах, которые позволили бы улучшить ситуацию или справиться с ней” (ст. 7).

В целом обязательства ФРГ по этому договору были равнозначны по меньшей мере обещанию не рассматривать свое “расширение на Восток” (то

есть поглощение ГДР) как начало общего марша западных блоков к советским (российским) границам.

Тем не менее, этот марш стал реальностью, причем ФРГ официально выступила его инициатором.

Обязательства по ст. 3 (ее текст: "Они [договаривающиеся стороны] никогда и ни при каких обстоятельствах не используют первыми свои вооруженные силы друг против друга или против третьих государств. Они призывают все остальные государства присоединиться к этому обязательству о ненападении") носили вполне конкретный характер. Более того, такое обязательство со стороны Германии было условием ее объединения.

Однако Германия не сделала ничего для того, чтобы к этому обязательству присоединилось какое-либо другое европейское государство. Само же обязательство не помешало ФРГ принять участие в агрессии НАТО против Югославии в 1999 г.

В преамбуле договора содержалась ссылка на "фундамент, созданный в предыдущие годы развитием сотрудничества между Федеративной Республикой Германией, а также Германской Демократической Республикой и Союзом Советских Социалистических Республик". Однако еще до объединения наметилась линия на гонения и дискриминацию тех граждан ГДР, которые сыграли большую роль в укреплении дружбы и сотрудничества с СССР.

Во время встречи с премьер-министром Саара Оскаром Лафонтемом (СДПГ) 21 сентября 1990 г. Горбачев сообщил, что написал Колю письмо по этому поводу.

Он сказал: "Обращаю его внимание на то, что нельзя допустить преследований в Германии бывших членов СЕПГ. Если это начнется, возникнут подозрения, привкус прошлого. Налицо и антисоветская направленность таких тенденций. Если мы смотрим в будущее, этого не должно быть".

Возвращаясь по ходу беседы к этой теме, президент СССР отметил: "Мы были

тесно связаны со многими людьми в ГДР. Если в этом вопросе будут чувствоваться, мягко говоря, деформации, пойдет «охота за ведьмами», то у нас в стране, в обществе это произведет очень неблагоприятное впечатление. Я не думаю, что Хонеккер был действительно замешан в злоупотреблениях. Не из того теста он сделан. Я ведь был свидетелем всей этой трагедии. Одно дело политические просчеты, другое – злоупотребления".

Сопровождавшие Лафонтема представители руководства СДПГ поддержали высказанное Горбачевым мнение, а Лафонте обратился к нему с просьбой: "Поговорите с Колем насчет него (Хонеккера). Если это сделаем мы, на нас все набросятся" (С. 590–591).

В обширной литературе, посвященной объединению Германии, нет упоминаний об обращении Горбачева к Колю по вопросу об отношении к гражданам бывшей ГДР. Скорее всего, он так и не решился направить канцлеру упоминавшееся им в беседе с Лафонтемом письмо, проект которого был подготовлен для него Фалиным и отредактирован Черняевым в сторону "смягчения" 24 сентября – свидетельства о том, что письмо было действительно передано германской стороне, публикация не содержит.

В проекте содержалась ссылка на сведения о намерении судить в федеральных судах 8 тыс. чел. за "национальную измену", за "преступления против человечности", за "подрывную деятельность в интересах иностранного государства" и такой комментарий: "Был бы человек – параграф сыщется, а из архивов при желании можно извлечь все что угодно".

Далее в проекте говорилось: "Что касается «услугения иностранному государству», то не будем игры играть – метят в Советский Союз, пренебрегая его вкладом в восстановление единства Германии. Советская общественность и Верховный Совет, которому еще предстоит ратификация договоров с ФРГ внимательно следят за ходом объединительного процесса. Они,

несомненно, не оставят без реакции попытки выдать за криминал то, что до недавнего времени вытекало из союзнических обязательств.

Открытая или даже скрытая проповедь антисоветизма и антикоммунизма не вяжется с принципами добрососедства, которыми мы с вами присягнули" (С. 593–594).

Имя Хонеккера в проекте письма не упоминалось. Тем не менее Горбачев вполне мог счесть его текст неуместным в обстановке, когда Коль говорил ему (как это было во время беседы с глазу на глаз 9 ноября 1990 г.): "Совершенно официально заявляю вам, что как федеральный канцлер Германии и просто как гражданин Гельмут Коль я ставлю на вас, г-н Горбачев. Именно на вас, а не на всех, кто находится рядом с вами" (С. 604).

Очень может быть, что он не хотел рисковать нарушить гармонию, о которой сам говорил в тот же день: "Мы с канцлером едины в том, что после проделанной сторонами работы по урегулированию принципиальных вопросов двусторонних отношений необходимо сделать акцент на координации практического сотрудничества. Мы вошли в новую фазу отношений, и ее плоды должны быть видны и в СССР, и в Германии" (С. 613).

Несмотря на неясность с обращением в защиту бывших членов СЕПГ, надо отдать Горбачеву должное: он предоставил Хонеккеру и его супруге убежище в СССР. Но в ФРГ состоялись тысячи судебных процессов, значительная часть из которых закончилась осуждением обвиняемых на различные сроки тюремного заключения. Отбывал свой срок и Кренц, премьерник Хонеккера на посту генераль-

ного секретаря ЦК СЕПГ и председателя государственного совета (президента) ГДР.

"Большой договор" создал механизм регулярных консультаций между ФРГ и СССР/Россией (после дезинтеграции Советского Союза он был признан Германией и Российской Федерацией в качестве основы их взаимоотношений), предназначенный для гармонизации их действий на международной арене. Но это только механизм. Он мог оказаться пригодным для продвижения российских интересов или мог служить лишним поводом для совместного похода в сауну, как это было в эпоху Ельцина.

Консультации не предотвратили расширения НАТО на Восток. ФРГ дисциплинированно маршировала в едином натовском строю, в то время как блок быстро менял свою антисоветскую ориентацию на антироссийскую.

Свет в конце туннеля забрезжил только тогда, когда начатый Горбачевым и продолженный Ельциным бег России к краю пропасти был остановлен В.В.Путиным – остановлен, надо признать, в последний момент. Несколько лет спустя, достаточно неожиданно для многих, в России начался процесс консолидации сил, восстановления экономики, возвращения на мировую арену в качестве одного из центров глобального влияния. Только после этого возникли предпосылки для подлинного российско-германского партнерства, при котором не на словах, а на деле учитываются интересы обеих сторон.

Заключение

Хотя забвение национальных интересов началось, по существу, с того момента, когда под флагом "перестройки" внешнюю политику СССР стало определять так называемое "новое мышление", сводившееся на прак-

тике к "упреждающим уступкам" западным партнерам, переход к прямой капитуляции по главной внешнеполитической проблеме того периода – по германской – поддается точному датированию. Такой датой стало 26 января

1990 г., когда на совещании генерального секретаря ЦК КПСС со своими ближайшими советниками было принято решение “сдать” ГДР.

“Коллективным” данное решение можно назвать только с большой натяжкой. К обсуждению не были привлечены профессионалы-германисты (за исключением Фалина). Присутствовавший на совещании министр иностранных дел Шеварнадзе никак не может быть причислен к специалистам ни по внешней политике в целом, ни тем более по германским делам, в частности.

Участники совещания руководствовались соображениями, весьма отдаленно связанными с реальным положением дел в германских государствах.

Догматическая линия на блокирование любого обсуждения национальной проблемы немцев, проводившаяся советским руководством после падения Стены (9 ноября 1989 г.), стала препятствием для того, чтобы ГДР и СССР своевременно задействовали те немногочисленные козыри, которые еще оставались у них на руках после того, как при участии Москвы был ревитализирован германский вопрос.

Замена этой линии в январе 1990 г. на прямо противоположную представляла собой попытку вспрыгнуть в последний вагон уходящего поезда.

Эта попытка могла принести успех только при условии, что будет незамедлительно начат нормальный переговорный процесс, в ходе которого неизбежные уступки с советской стороны делались бы лишь в ответ на встречные уступки ФРГ и Запада в целом.

У Запада не было согласованной позиции в отношении скорого германского объединения; такой позиции не было и в самой ФРГ; у постсоциалистической ГДР были свои представления о способах и сроках достижения единства, которые совсем не обязатель-

но совпадали с планами Бонна, Вашингтона, Лондона или Парижа.

Все это открывало определенный простор для игры на противоречиях и несогласованностях партнеров.

Участники процесса, кроме Бонна и в какой-то степени Вашингтона, не были заинтересованы в подхлестывании темпа событий. В то же время правительство ФРГ исходило из необходимости спешить, чтобы воспользоваться “*окном возможностей*”, которое, как оно опасалось, могло того гляди закрыться. Эта спешка делала его предрасположенным к уступкам по проблемам, которые стояли в центре советских озбоченностей, обусловленных перспективой утраты наиболее ценного союзника на европейском направлении.

Главной из таких проблем было участие объединенной Германии в НАТО.

Как показало дальнейшее развитие, возражения Москвы против такого участия не носили конъюнктурного характера, а отражали фундаментальные интересы безопасности СССР/России.

Именно сохранение и укрепление НАТО вследствие включения в альянс объединенной Германии обусловили крушение планов создания общеевропейской системы коллективной безопасности, что создало предпосылки для расширения блока на Восток в качестве эрзаца такой системы, а также для нынешней военно-стратегической изоляции России в Европе.

Именно существование НАТО позволяет США втягивать европейские страны в новую гонку вооружений. Ряд свидетельств участников тогдашних внутренних дискуссий в ФРГ подсказывает, что, **будучи поставленным перед жестким выбором: “объединение или НАТО”, западногерманское руководство с большой степенью вероятности предпочло бы объединение.**

Но для этого нужно было вести активную “нажимную” политику, ис-

пользовать все возможности воздействия на партнеров по переговорам, настаивать на приемлемых развязках, вообще – не терять времени даром.

О том, что подобный образ действий был возможен и даже, не исключено, имел кое-какие шансы на успех, говорит концепция Фалина, который в апреле 1990 г. попытался переломить беспомощное скольжение СССР к дипломатическому поражению.

Но фатальность краха была заложена уже 10 февраля 1990 г., когда состо-

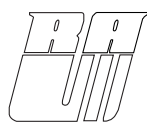
ялась безоговорочная передача “ключей от германского единства” в руки Коля. К этому моменту Москва уже “села на иглу” западногерманских займов, и ее зависимость от них в дальнейшем только возрастала.

Коль и здесь проявил себя как расчетливый хозяин – ГДР досталась ему по распродажной цене, причем большую часть полученных финансовых вливаний России пришлось впоследствии вернуть Германии с процентами.

Материалы рассматриваемого сборника документов, задуманного как средство оправдания личной политики Горбачева и его ближайшего окружения, дают скорее противоположный эффект.

Но польза от их публикации несомненна: стали гораздо более зримыми внутренние пружины действий партийного руководства в завершающий советский период.

Если история позволяет делать выводы из течения составляющих ее событий, то вывод из краха стратегии Горбачева может звучать так: государственный деятель, сдающий жизненные интересы доверенной ему страны – какими бы красивыми лозунгами это сдача ни прикрывалась (то ли “политической целесообразностью”, то ли “абсолютным приоритетом” общечеловеческих, общеевропейских, общечивилизационных и так далее ценностей), – такой государственный деятель обречен на поражение. И с ним, к сожалению, возглавляемая им страна.

ОБЗЕРВАТЕЛЬ
OBSERVER

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@nasled.ru

Проблемы государственной национальной политики

Современные аспекты

Юрий Бойко,
профессор

В современную постиндустриальную эпоху успехи экономики в России зависят от преимущественного развития обрабатывающей промышленности и наукоемких отраслей хозяйства, следовательно, напрямую взаимосвязаны с вопросами “человеческого капитала” страны – ее населения. Для совершенствования человеческого потенциала страны, законодательной и исполнительной ветвям власти целесообразно уделять пристальное внимание всем факторам, которые могут влиять на этот процесс.

Как правило, максимальное внимание научными кругами, а также политиками уделяется социальным и демографическим факторам как наиболее способствующим повышению “качества человеческого капитала”. В научной литературе не до конца разработаны проблемы, вытекающие из полиэтничности Российской Федерации, что находит отражение и в редких публикациях СМИ на эти темы. Между тем, вопросы межнационального взаимодействия не могут не отражаться на всех сферах жизни и деятельности россиян, в частности на социально-психологическом климате как средстве консолидации усилий всего населения по решению масштабных задач экономического и социального характера.

России приходится решать задачу формирования эффективного и прочного государственного механизма в многонациональном и поликонфессиональном государстве.

Как показывают исследования¹, возникают как внутренние, так и внешние препятствия, характерные для обществ, переживающих период становления своей государственности:

– сохранившиеся в определенной степени центробежные силы в субъек-

тах Федерации, поскольку национальные элиты до сих пор эксплуатируют дихотомию “свой-чужой”, разрабатывают собственные региональные идеологии и зачастую направляют их не в сторону поиска позитивных путей модернизации за счет объединения усилий всех народов и культур, а к поиску “врагов” среди других народов;

– крайне медленное развитие гражданского общества в стране, а также отсутствие опыта совместной деятель-

ности государства и общества, ставшее значимым, когда от всех ветвей власти потребовалось осознание интересов страны уже не как интересов “трудящихся классов”, а сложной совокупности интересов различных социальных и этнокультурных групп;

– сложность баланса полномочий между Центром и регионами в экономическом и политическом аспектах.

Так, например, диктат Центра или гиперболизация его полномочий, могут “свести на нет” самостоятельную власть в регионах, лишить ее права на принятие решений и, как следствие, ответственности.

Для территорий с преобладанием нерусского населения данная тенденция может привести к росту антирусских фобий, поскольку федеральная власть воспринимается там как “русская”, а исходящие от нее ограничения полномочий местных властей зачастую рассматриваются как целенаправленная дискриминация;

– недостаточное внимание со стороны законодательной и исполнительной власти к национальной политике.

Именно снижение приоритетности фактора национальных взаимоотношений позволило сформироваться тенденциям шовинистического толка, особенно среди молодежи.

Проявлением данной тенденции являются события в Республике Карелия (г. Кондопога) (сентябрь 2006 г.), а также выступления “национал-патриотической” молодежи в столице и других городах России.

Периодически происходят силовые столкновения молодых людей из группировок националистического толка с людьми других национальностей.

В связи с указанными проблемами целесообразно выделить следующие цели законодательной и исполнительной ветвей власти:

1. Дальнейшее формирование эффективного, функционального и прочного государственного механизма в многонациональном и поликонфессиональном государстве.

2. Создание целостной правовой системы федерального регулирования социально-экономического развития субъектов Федерации.

3. Совершенствование механизмов согласования интересов Центра и регионов.

4. Воспитание у каждого этноса России национального самосознания, основанного на принципах гражданского общества. Формирование в стране морально-психологического климата терпимости и доброжелательности в сфере межэтнических взаимоотношений.

5. Формирование общегосударственной идеологии, учитывающей мировоззренческие тенденции в регионах.

При планомерном и поэтапном формировании федеративных отношений российским законодателям, а также представителям исполнительной власти целесообразно учитывать, с одной стороны, исторический опыт России, как страны с традиционно значительной централизацией власти, а с другой – не пренебрегать процессами формирования национального самосознания этносов, проживающих в стране в течение многих веков.

Вопросы национального самосознания заслуживают более детального анализа. Например, при рассмотрении проблемы русского народа, чаще всего, говорят о полиэтничности и поликонфессиональности Российской Федерации. Существенным аспектом также является формирование самосознания каждой личности². Но именно воспитание личности в нашей стране в последние десятилетия чрезвычайно ослабло.

В советский период считалось, что носителями национального самосознания являются трудящиеся классы со-

ветского общества: рабочие, крестьяне, а также передовая интеллигенция, стоящие на позициях коммунистической идеологии. Идеологическая работа с населением страны носила массовый характер, ее осуществлял широко развитый аппарат.

В переходный период, на фоне распада прежней системы ценностей, одновременно утверждалась новая идеологическая парадигма, предусматривавшая вытеснение социалистического интернационализма национально-либеральным прагматизмом. Население страны усвоило, что человек работает, чтобы хорошо жить сегодня и иметь обеспеченное будущее для себя и своих близких. К сожалению, вместе с коммунистическими идеями российское общество утратило многие присущие ему позитивные черты, например, коллективизм, способность сопереживания и сочувствия к другим людям.

Таким образом, работа по воспитанию самосознания у населения крайне актуальна сегодня. Однако вместо восстановления утраченных позитивных психо-социальных качеств у российских граждан СМИ на протяжении последних десятилетий насаждают американскую систему мышления, которая производит разрушительное воздействие на отечественный менталитет. Американская идеология, безусловно, преемлемая для США и стран подобного типа, сформировалась в условиях пуританского государства эпохи Просвещения с его приоритетом “личного” над “общественным”. Если ее, как показано в наших исследованиях, “слепо” переносят на русскую почву, не учитывая разницы между двумя моделями общества, то это способствует, в первую очередь, росту разобщенности между членами социума и формированию агрессивных тенденций в психике людей.

Несмотря на то, что в стране относительно нормализовалась работа государственных экономических, социальных и правовых структур, в прессе и на телевидении продолжает сохраняться преимущественный показ негатива, агрессии и насилия.

Создается впечатление, что против российского народа ведется ожесточенная информационная война.

Другим примером отсутствия внимания к воспитанию людей со стороны государства и его структур является активное функционирование в России множества сект, которые наносят непоправимый ущерб психологии личности, при этом несовершенство законодательства определяет пассивную позицию органов прокуратуры.

В то же время некоторые западные исследования слабо используются отечественными учеными для разработки рекомендаций по воспитанию личности. Устаревшее и примитивное толкование роли оплаты труда ограничивает возможности позитивного воздействия на самосознание человека. Исследования показывают³, что для личности важно не столько наличие больших денег, сколько значимая для индивидуума возможность их практического применения, то есть удовлетворения потребностей, расширения возможностей, получения социального признания и т.п., что не в полной мере учитывается в политике государственных структур.

Все эти сложности связаны с отсутствием единой программы, направленной на формирование здорового и обогащенного национального самосознания.

Рассматривая вопросы воспитания личности гражданина российского государства, нельзя оставить в стороне вопросы взаимосвязи воспитания национального самосознания и патриотизма. Составляющая часть нацио-

нального самосознания это бессознательное, а на определенном этапе развития личности и осознанное чувство патриотизма, чувство единства, а не разобщенности, чувство защищенности, чувство уверенности в завтрашнем дне, в ближайшем будущем, чувство понимания цели, к которой мы идем, набор эмоционально волевых качеств индивидуальной личности.

Воспитание каждой индивидуальной личности – это внутренняя составляющая национального самосознания, важная как для формирования гражданского общества в России, так и для выстраивания межнациональных отношений в духе сотрудничества.

В России на современном этапе законодательно провозглашен и документирован демократичный и цивилизованный подход к национальному вопросу, имеется современная правовая база, которая соответствует международным требованиям. Однако сложность проблемы формирования новой российской государственности такова, что не все шаги на этом пути в достаточной степени выверены и обоснованы.

Так, например, одним из научно обоснованных решений в рамках реализации национальной политики представляется упразднение Министерства по делам федерации, национальной и миграционной политики Российской Федерации и передача его функций в 2001 г. в три отдельных министерства (что значительно снизило комплексность подхода к вопросам национальной политики), а затем, в 2005 г. – в Министерство регионального развития Российской Федерации.

Причиной ликвидации Министерства в 2001 г., по мнению специалистов, послужило то, что национальные вопросы, являясь фактически политикой, а, следовательно, сферой внимания руководства страны, в то время как каждое министерство должно иметь конкретный “предмет деятельности”⁴.

Безусловно, в аппарат руководства страны должно входить некое специальное “управление по национальной политике”, которое должно определять идеологию, основные направления и стратегию работы в данной сфере.

Сегодня фактически отсутствует государственный механизм, который в полной мере охватывал бы все аспекты формирования и реализации государственной национальной политики, а также контроля и оценки достигаемых результатов. Деятельность Министерства регионального развития РФ сосредоточена, в основном, на вопросах социально-экономического развития регионов и проблемах ЖКХ, в то время как приоритетность проблем национальной политики оказывается заметно сниженной⁴.

Попытка делегировать Министерству регионального развития полномочия и функции в области государственной национальной политики и межнациональных и межконфессиональных отношений противоречит логике и приводит к искажению приоритетов в самой сфере национальной политики.

Реализовывать национальную политику “на местах” могут непосредственно региональные власти, но целесообразно вести эту деятельность под руководством и по методическим разработкам специального ведомства. Нельзя забывать, что экономическая политика развития регионов может входить в противоречие с национальной политикой, которая должна быть направлена, прежде всего, на сохранение природной и культурной среды обитания этносов, живущих на территории региона.

Сосредоточение указанных двух направлений внутренней политики в рамках Министерства регионального развития снижает объективность подходов в случае возникновения противоречий. Кроме того, цели, задачи, а также механизмы и средства реализации государственной национальной политики должны планомерно доводиться до

каждого россиянина, а не только до региональных политических элит. Это означает постоянную, комплексную и целенаправленную деятельность специального государственного органа не только в сфере национальной политики, но и идеологии, а также в сфере коммуникаций и работы с населением.

Сегодня в стране уделяется внимание определенным аспектам национального самосознания. При этом частично используется механизм реализации Приоритетных национальных проектов⁵. В то же время, создание цельной самостоятельной программы в области национальной политики и воспитания национального самосознания затруднено, в связи с отсутствием механизма ее реализации.

Наши исследования характеристик современного состояния нацио-государственного строительства в России, а также внутренних и внешних аспектов модернизации политической системы российского федерализма показали, что реализация государственной национальной политики, а также выстраивание межнациональных и межконфессиональных отношений через воспитание самосознания этносов и каждой личности, предполагает целесообразность выделения этих направлений в отдельное министерство с приданием ему значимого статуса, широких полномочий и качественно новых функций.

Новое ведомство может, например, иметь название "Министерство по делам национальностей и религий РФ". Его деятельность имеет смысл выстраивать как комплексную, а для достижения полного результата – во взаимодействии с другими министерствами Российской Федерации.

Рассмотрим возможные направления деятельности и функции предлагаемого государственного органа исполнительной власти.

Достигнутая Россией экономическая стабильность позволяет создать финансовую платформу для решения новым ведомством задач национальной политики за счет привлечения государственных средств. Кроме того, одной из его задач может являться привлечение отечественного бизнеса к участию в национальных программах для повышения доверия населения к рыночным отношениям.

В новом ведомстве целесообразно осуществлять постоянный мониторинг национальных и межконфессиональных взаимоотношений в стране, а его результаты могут быть реализованы новым органом исполнительной власти в предложениях законодателям по обеспечению правового регулирования данных взаимоотношений.

Предлагаемому ведомству имеет смысл принимать активное участие в сфере социальной политики, так как национальные взаимоотношения напрямую связаны с возникающим в регионах социальным напряжением в случае ухудшения материального и социального положения граждан. Это означает, что данному органу исполнительной власти рационально будет предоставить возможность напрямую воздействовать на реализацию проектов в социальной сфере, контролируя их финансирование.

Таким образом, предлагаемая структура сможет являться координирующим органом исполнительной власти, который осуществляет мониторинг национальных взаимоотношений и определяет – какие проблемы в работе иных ведомств приводят к негативным последствиям в национальных взаимоотношениях.

Желательна ориентация нового министерства на превентивную деятельность – предупреждение негативных явлений в национальной сфере, а не на ликвидацию их последствий.

Для получения информации и более объективной ее оценки, новому ведомству целесообразно иметь свои представительства во всех регионах РФ. Особенно важна деятельность представительств мини-

стерства на проблемных территориях (до-
тационные регионы).

Одной из важнейших функций террито-
риальных представительств может стать
контроль эффективности использования
федеральных средств, направляемых в ре-
гионы на жилье, здравоохранение и соци-
альное обеспечение.

Данной структуре можно рекомендо-
вать поддерживать официальные связи со
СМИ на всей территории страны, в том
числе контролировать их деятельность в
случаях, когда они разжигают нацио-
нальную рознь и когда в сознание людей
вносятся агрессивность, потакание низмен-
ным инстинктам.

В то же время необходимо работать
со всеми видами СМИ, в частности с са-
мым массовым из них – телевидением,
для организации наряду с показом негатив-
ных явлений, которые сейчас в основном
освещаются в СМИ, широкого показа по-
зитивных моментов и их обсуждения.

Воспитание национального само-
сознания имеет законченный смысл
только тогда, когда ценности проника-
ют в сознание каждого члена обще-
ства. Чтобы программа воспитания на-
ционального самосознания была ре-
зультативной, ее надо озвучивать по-
стоянно, целенаправленно и адресно,
используя законы коммуникации, ее
современные средства.

В системе нового ведомства рекомен-
дуется продумать и использовать точную и
корректную схему взаимодействия со все-
ми конфессиями на территории страны. В
то же время необходимо удерживать ре-
лигиозные взаимоотношения в рамках под-
ходов гражданского общества, то есть прак-
тической и разумной религиозной терпимости.

Так, в предлагаемом ведомстве умест-
ен постоянный анализ межрелигиозных
отношений в стране в рамках отлаженной
системы взаимодействия с руководством
всех основных конфессий. Одной из целей
данной работы должно быть воспитание
детей всех религий в духе терпимости и
дружбы с людьми других национальностей
и религиозных убеждений.

Работу нового органа исполнитель-
ной власти с образовательными учреж-
дениями имеет смысл проводить в двух
направлениях. Первое – воспитание в
детях и молодых людях уважения к
традициям и особенностям менталите-
та проживающих на той же террито-
рии людей других национальностей, их
обычаев. Подобное воспитательное
воздействие является наиболее эффек-
тивным путем создания в националь-
ном самосознании чувства уважения к
другим, самоуважения и обладания им-
мунитетом.

Второе направление – воспитание
нравственных устоев, которые должны
лежать в основе национального само-
сознания всех этносов на территории
страны, в частности ответственности в
отношении своей страны, ее граждан,
особенно слабых или пожилых людей,
а также любви к детям и животным.
Предлагаемому ведомству можно реко-
мендовать осуществлять постоянный
мониторинг результатов воспитатель-
ной деятельности и атмосферы обще-
ния, царящей в школах.

**Отдельной проблемой в рамках дан-
ного направления деятельности являет-
ся сохранение русского языка – госу-
дарственного языка Российской Феде-
рации.**

Теоретически, очень многие гово-
рят о необходимости разработки и ре-
ализации конкретной программы в этой
области, а практически – в СМИ, в ча-
стности в “желтой” прессе и на телеви-
дении, мы видим примеры коверкания
русского языка, использование грубых,
бранных выражений или вульгаризмов.

Новому ведомству целесообразно
рекомендовать непосредственное учас-
тие в научных разработках и теорети-
ческом обобщении вопросов различия
национального самосознания отдель-
ных этносов, государственного участия
в межнациональных и межконфессио-
нальных взаимодействиях, развития

гражданского общества, формирования доверия к власти, контроля деятельности аппарата и межпартийных связей.

Так, например, одним из проявлений проблемы национального самосознания является воспитание чувства единства у россиян как у гражданской нации.

Как показывают исследования, особенно ярко проявляется данный фактор при чрезвычайных ситуациях, когда экономические и социальные факторы теряют свое первостепенное значение, когда обостряются жизненно важные инстинкты индивидуумов, когда на первый план выходят необходимость в защите.

У граждан страны с детства необходимо воспитывать осознание возможности получить помощь не только в узком кругу своей этнической группы, но и от каждого россиянина, и от российской власти в целом, которое должно подкрепляться конкретными действиями государственных органов и поведением каждого жителя страны.

Важным направлением в работе нового ведомства может стать работа по изучению и использованию опыта национального строительства в других странах.

Имеет смысл продумать эффективное привлечение соотечественников, живущих

за рубежом, для получения более полной информации о том, как складывается на них национальная политика в странах их проживания.

Кроме того, источником ценных данных могут являться проявления национального самосознания россиян на международном уровне.

В качестве примера конкретного мероприятия по реализации государственной национальной политики в международной сфере можно предложить следующее.

Поскольку о стране судят по каждому отдельному россиянину – необходимо разработать Памятку для выезжающих за рубеж, в которой будут размещены сведения полезные российским гражданам в той или иной стране временного пребывания в случае нештатных ситуаций. Кроме того, должны быть указаны и рекомендуемые правила поведения в данной стране с тем, чтобы соответствовать понятиям жителей страны о корректном, легитимном поведении. Это простое действие позволит последовательно улучшать международный имидж России.

В качестве значимой функции нового органа исполнительной власти можно рекомендовать деятельность в тесном контакте с Минобороны РФ над вопросами воспитания у военнослужащих чувства ответственности за всю страну и народы ее населяющие, а также над пресечением фактов национальной розни в Российской Армии.

Структуру нового ведомства имеет смысл формировать с учетом конкретных направлений его деятельности.

Таким образом, реализация государственной национальной политики возможна только лишь при целенаправленных совместных действиях законодательной и исполнительной властей.

Примечания

¹ Бойко Ю.П. Россия на пути к демократическому федеративному государству. М.: "Научная книга", 2007. С.131,164, 188.

² Бойко Ю.П. Национальные государства. М.: Изд-во "Известия", 2006. С. 70, 76, 82.

³ Бойко Ю.П. Идеология национальной интеграции современной России. Монография. М.:Дипломатическая академия МИД РФ, 2007. С. 212.

⁴ Михайлов В.А. Слово "русский" у нас звучит только в негативном плане/ Интернет-журнал "Новая политика". 06.02.07//www.novopol.ru.

⁵ Официальный сайт Президента РФ. <http://www.kremlin.ru>

Яков Пляйс,

доктор исторических наук, профессор
(Финансовая академия при Правительстве РФ)

В последние годы в России, как и во многих странах, заметно обострились споры о судьбах демократии. Связано это с несколькими серьезными причинами.

Применительно к нашей стране они связаны, прежде всего, с определенным ограничением в применении демократических норм, в частности формирования некоторых органов власти, например, губернаторского корпуса.

Что касается остального мира, эти причины выразились в следующем: теракты, произошедшие 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне, а затем и в некоторых других странах и последовавшая за ними широкомасштабная кампания борьбы против международного терроризма, побудили многие государства несколько ограничить права и свободы граждан, что нередко трактуется исследователями и политиками как ограничение демократии.

Наконец, определенные успехи тоталитарных и авторитарных режимов (например, Северной Кореи и Ирана) в решении проблем, связанных с собственной обороной и безопасностью, наводят на мысль о том, что в некоторых (особенно жизненно важных) сферах такие режимы могут быть не менее, а то и более успешными, чем демократические.

Обобщая аргументы о высокой актуальности исследования темы демократии, можно констатировать, что причин, побуждающих по-новому рассматривать некоторые ее стороны, вполне достаточно. В частности, таких, которые сопряжены с практикой применения норм и принципов демократии. Однако, кроме мотивов эмпирического происхождения, есть еще целый ряд фундаментальных теоретических причин, связанных, главным образом, с историческим опытом применения норм и принципов демократии и деятельности демократических институтов.

За многие столетия развития демократии она неоднократно меняла формы своего проявления, что не могло не отразиться и на ее содержании. (Достаточно вспомнить о сложном переходе от прямой демократии к представительной, а также о том, к каким последствиям это привело).

Наиболее существенные и важные трансформации демократии произошли в последние два столетия, и это потребовало фундаментальных перемен как в миропорядке, так и в общественном сознании. Выявление причин этих трансформаций, их последствий не только для тех стран, где они произошли, но и для всего мира весьма важно и для науки, и для практики.

В поисках причин возникающих сложных проблем в России исследователи и практики, как правило, ссылаются на огромные размеры ее территории, тяжелый климат, полиэтничный, многоконфессиональный и мультикультурный состав ее населения. При наших огромных природных и других ресурсах, с избытком компенсирующих и географическую, и климатическую специфику, лишь неадекватные экономические и общественные политические решения мешают нам быстро прогрессировать и эффективно разрешать возникающие проблемы.

Особенно быстро трансформация государственных, социальных и иных институтов происходила в последние десятилетия.

По этой причине исследования, связанные с демократией, имеют не только теоретическое, но и практическое значение, в том числе для анализа воздействия мировых демократических волн на общественную и государственную жизнь России.

исследованием глобальных волн демократизации ученые-обществоведы занялись сравнительно недавно. Вполне возможно, что к этому их подвигли труды ученых-экономистов*.

Подходы к проблеме, а также оценки и выводы у различных наук и ученых заметно различаются. Если, на-

пример, С.Хантингтон, автор *понятия “волны демократизации”*, в самом начале 90-х годов прошлого столетия выделял три длинные волны демократизации и последовавшие за ними волны “отката”, то Ф.Шмиттер определил четыре волны глобальной демократизации. При этом каждый из них исходил

* Следует обратить внимание, например, на некоторые идеи выдающегося российского экономиста XX в. Н.Д.Кондратьева (1892–1938 гг.), заложившего вместе с П.А.Сорокиным краеугольные камни постиндустриальной парадигмы обществоведения. В одном из своих методологических докладов – “К вопросу о понятиях экономической статике, динамики и конъюнктуры” (1924 г.), Н.Кондратьев немало внимания уделил, во-первых, соотношению статике и динамики в экономике, и, во-вторых, видам динамических процессов. Последние он разграничивает “на эволюционные (иначе неповторимые, или необратимые) и волнообразные (повторимые, или обратимые)”. “Под эволюционными, или необратимыми процессами, – пишет Н.Кондратьев, – мы понимаем те изменения, которые при отсутствии резких посторонних пертурбационных воздействий протекают в определенном и в одном и том же направлении. Как пример их можно указать на постоянную тенденцию роста населения, увеличение общего объема производства и др. (Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. М.: Экономика, 2002. С. 20).

Под волнообразными (повторимыми, или обратимыми) процессами Н.Кондратьев понимал “те процессы изменений, которые в каждый данный момент имеют свое направление и, следовательно, постоянно меняют его, при которых явление, находясь в данный момент в данном состоянии и затем меняя его, рано или поздно может вновь вернуться к исходному состоянию” (Там же. С. 21).

“Идеи необратимых и обратимых процессов, – полагал Н.Кондратьев, – так же как и идеи статике и динамики, принадлежат, в сущности говоря, естествознанию, в узком смысле слова физике, химии; идеи эти имеют в них очень большое значение”. (Там же. С. 22).

Отвечая далее на вопрос: правомерно ли перенесение этих идей, терминов и понятий в экономику, Н.Кондратьев говорит: “Перенесение той или иной идеи из одной науки в другую не может оспариваться, если оно научно плодотворно. Раз оно плодотворно, значит, оно и правомерно, так как никакого иного критерия для решения этого вопроса нет и быть не может. Факты такого перенесения имеются, и они подтверждают высказанную мысль. И перенесения идей из области общественной жизни и обществоведения в область естественных наук” (Там же. С. 22–23).

из определенных критериев, и каждую волну отличал от другой по определенным признакам.

Так, С.Хантингтон рассматривал волну демократизации как переход группы стран от недемократических режимов к демократическим.

Этот переход протекает в определенный период времени и по числу стран, охваченных процессом, существенно превосходит число тех стран, в которых в этот же период времени развитие идет в противоположном направлении.

Эта волна характеризуется определенной либерализацией и соответствующей ей демократизацией политических систем. Обратные процессы, или “волны отката от демократизации” – это периоды попятного движения, когда в большой группе стран доминируют недемократические тенденции, характеризующиеся установлением или расширением сферы влияния авторитарных или тоталитарных режимов.

С начала XIX в. и до конца XX в. С.Хантингтон определяет три длинные волны демократизации и столько же волн “отката”.

По его мнению, *первая* волна демократизации охватывает почти 100-летний период (1828–1926 гг.), а волна отката – 20 лет (1922–1942 гг.).

Вторая волна более скоротечна (1943–1962 гг.), волна отката – 18 лет (1958–1975 гг.).

Третья волна берет свое начало в 1974 г. (демократические преобразования в Португалии, с 1975 г. – в Греции и т.д.)¹.

Хантингтон не только определил периодизацию волн демократизации и волн отката, но и охарактеризовал те процессы (включая причины), которые предшествовали им до и после возникновения².

Для нас особенно важны те выводы, к которым пришел данный исследователь, а именно:

во-первых, вывод о том, что процесс демократизации определяется совокупностью большого числа различных факторов, которые требуют комплексного анализа.

К числу этих факторов, а их более 20, относятся: уровень и характер экономического, социального, культурного и религиозного развития, позиция правящей элиты, международная обстановка и др.;

во-вторых, это вывод о причинах волн “отката”.

Это и слабость демократических ценностей в элитах и обществе; экономический спад и кризисы, ведущие к социальным конфликтам и росту популярности идей авторитарного правления; социальная и экономическая поляризация общества; внешнее влияние и др.

В отличие от Хантингтона Ф.Шмиттер определил *четыре* волны глобальной демократизации.

Первая, по его мнению, берет начало с революций 1848 г., после которых к 1852 г. многие страны (в частности, Франция) вернулись к автократическим формам правления.

Вторая – после Первой мировой войны, когда в Восточной и Центральной Европе возникли новые государства, в ряде которых установились демократические формы правления.

Третья волна началась после Второй мировой войны, когда на карте мира появилась большая группа стран, поэтапно освобождавшаяся от колониальной и полуколониальной зависимости.

Четвертая берет начало с военного переворота 1974 г. в Португалии, приведшего к демократическим преобразованиям.

На мой взгляд, наиболее продуманной и обоснованной является периодизация Ф.Шмиттера, хотя и у С.Хантингтона немало убедительных доводов, особенно в части анализа причин и последствий волн демократизации. Кроме того, логичнее (и это близко к позиции Хантингтона) начинать отсчет

первой волны демократизации с Великой Французской революции.

ак же эти волны демократизации отразились на России?

По Хантингтону, первая волна демократизации, берущая начало в 1828 г., уходит своими корнями в Войну за независимость в Северной Америке и Великую Французскую революцию.

Наибольшее влияние на ход мирового развития оказала Великая Французская революция (1789–1799 гг.).

Ее главные итоги были следующие:

1. Революция породила современную частную форму собственности.

2. Принятая Конвентом новая Декларация прав человека и гражданина объявляла правами человека свободу, равенство, безопасность и собственность. Все это способствовало расширению гражданских прав во всех европейских странах, введению конституций там, где их еще не было.

3. Революция проходила под эгидой представительных выборных органов: Национальное учредительное собрание (1789–1791 гг.), Законодательное собрание (1791–1792 гг.), Конвент (1792–1794 гг.). Это способствовало развитию и укреплению парламентской демократии, несмотря на последующие откаты.

4. Революция породила парламентскую республику.

5. Новое государство, родившееся в результате революции, получило возможность более активно вмешиваться в жизнь граждан для обеспечения равенства возможностей, стабильности и социального порядка. Социально значимые области перешли под контроль государства: университеты и высшее образование, финансы и т.д. Государство выступало теперь гарантом равных прав для всех граждан³.

Французская революция имела в России, как и в других странах, много сторонников. Современники отмечали, что почти всеобщим стало осуждение самодержавной власти. В Россию проникло множество французских изданий.

Поверенный в делах Франции в Петербурге Э.Жене сообщал в Париж, что сведения о французской революции свободно печатаются в русских газетах, включая правительственные “Санкт-Петербургские ведомости”. В 1789 г. в газетах был опубликован русский перевод “Декларации прав человека и гражданина”.

В 1791 г. Учредительное собрание во Франции закончило работу над конституцией, в соответствии с которой страна провозглашалась конституционной монархией. Высшая исполнительная власть сосредоточивалась в руках короля, а высшая законодательная переходила к законодательному собранию. Право участия в выборах получили так называемые “активные граждане”, составлявшие около 20% населения.

о всем этим нововведениям в России отнеслись с интересом.

Однако отношение российских властей к событиям во Франции резко изменилось в 1792 г. после свержения и казни короля Людовика XVI. Отрицательную реакцию вызвало и провозглашение Франции республикой по конституции 1793 г. С этого момента горячее одобрение французских событий 1789–1792 гг. сменилось неприятием крайностей якобинского террора. Екатерина II стала даже прилагать усилия, чтобы собрать в Европе силы для разгрома республиканцев и восстановления во Франции королевской власти. Кроме того, она субсидировала французскую эмиграцию для организации военных действий, а за два месяца до своей кончины решила послать против республиканской Франции 60-тысячный русский корпус под командованием А.В.Суворова.

Преемник Екатерины II Павел I был напуган французской революцией еще больше своей матери. Отменив многие ее либеральные нововведения, начиная с Жалованных грамот дворян-

ству и городам, он запретил выписывать иностранные газеты, выезжать за границу, ввел новые телесные наказания для дворян и духовенства. За протесты против деспотизма, или, иными словами, по политическим мотивам, было репрессировано или попало в опалу 12 тыс. чиновников и военных.

Ситуация вновь изменилась при Александре I, что не удивительно. По давней российской традиции, при новом правителе маятник обычно уходит в обратную сторону и последовательность развития событий нарушается. К слову сказать, это правило стало не только нашей драмой, но и трагедией, которая давно и основательно тормозит развитие страны.

Что же сделал Александр I?

Он отменил ограничения, введенные Павлом I, открыл 5 университетов, в том числе Петербургский, а также Московское коммерческое училище. Особенно важным было то, что в учебные заведения стали принимать представителей всех сословий и то, что на низших ступенях обучение было бесплатным и оплачивалось из госбюджета. Но этим дело не ограничилось.

Большой проект либеральных реформ в области государственного устройства, подготовленный по указанию царя его ближайшим советником М.М. Сперанский в 1809 г., получил название "Введение к Уложению государственных законов".

Этот документ предполагал:

1. Ввести в Закон понятия политических и гражданских прав, но не для всех. (В то время и на Западе до всеобщих гражданских прав было далеко, а в США существовало рабство). В случае их введения возможность влиять на власть получили бы не только высшие, но и средние слои населения.

2. Обеспечить разделение властей и привлечение общества, обладающего гражданскими правами, к управлению.

По проекту, судебная власть должна была стать полностью независимой и подчиняться Сенату.

Законодательная власть должна была быть представлена местными думами и центральной Государственной Думой, а исполнительная власть, состоящая из министров в центре и местных органов власти, должна подчиняться законодательной. Средоточием всех властей предстояло быть императору.

3. Провозглашалось правовое государство.

4. Предполагалось ввести выборность чиновников, а, следовательно, их ответственность перед обществом.

Предлагая свой план преобразований, Сперанский подробно обосновал его необходимость потребностями времени.

Во второй части проекта он писал: "Время является первоосновой и источником всех политических нововведений. Ни одно правление, находящееся не в гармонии с духом времени, не может противостоять модному воздействию этого духа".

"Новый дух времени", по мнению Сперанского, овладел и Россией, которая стоит на пороге серьезных социальных потрясений и положение ее сходно с тем, в каком находилась Франция перед революцией 1789 г. Показателем этого служит потеря в народе уважения к чинам, орденам и прочим отличиям лиц, наделенных ими. То же самое наблюдалось "и во всех государствах в той эпохе, когда федеральная система приближалась к своему падению". Еще одним симптомом служит "моральное ослабление" власти – падение ее авторитета в глазах народа.

Причину этого надо искать не в действиях конкретных государственных чиновников, а в том, что "образ мыслей настоящего времени в современной противоположности с образом правления".

Отсюда Сперанский делал вывод: "Настоящая система правления не свойственна уже более состоянию общественного духа"⁴.

По плану Сперанского 1 января 1810 г. был обнародован манифест об учреждении Государственного совета, который за-

менил собой Непременный совет, и в тот же день состоялось его открытие.

Госсовет подразделялся на 4 департамента: законов, военного, гражданских и духовных дел, государственной экономики. Первоначально в составе Госсовета было 35 членов (позже их число удвоилось): все министры, а также лица из высших сановников, назначаемых императором. Председателем Совета был один из его членов, назначаемый на эту должность царем. Если царь присутствовал на заседании Совета, он занимал место его председателя.

Организацией деятельности Госсовета занималась Государственная канцелярия во главе с госсекретарем, которым был назначен Сперанский.

Законопроекты первоначально направлялись в государственную канцелярию, начальником которой также был Сперанский. В канцелярии законопроекты "редактировались" и формулировались, и это давало ей и ее начальнику особую власть и влияние.

Госсовет был частью общего плана, изложенного Сперанским в конце 1809 г. в особой записке "О необходимости учреждения Государственного совета". В ней реформатор подверг резкой критике систему законодательства, существовавшую в России.

"Законы, — писал он в ней, — одобряются по одному личному доверию, соображаемы в тайне и издаются безо всякого публичного и постоянного их уважения. Отсюда происходит та великая и горестная удобность, с коею законы наши всегда были переменяемы. Если одно лицо и часто действующее в тайне могло предложить закон и частным соображением ввести его в силу, то другое лицо, пользуясь, в свою очередь, той же степенью доверия, могло отменить его и ввести другое учреждение. Отсюда происходит то всеобщее убеждение, на самом опыте основанное, что нет в России закона настоящего и что можно переменить (его) по личным случаям и удобствам"⁵.

Несмотря на своевременность проекта реформ Сперанского, весьма благосклонное к ним отношение царя, мало какие из них были реализованы.

Ни в то время, ни в последующие периоды. Столь сильно было сопротивление консерваторов и ретроградов. Тем не менее, начало некоторым либеральным процессам было все же положено. Главным было то, что в России начала организационно оформляться исполнительная власть европейского образца.

В частности, в 1802 г. был создан Комитет министров как высшее административное учреждение. В него входили министры, другие руководители в системе управления империей. Петровские коллегии были заменены министерствами.

Государственный совет просуществовал до 1906 г., когда с появлением Государственной думы он был преобразован в "верхнюю законодательную палату".

За учреждением Госсовета последовало завершение министерской реформы в 1810–1811 гг., также инициированной Сперанским.

Можно было бы долго цитировать труды М.М.Сперанского, подтверждающие вывод об отсталости политического строя России начала XIX в. и необходимости его радикального обновления.

В начале же XIX в., как уже отмечалось выше, немного было реализовано. И это несмотря на то, что Александр I практически во всем поддерживал своего любимца, а также на то, что на европейской арене он выступал сторонником конституционного строя. Вместе с союзниками по Священному союзу он особенно активно настаивал на том, чтобы возвратившиеся к власти во Франции Бурбоны обнародовали конституцию. Это было осуществлено, и Хартия 1914 г. провозглашала во Франции конституционную монархию.

Под влиянием европейских событий либеральные настроения Александра I пережили еще один заметный всплеск. Когда в 1815 г. по решению Венского

конгресса в состав России было включено герцогство Варшавское, встал вопрос о его политическом устройстве. Учитывая, что конституция, предусматривавшая представительную демократию и разделение властей, существовала в Польше несколько столетий до ее раздела в последней четверти XVIII в., ничего не оставалось, как восстановить ее.

Принимая корону царя (короля) Польского, Александр I объявил также о том, что дарует Польше конституцию, по которой законодательными правами обладал парламент, а исполнительная власть возглавлялась королем в лице наместника российского императора.

Александр I объявил и о том, что постепенно конституционные основы утвердятся по всей Российской империи.

Министру юстиции Н.Н.Новосильцеву было поручено разработать основы российской конституции. Государственная Уставная грамота для всей страны, подготовленная им тайно, была основана на принципах польской конституции.

Однако все это осталось на бумаге. И не только из-за изменений в настроениях Александра I, но и в связи с отсутствием широкой общественной поддержки реформ и, прежде всего, среди правящих верхов.

началу 20-х годов XIX в. эра просвещенного правления стала достоянием истории, наступила эпоха консерватизма и политических заморозков. К концу правления Александра I (1825 г.) это стало особенно очевидно. Однако бесследно ничего не прошло. Ни реформаторская деятельность царя и его фаворита М.М.Сперанского, ни зарубежные походы русской армии. Общество оказалось разбуженным. В первую очередь та его часть, которая была к этому наиболее predisположена и в определенной мере даже подготовлена.

Речь идет главным образом о декабристах и студенческих кружках Московского университета, из которых к концу 30-х годов XIX в. выросло либеральное направление, принявшее форму идейных течений западничества и славянофильства.

Западники – преимущественно историки и литераторы (И.С.Тургенев, Т.Н.Грановский, С.М.Соловьев, К.Д.Кавелин, Б.Н.Чичерин, М.Н.Катков) – выступали, как хорошо известно, за европейский путь развития и мирный переход к парламентскому строю.

Славянофилы, представленные в основном мыслителями и публицистами (А.С.Хомяков, И.В. и П.В.Киреевские, И.С. и К.С.Аксаковы, Н.Я.Данилевский) идеализировали допетровскую Русь и настаивали на ее самобытности. Ее они видели в крестьянской общине, чуждой социальной вражды. В православии же эти черты, по мысли славянофилов, должны были обеспечить мирный путь общественных преобразований в России, которой следовало вернуться к Земским соборам, но без крепостного права.

Наряду со сторонниками мирных преобразований в России развивалось и революционное направление. Оно формировалось вокруг журналов “Современник” и “Отечественные записки”, которыми руководил В.Г.Белинский при участии А.И.Герцена и Н.А.Некрасова. Сторонники этого направления также считали, что Россия пойдет по европейскому пути развития, но, в отличие от либералов, полагали, что революция неизбежна.

Сторонником революции (до середины 50-х годов), как средства отмены крепостного права, был и А.И.Герцен.

Отойдя в конце 40-х годов от западничества, он пришел к идее “русского социализма”, который основывался на свободном развитии русской общины и артели в соединении с идеями русского социализма и предполагал самоуправление в общегосударственном масштабе и общественную собственность на землю.

Наибольший интерес с точки зрения воздействия идей французской революции и первой волны демократизации на Россию имеет история декабристского движения.

Стоит отметить, что северяне предлагали в целом умеренный, реформистский вариант преобразования России, а другие – южане – более радикальный, революционный, республиканский. Однако и те, и другие считали, что нельзя игнорировать особенности России. Отсюда содержавшаяся в проектах великодержавность, централизм, уравнительность. В целом же декабризм отражал общественные идеалы небольшой европейски ориентированной части общества.

Восстание декабристов (14 декабря 1825 г.) дало толчок дифференциации общественно-политических интересов. В России, как это произошло на Западе (например, во Франции, например), в общественных настроениях начался откат и формирование консервативно-охранительного направления. Его цель состояла в том, чтобы не допустить дальнейших изменений западного типа, сохранить самобытность, а значит, и крепостное право помещиков, общину, утверждать православие и т.д.

Среди высшей госбюрократии преобладали, разумеется, консерваторы.

И один из них – управляющий III отделением его императорского величества при Николае I Л.В.Дупельт, которого А.И.Герцен считал “умнее всех трех отделений вместе взятых”, говорил следующее: “Наш народ оттого умен, что тих, а тих оттого, что несвободен... Не троньте этот народ, оставьте его в патриархальной пустоте и во всем природном его величии”.

Обличая мертвый Запад, Л.В.Дупельт писал: “Не заражайтесь бессмыслием Запада – это гадкая помойная яма, от которой, кроме смрада, ничего не услышите. Не верьте мудрствованиям: они ни вас и никого другого к добру не приведут”³.

Идеология консервативно-охранительных сил нашла свое обоснование в теории “официальной народности”, автором которой был министр просвещения граф С.С.Уваров.

В этой теории, ставшей знаменитой, отражены все три главные опоры самобытности России: православие, самодержавие, народность.

Находясь на посту министра просвещения 15 лет, европейски образованный граф Уваров постоянно доказывал Николаю I, что просвещение само по себе не есть зло, что все зависит от его содержания.

В отличие от Запада, где, как считал Уваров, просвещение стало источником зла в виде революционных потрясений, в России оно может выполнять охранительную функцию, если оно будет построено на пропаганде исконно российских ценностей, какими являются православие, самодержавие, народность.

Несмотря на усилия консерваторов “охранителей”, в России стало оформляться и либеральное направление, ориентированное на опыт и ценности Запада. Это направление выступало за правовое государство и гражданские права для всех; конституцию, основанную на разделении властей и контроле общества за властью; конституционную монархию как форму государственного устройства; мирные средства, то есть реформы для достижения поставленных целей.

В первой половине XIX в. в России проявилось и начало развиваться еще одно общественное течение – радикальное или революционное.

Оно было представлено А.И.Герценом, Н.П.Огаревым, М.А.Бакуниным, Н.Г.Чернышевским.

Их идейные позиции полностью оформились позднее, но уже в то время они выступали против царского деспотизма, крепостного права, унижения и нищеты большинства народа, не останавливаясь перед революционными методами.

Таким образом, если попытаться обобщить воздействие на Россию первой волны демократизации, сформировавшейся на Западе в начале XIX в., то надо будет отметить следующее.

1. Воздействие было несомненным и разноплановым, идейным и политическим.

2. По многим причинам, имевшим главным образом объективные основания, воздействие было не столь фундаментальным с точки зрения долгосрочных результатов. Несмотря на то, что оно было преимущественно поверхностным (из-за состояния общества и уровня достигнутого развития), заметный толчок к переменам был все же дан, и последствия его продолжали сказываться, постоянно развиваясь, во второй половине XIX в., то есть уже после второй волны демократизации в Европе. Именно в этот период времени и особенно в эпоху великих реформ Александра II в России были сделаны наиболее решительные шаги в направлении к европейскому пути развития.

Для этого было немало внутренних причин, но важную роль сыграли и внешние события.

В особенности буржуазные революции в Европе 1847–1849 гг., а также отмена рабства в США после гражданской войны 1861–1865 гг., результатом которой была не только отмена рабства, но и принятие 14-й поправки к Конституции США о предоставлении неграм гражданских прав. При этом, Россия ясно продемонстрировала свою поддержку Северу, а не рабовладельческому Югу.

Несмотря на значимость американских событий, наиболее важные перемены, вызвавшие вторую волну демократизации в Европе, связаны с буржуазными революциями, охватившими почти все основные ее страны. Эти революции были вызваны, с одной стороны, сдвигами, которые происходили в экономике и, соответственно, в классовой структуре населения (рост численности пролетариата, вызванный переходом от мануфактурного производства к машинному, фабричному) а, с другой – циклическим экономическим кризисом, разразившимся в нескольких странах в 1847 г., и сельскохозяйственными бедствиями 1845–1847 гг. (картофельная болезнь, неурожай зерна и других полевых культур). Росту революционных волнений способствовало продолжавшееся господство феодально-абсолютистских порядков, социальное и национальное угнетение.

Поэтому переплетение социально-экономических, политических и национально-освободительных лозунгов и требований в период европейских революций середины XIX в. было вполне закономерно. И если угнетенные социальные слои, прежде всего, народные низы (рабочие, крестьяне, мелкие торговцы, ремесленники и др.) вместе с буржуазией выступали против феодализма и абсолютизма, то пораженные народы боролись за свое национальное освобождение.

этонатором революционных потрясений в Европе в середине XIX в. послужили события во Франции, произошедшие между 1830 и 1848 годами.

Результатом Июльской революции 1830 г. было, как известно, установление Июльской монархии (1830–1848 гг.).

Слабость республиканской партии стала причиной захвата власти финансовыми кругами (точнее говоря, финансовой аристократией), она же помешала углублению революции и установлению Республики.

4 августа 1848 г. была принята новая Хартия, более либеральная, чем Хартия 1814 г. Она расширила права палаты де-

путатов, отменила наследственность звания пэров, несколько снизила имущественный ценз для избирателей, что увеличило их число почти в 2 раза — со 100 тыс. до 240 тыс.

Хартия ограничила также права католического духовенства, запретив ему владеть земельной собственностью.

Цензура временно отменялась, вводилось местное и областное самоуправление, восстанавливалась Национальная гвардия (и то, и другое на основе имущественного ценза).

Но Хартия оставила нетронутыми бюрократический и полицейский аппарат, а также суровые антирабочие законы.

Передовая европейская общественность горячо поддержала революцию во Франции, обоснованно оценивая ее как удар по реакционной системе Священного союза. Эта революция не только ускорила развитие общественной мысли во многих странах Европы, но и способствовала подъему революционного и национально-освободительного движений в Бельгии, Германии, Италии, Польше и в других странах. В этой ситуации планы Николая I, готовившего совместно с Пруссией и Австрией военную интервенцию против Франции для восстановления старой династии и власти дворянства, оказались неосуществимыми.

Важно также то, что все это происходило в обстановке быстрого развития капитализма.

Внедрение машин в производство охватило все основные отрасли экономики. За 50–60-е годы на основе широкого применения техники производство выросло в 3 раза.

В 1866 г. в стране начался новый экономический кризис, сопровождавшийся обострением внутриполитической ситуации и усилением рабочего и демократического движения. Не только передовые круги интеллигенции, но и широкие слои мелкой и средней буржуазии, и даже часть крупной буржуазии не скрывали свое недовольство бонапартистским режимом.

В мае 1870 г. был проведен очередной плебисцит. Несмотря на надзор полиции, треть французов проголосовала против правительства.

Начавшаяся 4 августа 1870 г. война с Германией, развивавшаяся неудачно для Франции, еще более обострила положение в стране и особенно в Париже.

Поражение французской армии под Седаном 1 сентября настолько взволновало парижан, что 4 сентября они вышли на улицы столицы и потребовали провозглашения Франции республикой. Фактически под их давлением была объявлена республика и образовано Временное правительство, названное "правительством национальной обороны".

Монархия была низложена. 12 февраля 1871 г. Национальное собрание окончательно лишило трона Наполеона III, но преобладавшие в нем монархисты не стремились узаконить во Франции республику.

Выход из тяжелого положения виделся многим в создании Коммуны.

Воспоминания о Коммуне Парижа 1792–1793 гг. соединялись с идеями прудонистов о создании самоуправляющихся коммун и их федерации и т.п.

Лозунг Парижской коммуны в сочетании с лозунгами демократической и социальной республики был очень популярным. В нем воплотилось стремление к демократии, социальным переменам, уничтожению эксплуатации человека человеком, братству народов и убежденность в том, что именно Франция и Париж должны проложить путь к светлому будущему всего человечества.

Не только во Франции, но в других странах Европы также происходили важные демократические перемены.

Например, в ходе парламентской реформы в Англии почти в два раза расширилось число избирателей, имеющих право голоса при выборах в парламент, введено тайное голосование при выборах в парламент, легализованы профсоюзы.

В 1871 г. была принята Конституция в Германской империи.

Активное партийное строительство, развернувшееся во многих странах Европы (особенно в тех, где прошли буржуазные революции), привело к формированию партийно-политических систем.

эволюционные события в Европе середины XIX в. не могли не отразиться на развитии ситуации в российском обществе и государстве.

Воздействие этих событий еще более усилилось после поражения России в Крымской войне, которая, как и всякая проигранная война, резко обострила и углубила нараставший в стране кризис.

Правительство Александра II хорошо понимало, что глубокие всесторонние реформы неизбежны. Показательно, что политико-административные реформы впервые в России, начиная с древних времен, были направлены не на централизацию власти, а, наоборот, на некоторую ее децентрализацию.

Речь идет о том, что по “Положению о губернских и уездных учреждениях”, подписанному Александром II 11 января 1864 г., земские учреждения создавались на двух уровнях – губернском и уездном и состояли из распорядительных и исполнительных органов. При этом первые были представлены уездными и губернскими собраниями, а вторые – управами.

Члены земских собраний – гласные – избирались на съездах по куриям: землевладельцев, городских избирателей и выборных от крестьян.

В первых двух куриях выборы были прямыми и проводились на основании имущественного ценза.

В третьей – многостепенными и включали крестьян и землевладельцев, не входивших в первую курию по имущественному цензу.

Полям деятельности были хозяйственные и социальные вопросы местного значения – дороги, торговля, школы, больницы, богадельни, приюты, страховая служба, продовольственное дело, статистика.

Однако положение о земствах распространялось не на всю страну, а лишь на 34 губернии из 78.

В Сибири, Архангельской, Астраханской и Оренбургской губерниях, где не было дворянского землевладения, земства не создавались.

На национальных окраинах империи – в Литве, Польше, на Кавказе и в Средней Азии – вместо земств продолжали действовать национальные органы самоуправления.

16 июня 1870 г. земская реформа была дополнена “Городовым положением”, в соответствии с которым в городах стали создаваться органы самоуправления, подобные земствам.

По этому закону в 509 городах России вводились новые, бессловесные органы городского самоуправления – городские думы, избираемые на 4 года, которые избирали на тот же срок постоянно действующие исполнительные органы – городские управы в составе городского головы, его “товарища” (заместителя) и нескольких членов. Голова являлся одновременно председателем думы и управы.

Избирательным правом в органы городского самоуправления пользовались мужчины с 25-ти лет – плательщики городских налогов, обладавшие имущественным цензом.

Как и в случае с земствами городские избиратели делились на три “класса” (курии) в зависимости от размеров уплачиваемых в городскую казну сборов.

Компетенции городского самоуправления, как и земского, были ограничены рамками хозяйственных вопросов.

С течением времени, начиная с 1874 г., городское самоуправление было введено также в городах Закавказья, в 1875 г. – Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины, в 1877 г. – в Прибалтике.

Но оно не распространялось на города Средней Азии, Польши и Финляндии, где действовало прежнее городское управление.

Несмотря на ограниченность реформы городского самоуправления, она была крупным шагом вперед, заменившим прежние сословно-бюрократические органы управления городом новыми, основанными на буржуазном принципе выборов на основе имущественного ценза.

можно ли считать, что реформы местного управления, проведенные в России в 60–70-е годы XIX в., были шагом в сторону демократизации общественной и государственной жизни и приливной волной в глобальном процессе демократизации?

На мой взгляд, для этого есть все основания. Главное состоит в том, что при всей ограниченности реформы власть стала хоть не намного, но ближе к народу, к его интересам и проблемам.

Достаточно в связи с этим вспомнить о позитивной роли земских школ и больниц в общественной жизни России во все последующие десятилетия.

Но было ли здесь влияние западных революционных событий?

Полагаю, что да.

Российская правящая элита, конечно, опасалась, что нечто подобное европейским революциям может повториться и в России.

Александр II, говоря о своем нежелании сейчас "дать свободу крестьянам", заявил о необходимости приступить к подготовке их освобождения ввиду опасности дальнейшего сохранения крепостного права, указывая, что "лучше отменить крепостное право сверху, чем ждать, когда оно будет отменено снизу"⁶.

И если бы Александр III довел дело до принятия конституции и ограничения монархии, как это происходило примерно в это же время в Европе,

дело в России, скорее всего, не дошло бы до буржуазно-демократической, а потом и социалистической революции.

Обнародовав 29 апреля 1881 г. манифест "О незыблемости самодержавия", Александр III начал проводить политику обострения противоречий между экономической сферой и политической.

Суть его состояла, с одной стороны, в том, что экономическая сфера продолжала развиваться в либеральном духе, активно формируя новый буржуазный класс, объективно нуждавшийся в своей доле политической власти, а с другой – политическая сфера (система самодержавной власти) не давала новому классу реализовать растущие политические амбиции.

Главное состоит именно в том, как строятся взаимоотношения правящего класса и подчиняющейся ему политической системы с экономической сферой и теми элитами, которые в ней господствуют. То взаимодействие, которое складывалось и развивалось благодаря реформам Александра II, при новом царе стало постепенно разрушаться.

Социально-политические противоречия обострились к началу XX в. до такой степени, что их разрешение стало возможным только через революцию.

Революция 1905–1907 гг. обнажила созревшие противоречия и вынудила Николая II пойти на серьезные уступки.

Они выразились в царском Манифесте от 17 октября 1905 г. о даровании "незыблемых основ гражданской свободы" неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний, союзов, о предоставлении новой Государственной думе законодательных прав.

Без одобрения Думой никакой закон не мог получить силы.

Содержание Манифеста 17 октября 1905 г. и акта "Основные государственные законы", изданного 23 апреля 1906 г. в развитие его положений, всегда, начиная с момента их появления, интерпретировалось двояко.

Одни доказывали, что это были шаги в направлении конституционной монархии, другие, напротив, считали, что в России ничего не изменилось, и она осталась абсолютной монархией.

Формально царь не мог издавать законы без одобрения их Думой, однако ст. 87 "Основных Государственных законов" позволяла ему издавать между сессиями Думы любые указы и манифесты, имевшие силу закона.

При всей декларативности гражданских свобод и тех ограничениях, которые накладывались на полномочия Думы и через систему выборов на ее социальный состав, политическая система и, соответственно, политическая жизнь России до осени 1905 г. и после нее – это в целом разные явления.

После Манифеста 17 октября в России стали легально действовать более 100 политических партий самой разной ориентации, в том числе открыто оппозиционные.

Наиболее крупные из них (около 10) представляли 3 группы:

- революционно-демократические (социал-демократические и неонароднические);
- либерально-оппозиционные (в основном партии русской и национальной либеральной буржуазии, а также либеральной интеллигенции);
- консервативно-охранительные (правые буржуазно-помещичьи и клерикально-монархические, черносотенные).

Часть из образовавшихся или легализовавшихся партий своими корнями уходила в те течения, организации и кружки, которые образовались в XIX в., особенно во второй его половине.

Кроме политических партий, создавались общественные организации: профсоюзы, кассы взаимопомощи и пр.

о есть ли основания считать эти перемены волной демократизации и если есть, то взаимосвязана ли эта волна с подобной европейской?

Такие основания есть, и сходство также есть.

Говоря об основаниях, необходимо отметить, в первую очередь, что при всех ограничениях и цензах, которые имелись при выборах в Госдуму и земства (последние, кстати говоря, в годы столыпинских реформ были распространены на всю Россию), это были все же демократические институты власти.

Новая волна демократизации, начавшаяся в октябре 1905 г., была догоняющей, второй волной после политических заморозков Александра III. И хотя она была сильнее первой волны, инициированной реформами местного управления Александра II, она, тем не менее, оказалась более слабой по сравнению с европейской.

По этой причине и результаты ее были намного скромнее.

Именно поэтому демократические преобразования оказались недостаточными, для того чтобы удержать Россию осенью 1917 г. в русле того общедемократического процесса, который был характерен для Европы второй половины XIX в.

Если же говорить о сходствах между тем, что происходило в начале XX в. в России, и теми социально-демократическими процессами, которые активно развивались в Европе, начиная со середины XIX в., то необходимо, прежде всего, выделить следующее:

во-первых, развитие гражданского общества и основной его части – партийного строительства;

во-вторых, – становление многопартийного парламентаризма.

Однако, несмотря на то, что и в Европе, и в России процессы развивались в одном и том же направлении, их сила и, соответственно, результативность были несопоставимыми.

Именно поэтому стал возможен октябрьский (1917 г.) переворот, вошедший в историю как Великая Октябрь-

ская социалистическая революция. С точки зрения логики и магистрального русла исторического развития, это был аномальный процесс.

С точки зрения развития демократии в ее общепринятом смысле и волн демократизации это был неоднозначный процесс.

На мой взгляд, это была не столько боковая линия глобального процесса демократизации, сколько параллельная. Параллельная потому, что революция привела в движение все слои населения, а власть Советов, пришедшая на смену власти Временного правительства, воспринималась многими как истинно народная власть. Однако подлинного народовластия все же не получилось. Вместо него утвердилась власть большевистской партии, продолжавшаяся до 1991 г.

Однако это все же отдельная ветвь развития, которая оказала значительное воздействие на мир, не закончившаяся, как это ни удивительно, до сих пор. Достаточно взглянуть на то, что происходит сегодня в некоторых странах Латинской Америки (Венесуэла, Никарагуа), чтобы в этом убедиться.

Возврат нашей страны на общедемократическую дорогу развития человечества состоялся лишь в конце 80-х – начале 90-х годов XX в. Этот возврат затронул не только СССР и Россию, но и другие страны социализма.

Но реакция ли это на ту волну глобальной демократизации, которая прокатилась по земному шару после Второй мировой войны и охватила главным образом колониальный и полуколониальный мир?

В определенной мере да.

Проведенный анализ воздействия глобальных демократических волн на Россию позволяет сделать некоторые выводы.

1. Каждая глобальная волна демократизации была, *с одной стороны*, результатом нового состояния общества и следствием борьбы народов за свои интересы, а *с другой* – она вела к развитию гражданского общества, росту числа партий и об-

Но одновременно это еще и результат тех сложных внутренних процессов, которые развивались в этих странах. Самое главное состоит, однако, в том, что западные демократии, основанные на плюрализме, оказались более конкурентоспособными, чем советский тип демократии, базировавшийся на монопольной власти одной партии.

Возвращение России на общемировую дорогу демократии было и остается по сей день непростым.

За 20 последних лет страна видела не только приливную волну демократии (1987–2000 гг.), но и отливную.

Видя опасности широкого демократического половодья, грозившего перерасти в анархию и до конца разрушить сильно ослабевшее государство, половодья, больше похожего не на демократическую свободу, а на казачью вольницу, власти во главе с президентом В.В. Путиным решили отступить и ограничить демократические свободы, чтобы консолидировать государство и общество.

И в стране, и в мире (особенно на Западе) эти действия были восприняты неоднозначно, нередко весьма негативно.

Если отталкиваться от общих результатов предпринятых в 90-х годах действий (особенно тех негативных явлений, которые нередко стали доминировать), то надо признать, что определенные ограничения демократии были оправданными.

Если же оценивать эти ограничения мерками большой исторической дистанции, сравнивая европейский путь и наш, то оценка будет, конечно, иной, а именно – негативной.

Окончательный ответ на этот вопрос может дать только время.

шественных движений, что, в свою очередь, вело к новым демократическим приливам, открывало перед страной новые горизонты прогресса. Приливы наталкивались на сопротивление консервативных сил, прежних устоев, которое, как правило, приводило к откатам.

2. Чем ближе к нашему времени, тем мощнее и масштабнее становятся волны демократизации, тем глубже и фундаментальнее их воздействие на мир. Россия, как представляется, также не стоит в стороне от воздействия этих процессов.

3. В демократическом развитии Россия всегда отставала от авангардных стран, что явилось следствием недостаточного общего развития ее социума и государства. Тем не менее, для нее также были характерны и демократические приливы, и отливы. Но сила их была слабее и результаты скромнее, чем в Европе.

4. В результате отставания, особенно в XX в., основную часть которого страна шла оригинальным путем советского народовластия, опыт демократии (в общепринятом смысле) накапливался с трудом.

В начале 90-х годов страна столкнулась с безудержной вольницей, при которой демократические институты зачастую не только не выполняли своих функций, а, напротив, дискредитировали саму суть своего предназначения.

Очень быстро вольница стала угрожать не только самой демократии, но и самому существованию государства. Чтобы остановить негативное развитие событий, руководство страны пошло на определенные ограничения демократических норм.

5. Между глубинными экономическими и политическими процессами существует прямая связь.

Формирующиеся в экономической сфере новые группы собственников объективно нуждаются в своей доле политической власти.

Стремясь реализовать свои амбиции, новый класс апеллирует к народу, избирателям, к демократии. Однако демократия воспринимается новым классом не более чем средство для достижения власти.

Народ же, веря какое-то время в обещания нового класса, также стремится стать субъектом политической жизни. Но без экономического благополучия реализовать народный идеал невозможно. Бедный народ либо индифферентен к политической жизни, либо – не более чем средство в руках властной элиты, которым легко манипулируют для достижения собственных целей.

6. Общий алгоритм поведения властей должен напрямую зависеть от состояния общества, уровня его развития, общественного сознания, политической культуры.

Чем выше этот уровень, тем больше свободы должно быть у народа, тем больше у него должно быть возможностей самостоятельно решать свои проблемы. Прежде всего, проблемы, связанные с формированием власти через систему выборов.

7. Нынешнему поколению российских политиков необходимо положить конец пагубной для страны традиции полного и почти полного отрицания и отказа от опыта своих предшественников.

Исторические зигзаги, больше похожие на шараханья и метания, легко превращающиеся в революции – полномасштабные или лояльные, – давно стали национальным бедствием.

Сказанное не означает, разумеется, что новые поколения политиков не имеют права заниматься коррекцией политического курса и исправлением возможных ошибок тех, кто правил до них.

Чтобы заложить новую устойчивую традицию последовательного, эволюционного развития необходимо научиться строить эффективную пирамиду власти снизу вверх. Кроме всего прочего, это поможет устранить ту огромную и крайне опасную для всех пропасть между властью и обществом, являющуюся еще одной печальной традицией России. Для преодоления этой опасности история не придумала для этого другого инструмента, кроме демократии.

Примечания

- ¹ Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX в. / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2003.
- ² Ирихин Ю.В. Политология. Учебник. М.: Изд-во «Экзамен». 2006. С. 307–308.
- ³ Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. 2-е изд., испр. и дополн. Брянск: «Курсив», 1996. С. 195–196, 208.
- ⁴ Чибиряев С.А. Великий русский реформатор: жизнь, деятельность, политические взгляды М.М.Сперанского. М.: «Воскресенье», 1993; Федоров В.А. Сперанский и А.А.Аракчеев. Учебное пособие. М.: Изд-во МГУ, Изд-во «Высшая школа», Изд-во «ЧеРО», 1997.
- ⁵ Цит. по: Федоров В.А. Сперанский и А.А.Аракчеев... С. 68.
- ⁶ История России XIX – начала XX в. Учебник / В.А.Георгиев, Н.Д.Ерофеев и др. / Отв.ред. В.А.Федоров. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ТК Велби, изд. «Проспект», 2006. С. 171.

Подписка на 2007 г.
на журнал
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
— на 6 месяцев

Региональные проблемы социально-экономического развития России

Мария Юргелас

В течение многих десятилетий народнохозяйственное планирование в СССР сочеталось с разработкой целевых комплексных, в том числе региональных, программ, определяющих пути решения важнейших государственных задач и их ресурсное обеспечение¹. Реструктуризация системы административного и территориального развития, развернутая в России в начале XXI в., в качестве одного из важнейших направлений предусматривает совершенствование процессов формирования социально-экономической политики и создания механизмов, обеспечивающих комплексное и пропорциональное социально-экономическое развитие страны и ее регионов.

Поэтому стратегически важным для России в настоящее время является, прежде всего, проведение сильной государственной политики, направленной на сглаживание различий в уровне социально-экономического развития регионов России, а первоочередной задачей – улучшение условий и качества жизни населения страны, что становится возможным с началом устойчивого роста национальной экономики.

Устойчивые темпы экономического роста в стране в последние годы при определенных позитивных сдвигах в структуре экономики и относительном росте реальных доходов населения создают реальные предпосылки экономически рациональной государственной стратегии политического, экономического и социального развития регионов Федерации.

За советский период накоплен большой положительный опыт программного планирования, на основе которого осуществлены крупные общенациональные проекты, позволившие значительно поднять экономический и военный потенциал государства, укрепить его международный авторитет.

Новая сущность целевых программ состоит в том, что они воплощают в себе синтез “жесткого плана” и “свободного рынка”, когда строго целенаправленная хозяйственная деятельность осуществляется и стимулируется на коммерческой основе².

Комплексное планирование регионального развития проводится в двух направлениях – общетерриториальном и программно-территориальном³.

В целевых программах используются методический подход и общие принципы планомерности, а также специфич-

ческая форма универсального метода народнохозяйственного регулирования. Им присущи такие черты программирования, как приоритет национальных или народнохозяйственных интересов, целенаправленность, комплексность.

Анализ практики формирования региональных программ развития регионов свидетельствует о необходимости значительного совершенствования действующего порядка их разработки⁴.

Выбору наиболее важных программ будет способствовать и подготовленная общероссийская программа социально-экономического развития до 2010 г. и национальные проекты в области образования и здравоохранения. Весь вопрос в том, насколько объективно и надежно новый организационный механизм позволит определить и отобрать действительно приоритетные программы, какой методический инструментарий будет при этом использоваться. Включение намечаемых к разработке региональных программ и национальных проектов в сводный перечень первоочередных федеральных программ должно сопровождаться их сравнительным анализом и согласованием.

Пока еще недостаточно четко проработан такой важный вопрос регионального программирования, как оценка эффективности программ.

Общая результативность разработки и реализации региональной программы – ее экономическая, социальная, научно-техническая, экологическая и иная эффективность – выражается конкретными показателями (абсолютными, относительными, стоимостными, натуральными) достижения программной цели.

Анализ соотношения результатов и затрат хозяйственной деятельности отражается в общих и частных показате-

лях экономической эффективности, показателях абсолютной и сравнительной эффективности, скажем, национального дохода на душу населения, соотношения фондов накопления и потребления.

Проведенный анализ позволяет сделать некоторые выводы:

1. Бесспорно наличие и непрерывное пополнение группы особо острых проблем территориального развития, решение которых по объективным причинам недостижимо в рамках принятых механизмов регулирования и финансирования.

Эти проблемы, *с одной стороны*, не могут оставаться без решения, хотя бы потому, что состояние таких территорий входит в противоречие с конституционными гарантиями, например, социального, экономического и экологического характера, а *с другой* – они не выделяются как приоритетные для государственного управления из-за отсутствия соответствующих правовых основ и неразработанности нормативно-методического инструментария.

2. Используемые методы государственного регулирования территориального развития и селективной поддержки регионов исходят не из системного представления о критических региональных ситуациях, а исключительно из бюджетной обеспеченности отдельных субъектов Федерации.

Целевые программы как механизм быстрого и эффективного решения острой региональной проблемы, к сожалению, не применяются.

Поэтому следовало бы составить перечень потенциальных зон программного регулирования, на которых либо отсутствуют рыночные механизмы и естественно-природные условия саморазвития, либо, напротив, все это имеется, в связи с чем требуется целевая поддержка будущих “точек опережающего роста”.

3. Имеющееся правообеспечение разработки целевых программ необходимо дополнить и переориентировать

на решение приоритетных, преимущественно социальных и экономических задач территориального развития.

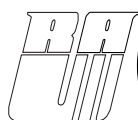
Примечания

¹ Абалкин Л.И. Неиспользованный шанс: полтора года в правительстве. М.: Политиздат, 1991. С. 153.

² Гусев А.А. Политические принципы формирования государственной системы и регулирования социально-экономических процессов в современной России // Современные проблемы региональной политики. М.: ГУ-ВШЭ. 2006. Вып. № 1. С. 3–16.

³ Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем? М.: Изд. НИСП, 2005. С. 16.

⁴ Российская экономика: прогнозы и тенденции. М.: Изд. ГУ-ВШЭ, 2007. С. 24.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
BSERVER E-mail: observer@nasled.ru

***На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:***

- ☐ журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2007 гг.);
- ☐ «Современная политическая история России: “Хроника” (1985–2007 гг.)» на CD-диске;
- ☐ электронная версия «РАУ-Пресс» (более 230 тыс. производителей товаров и услуг);
- ☐ книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- ☐ информация и аналитика.

Малый бизнес в Москве

Орест Мушук,
профессор

Возникновение в стране негосударственного сектора экономики, появление нового социального слоя частных предпринимателей – это объективная реальность. Конечно, формирующийся в стране рынок – это далеко еще не рынок в его западном виде и смысле, а всего лишь “всероссийский базар”. И российские предприниматели – это в основной своей массе не производители высококачественных товаров и услуг, а только посредники в экспортно-импортной торговле (или, как говорят, “узаконенные перекупщики-спекулянты”), но процесс формирования в России этой базовой для социально-классовой структуры капиталистического типа (страны) пошел.

Особо важным в этом процессе является развитие малого бизнеса – слоя мелких собственников, которые в силу своей многочисленности во многом определяют социально-экономический и отчасти политический облик любой страны. Это именно тот слой, на базе которого формируется громадный массив среднего класса, – гаранта и носителя социальной стабильности и порядка. Этот слой из всех представленных в рыночной экономике секторов частного предпринимательства (крупного, среднего и мелкого) относится к разряду наиболее динамично развивающегося.

I

В России бурный рост малого бизнеса приходится только на первую половину 90-х годов. Затем наступил период стагнации, фактически продолжающийся до сих пор.

Согласно оценкам Национального агентства финансовых исследований (НАФИ), количество субъектов малого бизнеса на начало 2007 г. равнялось 6,5 млн., из которых абсолютное большинство (5,2 млн. или 80,1%) составляли индивидуальные предприниматели (без образования юридического лица).

Около 1 млн. (15,5%) – малые фирмы и совсем немного – 0,3 млн. или 4,4% – фермерские хозяйства.

Если в целом по странам ЕС доля малого бизнеса в производстве ВВП составляет более 50%, а в некоторых из них достигает 70%, то в России этот показатель не превышает 12%.

Все еще незначительной остается и доля занятых в малом бизнесе в составе работающего населения – не более 25%, против порядка 80% в странах ЕС.

Столь скромные цифры объясняются, прежде всего, очень низкой вовлеченностью российских граждан в малое предпринимательство.

Удельный вес среди них тех, кто рискнул начать свое дело, на сегодняшний день составляет всего лишь 5%, тогда как у наших восточных соседей – китайцев, к при-

меру, процент взрослого населения, занятого собственным малым бизнесом, равняется 17%.

Причин здесь много, в том числе ментальных, связанных с тем, что “русского человека, – как писал в свое время Н.А.Бердяев, – слишком легко “заедает среда”. Он привык возлагаться не на себя, не на свою активность, не на внутреннюю дисциплину личности, а на органический коллектив, на что-то внешнее, что должно его поднимать и спасать”¹.

Однако основные причины данного явления лежат в другой плоскости – в неэффективной государственной политике в области поддержки и развития малого предпринимательства.

Решающее значение здесь имеет то обстоятельство, что, как неоднократно подчеркивал президент В.В.Путин, чиновники “продолжают, к сожалению, “давить” бизнес, сдерживая деловую инициативу и активность”. И “каждый уровень власти вносит посильную лепту в создание многочисленных административных барьеров” – питательной среды для взяток и отступных как противоправному способу существования власти.

В этом же ряду и “тормозная”, по своей сути, налоговая система, являющаяся, *с одной стороны*, чисто фискальной, а *с другой* – стимулирующей уход предприятий от налогов “в тень”, а также фактическое отсутствие льготных условий по аренде недвижимости, многочисленные (труднопреодолимые) барьеры на пути получения кредитов.

По данным Минэкономразвития, при ежегодной потребности малых предприятий в кредитах, оцениваемой в 30 млрд. долл., она удовлетворяется только на 10–15%.

Доля малых предприятий в объеме банковского кредитования в целом не превышает сегодня 5–10%.

Свою отрицательную роль играет и такой фактор, как дистанцирование от малого бизнеса бизнес-элиты. В отличие от стран Запада, где эта страта не только толерантно относится к малому предпринимательству, но и всячески его поддерживает, в России мы имеем дело с отчуждением. “Пораженный” корпоративным эгоизмом крупный бизнес с его ориентацией на процветание “в узком кругу”, фактически выталкивает малый бизнес в сферу неформальной (теневой) экономики со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями.

Как на этом не очень благоприятном для малого бизнеса федеральном фоне развивается ситуация с малым бизнесом в Москве?

Какие отношения установились и доминируют между этим институтом и городскими властями?

Как малый бизнес воспринимается и оценивается москвичами?

Все эти вопросы легли в основу социологического исследования “Москвичи о проблемах создания и перспективах функционирования предприятий малого бизнеса, поддержке их городской властью”^{*}.

II

Опрос показал, что малый бизнес (чья легальная история насчитывает уже порядка 20 лет – с момента при-

нятия во второй половине 80-х годов законов “О кооперации” и “Об индивидуальной трудовой деятельности в

^{*} Исследование проведено под руководством автора осенью 2006 г. по заказу Комитета по телекоммуникациям и средствам массовой информации города Москвы. В ходе исследования по случайной многоступенчатой выборке было опрошено 1516 чел., представляющих различные социальные слои и группы горожан.

СССР”) воспринимается большинством респондентов положительно. Прежде всего, в личностном плане – это, в их глазах, престижный вид профессиональной деятельности, которая дает возможность удовлетворять на довольно высоком уровне основные жизненные потребности человека, в том числе те, которые связаны с высшими потребностями в самовыражении и самореализации.

Не случайно в выстроенной респондентами пирамиде значимости малого предпринимательства для человека, занимающегося им, соображения материальной выгоды стоят на втором месте. И самое значительное число респондентов – 35,57% расценивает малый бизнес, в первую очередь, как высокоэффективное средство самоутверждения себя в качестве свободной и независимой личности, хозяина собственной судьбы. А также как средство реализации способностей и талантов – того, что принято называть “предпринимательской жилкой”.

Одновременно занятие малым бизнесом дает возможность обрести столь необходимый для полноценной жизни экономический суверенитет личности, в том числе осуществить “американскую мечту”, то есть стать богатым.

Однако удельный вес респондентов, которые исходят из этой посылки, невелик – всего 8,69%.

Большинство же – 20,15% – говорит о возможности достижения не столько богатства, сколько материального достатка и зажиточности.

Заслуживают внимания и представления респондентов о малом бизнесе как занятии, далеко не простом в наших условиях, сопряженном с большими “энергетическими” затратами.

У 15,41% оно ассоциируется с работой на износ, что называется по 24 часа в сутки.

У 14,22% – с жизнью, пронизанной всевозможными рисками и изнурительной борьбой за выживание.

У 7,11% – с обретением статуса потенциально подозреваемого правоохранительными и налоговыми органами, не исключающего возможности уголовного преследования и тюремного заключения.

Наконец, у 5,92% – с существенным увеличением вероятности преждевременной и насильственной смерти.

Преимущественно в “мажорном” тоне оценивается респондентами роль и значение малого бизнеса в жизнедеятельности Москвы и москвичей.

Среди его наиболее значимых позитивных “результатирующих продуктов” респонденты выделили:

- создание новых рабочих мест и расширение активной занятости населения.

Согласно данным Департамента поддержки и развития малого предпринимательства Москвы за 2006 г., в столице зарегистрировано 203 тыс. малых предприятий и около 200 тыс. предпринимателей без образования юридического лица. Общая численность занятых в этом секторе городской экономики превысила 2 млн.;

- появление значительного количества мелких собственников, составляющих костяк формирующегося среднего класса, что все в большей мере страхует столичные власти от социальной нестабильности, возможных напряжений и волнений со стороны необустроенных и недовольных жизнью людей;

- удовлетворение растущего потребительского спроса москвичей;

- существенное пополнение и рост городского бюджета за счет налогов и других выплат с малого бизнеса. Объем бюджетных поступлений от малого бизнеса превышает 30%;

- преодоление социально-иживенческих настроений.

В итоге на весь этот позитив приходится львиная доля всех определений респондентов – 84,53%.

Что касается негатива, отмеченного меньшинством респондентов (14,74%), то он ассоциируется с такими явлениями, как спекулятивное ценообразование (6,83%), криминализация экономики (5,39%), рост преступности и насилия (2,87%).

На позитивный имидж малого личного бизнеса “работают” и результаты ответов респондентов на вопрос о том, в какой мере удовлетворяют их, как потребителей, предлагаемые малым бизнесом товары и услуги: по качеству и по ценам.

Доля тех, которые удовлетворены практически полностью, составила 29,98%.

Тех, кто частично – 61,28%.

Тех, кто высказался сугубо в негативном плане, – всего 9,70%.

В то же время эта достаточно “розовая” фоновая оценка малого бизнеса респондентами-потребителями теряет своей “окрас”, когда речь заходит о более заземленных вещах – конкретных проблемах взаимодействия москвичей и мелких предпринимателей, связанных, в первую очередь, с работой торговой сети – основной сферой пересече-

ния интересов этих двух субъектов рынка.

Лишь 5,34% опрошенных москвичей-потребителей никогда не сталкивались с преднамеренным обманом и попытками надувательства (продажей фальсифицированной продукции, товаров с просроченными сроками годности и т.д.).

Тогда как преобладающее большинство в 93,67% становились их жертвами.

При этом 14,71% указали, что сталкиваются с такого рода практикой чуть ли не на каждом шагу, 32,85% – что нередко и 46,11% – что иногда.

На этом фоне смотрится вполне закономерным, что малый бизнес в Москве, рассматриваемый через социальную призму, пока не “дотягивает” в глазах респондентов до полномасштабной оценки как социально ответственного бизнеса.

Всего лишь 12,60% из них считает, что он заслуживает ее в полной мере. Абсолютное большинство (54,22%) не столь категорично и оговаривается, что, если и заслуживает, то лишь отчасти, а довольно значительная группа респондентов (29,75%) полностью отказывает ему в праве называться таковым.

III

Одним из решающих факторов развития малого бизнеса, определяющих его общественное лицо, а также формы и “технологии” предпринимательской активности, является характер внешней среды, в которой он действует.

Лишь меньшинство опрошенных москвичей (11,02%) в качестве ведущей тенденции в динамике общественных условий развития малого бизнеса в Москве указывает на их заметное улучшение – они становятся все более благоприятными.

Абсолютное большинство (50,99%), хотя и признает, что есть позитивные сдвиги, тем не менее, считает, что они пока не столь существенны, чтобы “делать погоду”.

Значительное меньшинство (24,60%) говорит о “стагнации”, то есть о том, что практически ничего не меняется.

8,36% – что изменения есть, но не в лучшую сторону, а в худшую.

Наконец, 3,56% – что условия приобретают характер, близкий к экстремальным.

С учетом этих реалий лишь меньшинству респондентов (23,68%) в качестве наиболее репрезентативного и массового типа мелких столичных предпринимателей видится тип предпринимателя, который с оптимизмом смотрит в будущее и планирует расширить свое дело. Большинству же (45,78%) – тип предпринимателя, чей оптимизм очень сдержанный и осторожный.

Еще одной группе респондентов (18,34%) – тип предпринимателя, который дальше двух-трех недель вперед не заглядывает.

Наконец, (10,49%) – тип предпринимателя, который живет только сегодняшним днем, действуя по принципу “не до жиру, быть бы живу”.

Если исходить из постулата, что ключевой составляющей внешней среды бизнеса является характер и “тональность” его взаимоотношений с городскими властями, то в этом вопросе респонденты разделились на три неравные группы.

Довольно значительное меньшинство (27,04%) считают, что в этих взаимоотношениях царят отношения равноправных, работающих друг на друга деловых партнеров (4,22%), хотя власти все же более “равноправные”, чем малый бизнес (22,82%).

Близкое к абсолютному большинство (46,11%) тех, кто оценивает эти взаимоотношения как отношения односторонней зависимости малого бизнеса от властей. И чуть более одной четвертой (25,79%) тех, кто исходит из убеждения, что малым бизнесом командуют все кому не лень, позволяя себе при этом любые, в том числе противоправные, действия.

В таком же ключе структурируются и ответы респондентов на вопрос о том, как влияет на эффективность малого бизнеса скрупулезное выполнение всех предписаний и установлений властей, что называется, “работа по правилам”. В отличие от предыдущего, это вопрос разделил респондентов на две неравные группы.

Меньшинство (33,25%), считает, что этот фактор самым благоприятным образом сказывается на эффективности бизнеса и деловом успехе (8,91%) или, по меньшей мере, не мешает заниматься делом (24,34%).

Абсолютное большинство (65,83%) рассматривает его в качестве фактора, который не стимулирует, а, наоборот, сдерживает предпринимательскую активность, ставит бизнесу “палки в колеса” (39,51%), а то и вообще отрицает возможность легального занятия, как таковым, побуждая предпринимателей уходить в “тень” (26,32%).

Данный “расклад” созвучен тому, что, опираясь на собственный опыт, говорил А.Паникин – один из пионеров малого столичного бизнеса, который еще в 1988 г. зарегистрировал кооператив “Челнок”, выросший затем в многопрофильный производственный концерн “Панинтер”.

По его словам, в постсоциалистической России “деловой человек стоит перед дилеммой: или стать законопослушным гражданином и тогда надо закрывать свое дело, или же продолжать заниматься бизнесом, но для этого необходимо обходить и не исполнять закон. Разумеется, люди предпочитают второй вариант и переходят в “теневую” экономику.

И если три-четыре года назад это было терпимо, потому что класс предпринимателей только набирал силу, то сегодня люди, делающие реальное дело, хотят нормальных законов.

Мы хотим честно платить налоги, хотим жить в государстве, которое уважаем.

Мы отнюдь не хотим оставаться в «теневой» экономике”¹².

IV

Известно, что с января 2004 г. все органы исполнительной власти, равно как и городские организации, перешли в Москве на работу в режиме “одного окна”. В этой связи особый интерес представляют оценки респондента-

ми результативности этого перехода, которые позволяют заключить, что в целом у малого бизнеса не то что совсем перестала, но стала меньше “болеть голова” в связи с необходимостью “выходить” на власть для официально-

го решения вопросов своей жизнедеятельности.

Абсолютное большинство респондентов (53,03%) считает, что в рамках этого перехода регистрация малого предприятия, равно как и в решение всех других вопросов, связанных с государственным регулированием малого бизнеса, существенным образом упростилась и не требуют много времени.

При этом 10,95% из этого большинства утверждают это безусловно, а 42,08% — оговариваясь, что упростилось, но не в полной мере.

Что касается меньшинства (31,40%), то оно выражает несогласие с этой оценкой.

Однако не напрямую, а используя формулу "скорее нет, чем да".

Только 11,28% респондентов однозначно ее отвергают, постулируя: "переход органов исполнительной власти на работу в режиме «одного окна» ничего не изменил в привычных практиках регулирования малого бизнеса городскими властями".

Как выразился один из респондентов, "одно окно" оказалось открытым только формально, тогда как фактически в нем не до конца приоткрыта даже форточка".

Согласно данным Общероссийской общественной организации малого предпринимательства ("ОПОРЫ"), одним из барьеров на пути развития малого предпринимательства в России по-прежнему выступают сложности регистрации нового предприятия, которые тревожат 33,3% стартующих бизнесменов.

Д.Титов — эксперт еженедельника "Экономика и жизнь" пишет по этому поводу: "Удивляет потрясающая живучесть искусственно созданных административных барьеров.

Ведь о громадных очередях в 46-й налоговой инспекции Москвы даже сам Президент РФ говорил в одном из своих выступлений. А они по-прежнему вьются длинными кольцами перед окошками регистрирующего органа, вызывая чувство тошноты у граждан, рискнувших начать процедуру открытия своего бизнеса.

Может быть, для предостережения будущих предпринимателей?"³.

Вместо того, чтобы пытаться легально зарегистрировать свою фирму, лучше действовать нелегально: плати "нал" и работай.

Далекими от правовых, воспринимаются респондентами и отношения между малым бизнесом и правоохранительными органами.

Лишь очень незначительное меньшинство респондентов (6,00%) считает, что к характеристике этих отношений в полной мере применимо крылатое изречение поэта В.В.Маяковского: "Моя милиция меня бережет".

Близкое к абсолютному числу большинство (47,10%) не столь оптимистично и исходит из постулата, что данное изречение, если и применимо, то лишь отчасти.

Еще одно близкое к абсолютному большинство (42,88%) возможность применения этого изречения для выражения существа взаимоотношений малого бизнеса и столичных правоохранительных органов отрицает практически полностью.

Дополняя это отрицание афористическими по содержанию максимами типа "не бережет, а крышует", "бережет, но только за плату", "не бережет, а стрижет".

Такой же "расклад" в долях характерен и для ответов респондентов на вопрос о том, как они относятся к массовому занятию малым бизнесом в Москве (особенно в сфере рыночной торговли) этническими мигрантами с Северного Кавказа и из Закавказья, других южных стран.

Опять лишь очень незначительное меньшинство опрошенных москвичей (4,55%) однозначно говорит об одобрении, тогда как довольно значительное меньшинство (37,07%) определяет свое отношение к данному явлению, как подчеркнуто сдержанное.

Близкое же к абсолютному числу большинство (44,46%) высказывается категорически против "мамаева нашествия" на Москву мигрантов—"торгашей".

Еще одна группа респондентов (10,16%) занимает в этом вопросе абсолютно индифферентную позицию.

V

Одним из наиболее зримых результатов рыночного реформирования России является появление и рост класса очень богатых людей, владеющих миллиардными состояниями.

Лишь меньшинство опрошенных (10,75%), безусловно, одобряют этот процесс, исходя из "презумпции", что наличие богатых и очень богатых людей – необходимый и неизбежный атрибут всякой здоровой экономики.

Близкое к абсолютному большинство (40,57%) оговаривается, что готово относиться к нему вполне терпимо лишь при условии, что деньги заработаны честно – за счет предприимчивости и знания дела.

Группа в 17,48% противится, так как считает, что "трудами праведными – не наживешь палат каменных", то есть таких денег честным путем заработать нельзя.

Группа в 6,78% однозначно заявляет о своем протесте – быть богатым в бедной стране, "возводить дворцы, когда вокруг одни хижинки" – грех. Наконец, еще одна группа, представленная более одной пятой респондентов (22,63%) занимает в этом вопросе сугубо нейтральную позицию – в конце концов, каждый живет, как может, в меру своих сил и талантов.

Сравнивая эти данные с данными опроса москвичей весной 2002 г., нельзя не обратить внимания, что за прошедший с тех пор четырехлетний промежуток времени толерантность москвичей по отношению к принимающему форму социальных разрывов имущественному неравенству стала меньше.

Число тех, кто, определился по варианту 1 – безусловно, одобряет наличие богатых и очень богатых людей, снизилось с 12,26% до 10,75%.

И тех, кто определился по варианту 5 – занимает нейтральную позицию – с 28,33 до 22,63%.

По всем же другим вариантам произошел рост.

По варианту 2 – относится терпимо лишь при условии, что деньги заработаны честно – с 38,68% до 40,75%.

По варианту 3 – противится, ибо таких денег честным путем заработать нельзя – с 16,43 до 17,48%.

По варианту 4 – категорически против – с 4,35% до 6,79%⁴.

Такого рода динамика напрямую связана с углубляющимся в России огромным социальным неравенством, скороспелым появлением "капиталистического рая" для меньшинства, обитатели которого (по отношению к обитателям "коммунистического рая" – партийной и советской номенклатуре), роскошествуют на несколько порядков больше. Причем роскошествуют, не крадучись. Вызывающе демонстративно выпячивая свое "умение жить" не по закону, а "по понятиям", свои возведенные без "трудов праведных" дворцы и "палаты каменные". Что на фоне бедствующего и фактически вымирающего народа смотрится не иначе как "пир во время чумы".

Ибо одно дело мириться или осуждать быстро приобретенное головокружительное богатство в тот момент, когда сам живешь зажиточной жизнью, и совсем другое – когда ты и твои дети отброшены на черту биологического выживания. Сказочное обогащение определенных "социальных меньшинств" в момент народного бедствия – исключительно благоприятная питательная почва для массового "брожения умов" (которое всегда начинается с "урчания в желудках"), и возникновения ситуации, когда "доведенные до ручки" бедные возжелают "поднять на вилы" богатых и предъявить им счет за "ограбление".

То обстоятельство, что отечественные нувориши в своем демонстративно-роскошествующем образе жизни переходят все

разумные границы, начинает беспокоить даже Е.Гайдара, который считает, что крупному бизнесу “нужно ограничить демонстративное, раздражающее людей потребление. Активно заниматься благотворительной деятельностью. Не той благотворительностью, когда тебя вызывают в высокие кабинеты и приглашают дать то на Олимпиаду, то еще на что-то. Бизнесмен должен заниматься благотворительностью ответственно и самостоятельно. Не для того, чтобы понравиться большому начальнику, а для того, чтобы его понял собственный народ”¹⁵.

И, добавим, по велению сердца, по зову души, то есть исключительно из добрых побуждений – без каких бы то ни было оговорок и предварительных условий. Точно так, как это имело место в фабрикантской и купеческой среде дореволюционной России, где, начиная с рубежа XX в., соперничество между именитыми родами “пошло в том, кто больше для народа сделает”.

VI

Если в ставших ныне широко востребованными властью и общественности опросах предпринимателей социологи ставят вопрос, какой помощи бизнесмены ждут от государства, то чаще других получают ответ: “Никакой. Нам не нужна помощь от государств, пусть оно только не мешает”.

Именно к этой максиме можно свести в итоге все предложения и пожелания, высказанные респондентами в адрес городских властей в качестве мер по поддержке и развитию малого бизнеса, стимулированию предпринимательской активности москвичей. Рефреном прозвучал призыв создать для малого бизнеса нормальное, гарантирующее и охраняющее частное предпринимательство правовое простран-

В этой связи представляется очевидным, что если наши крупно имущие классы действительно связывают свою судьбу и судьбу своих детей с Россией, а не ищут пристанища в какой-нибудь Британии, то им пора “жать на тормоза”. Пора самым серьезным образом озаботиться обретением способности к самоограничению и выработать аскетическую культуру потребления богатства. Понять, что кроме личного обогащения существует ответственность перед страной, перед людьми, за счет которых приращиваются их капиталы.

Ориентация на процветание не в узком кругу, а всем миром – это как раз та стратегия, которая должна лежать в основе жизнедеятельности всех сегментов бизнеса как института, призванного служить социуму: иметь в качестве базисного мотива интерес не только частный, но и общественный.

ство и отпустить в “свободное плавание”, сохранив за властью лишь право следить за тем, что бы это “плавание” проходило в полном соответствии с “морским уставом” (то есть правовыми законами и нормами, регулирующими бизнес). При этом открыто вмешиваться только в случае их несоблюдения или нарушения.

Предприниматель, рассчитавшись по своим обязательствам с государством и заплатив налоги, должен “спать спокойно”, и быть надежно защищенным от разного рода “наездов” и произвола со стороны правоохранительных органов и многочисленных контролирующих бизнес чиновничьих инстанций, а также и со стороны организованных преступных сообществ и кланов.

Сегодня в России лихорадочно ищут национальную идею. Исписаны сотни газетных и журнальных страниц, состоялся не один научный, партийный и общественный форум.

Но консенсус пока так и не найден, хотя эта идея, как представляется, открыто лежит на поверхности – требуется одно-единственное: совместными усилиями сделать так, чтобы быть умным, образованным, умелым и порядочным было выгодно не только в высоком (нравственно-этическом), но и в самом, что ни есть, утилитарном (материально-денежном) смысле, так как, если мы говорим о будущем России как о великой и процветающей державе, то это будущее может быть создано только трудом, умом, энергией именно таких людей – активных и деятельных, запрограммированных на созидание и творческую самореализацию в самых различных сферах общественной жизни: от экономики до политики. Как в Москве, так и в самых, что ни есть “окраинах”.

Только при этом условии мы придем к победе социально ориентированного рынка – построению “капитализма с человеческим лицом”.

Примечания

¹ Бердяев Н.А. Судьбы России. Опыты по психологии войны и национальности. М.: “Мысль”, 1990. С. 72.

² Паникин А. Мистическая Россия // Московский комсомолец. 1997. 14 марта.

³ Титов Д. Преодолеть барьер на старте // Экономика и жизнь. 2007. № 15. 1 апреля. С. 4.

⁴ Муштук О.З. О развитии малого бизнеса в Москве: оценки москвичей и предпринимателей // СИМПТОМ. 2002. № 8. С. 23.

⁵ Исповедь Гайдара: пятнадцать лет спустя // Аргументы и факты. 2006. № 11. С. 4.

**Подписка на 2007 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 — на 6 месяцев**

Геополитическая роль Центральной Азии в XXI веке

Алмаз Имангазиев

В последние годы заметно повысилось внимание к Центральной Азии (ЦА), которая еще лет десять назад упоминалась в официальных документах “большой политики” и мировых новостях гораздо реже.

Для этого существуют различные причины. Среди них можно назвать и то, что она оказалась “вдруг” остро востребована, когда после террористических актов в США 11 сентября 2001 г. территория государств ЦА стала использоваться – по не столь уж часто наблюдающемуся в международной практике полному согласию между и США, и Россией, и Китаем, и другими крупнейшими “акторами”, и самими странами ЦА – как важнейший плацдарм для проведения антитеррористической операции против режима талибана в Афганистане.

Еще одним фактором стало изменение в новом веке ситуации в мировой энергетике – стремительный рост цен на углеводородные энергоносители заметно повысил интерес ведущих потребителей к Центральной Азии как с точки зрения имеющихся здесь запасов ископаемого топлива, так и региона потенциально важного для стратегического транзита топлива.

Вместе с тем неправильно было бы считать, что интерес к ЦА со стороны ведущих держав мира возник лишь к настоящему времени.

Можно вспомнить о походах Александра Македонского в древние Бактрию и Согдиану.

История утверждения в этом регионе ислама также представляет огромный интерес.

Много написано о драматическом времени завоевания среднеазиатских государств Чингиз-ханом.

Да и в последующие столетия ЦА пользовалась повышенным вниманием ближних и дальних соседей.

Как отмечает российский исследователь Э.А.Галумов, “безусловно, геополитические контексты продолжают доминировать в мировой политологии”¹.

С позиций традиционной геополитической мысли ЦА занимает вполне определенное положение в мире.

Согласно теориям основателей геополитики, прежде всего англо-американских (Х.Маккиндер, Н.Дж.Спикмэн), этот регион является одной из важнейших частей того самого “*римлэнда*” (“окраинной земли”), “*внутреннего полумесяца*”, где происходят столкновения “*теллурократии*” – сухопутной цивилизации – и “*талассократии*” – морской цивилизации за господство над “*хартлэндом*” (“сердцевинной земли”), то есть над Евразией в широком смысле.

Если следовать этим теориям, несколько иначе истолкованным, например, в известном труде А.Дугина, то можно сказать, что в XIX и начале XX в. сухопутную цивилизацию представляла, прежде всего Россия, а морскую – Британская империя.

В отличие от России и Великобритании, присутствие Срединной империи в Центральной Азии проявлялось с весьма давних пор.

Китайцы поддерживали торговые и иные связи с данным регионом с древнейших времен, о чем свидетельствует сохранившееся с тех пор и говорящее само за себя воспоминание о “Великом шелковом пути”. Для них ЦА еще много веков назад была и рынком, и транзитным мостом для более дальних торговых маршрутов – вплоть до Римской империи. А при манчжурской династии Цин – XVII – начало XX вв. политика Китая в отношении Центральной Азии приобрела уже военное, экспансионистское измерение в виде присоединения к себе отличных от него и по этническому составу, и по религиозному признаку Синцзянь и Уйгурию.

С точки зрения директора Института русской истории Российского государственного гуманитарного университета А.И.Фурсова, центрально-азиатский регион “последние 300–400 лет был объектом экспансии, сжимался, соседи (и через некоторых из них – капитал, мировой рынок) диктовали ему свою волю.

В XVII в. Центральная Азия, точнее, ее восточная часть оказалась сдавленной между молотом и наковальней Российской и Цинской империй, этот пресс продолжал сжиматься до начала XX столетия. Западную ее часть в XIX в. подперли с севера все та же Россия, с юга – Великобритания...”².

Первоначально в рамках российско-британского соперничества, получившего в XIX в. название “большой игры”, ЦА рассматривалась, прежде всего, как промежуточная зона, разделявшая Российскую империю и британские владения в Индии.

В 1807 г. в Лондоне узнали, что после побед в Европе Наполеон предложил царю Александру I совместно вторгнуться в Индию. Французская агрессия против России поставила крест на этих планах. Но затем расширение российских владений на юг – как и английских на север – продолжалось. К середине XIX в. ЦА не сходилась с британских газетных полос по мере того, как древние города и ханства на бывшем Шелковом пути один за другим попадали под власть России (Ташкент в 1865 г., 3 года спустя Самарканд и Бухара, еще через 5 лет Хива).

Серьезно обеспокоенные за Индию – “жемчужину Британской империи” – англичане постоянно засылали своих агентов, например, миссию А.Бернса в Кабул и Бухару в 30-е годы XIX в.

Одновременно в ЦА действовали российские представители. Прапорщик Виткевич доносил в Петербург о Бернсе, что тот общался с бухарцами, “указывая на опасных соседей, на русских, от коих могут они только быть безопасны, заключив союз с англичанами”³.

После присоединения ЦА к Российской империи в 1867 г. было создано Туркестанское генерал-губернаторство, которое включало в себя огромную территорию от оз. Иссык-Куль до Каспия, от Кушки и до Аральского моря. Формально независимые Бухарский эмират и Хивинское ханство фактически также входили в генерал-губернаторство. Однако русско-британское соперничество продолжалось, так как российские владения от Британской Индии в некоторых местах отделяли буквально несколько десятков километров.

С победой в России большевиков опасения Великобритании не утихли, и

ее агентура приняла активное участие в поддержке басмаческого движения, а в 30-е годы XX в. британская контрразведка включила в число своих главных задач поиск “агентов Коминтерна” в Индии.

После Второй мировой войны Великобритания была вынуждена уйти из Индии, британское влияние в ЦА резко ослабло, но на ее место появились новые претенденты – Соединенные Штаты Америки, которым удалось втянуть шахский Иран и Пакистан в Организацию Центрального договора (СЕНТО). В итоге под южным центральноазиатским боком СССР оказались страны-союзники его главного геополитического противника.

В течение всей “холодной” войны здесь шла незримая борьба между советскими и американскими (плюс иранскими и пакистанскими) спецслужбами. К этому 60-х годов подключились и их китайские коллеги. Апогея это соперничество достигло после ввода советских войск (1979 г.) в Афганистан, что было истолковано как возобновление давнего устремления России к “теплым южным морям”.

После свержения проамериканского шахского режима самостоятельным игроком в регионе стала Исламская Республика Иран.

После “геополитической катастрофы” (декабрь 1991 г.), по определению Президента РФ В.В.Путина⁴, произошло разрушение централизованного управления экономикой, единой платежно-расчетной системы, оборонного и информационного пространств, в ряде мест вспыхнули конфликты. Такие меры, как создание Содружества независимых государств (8 декабря 1991 г.) и подписание Договора о коллективной безопасности (май 1992 г.) лишь смягчили вставшие перед новыми независимыми государствами ЦА проблемы.

Ресурсы для преодоления последствий распада Союза пришлось искать на путях налаживания внешних связей по всем азимутам, включая отношения с США.

Однако в тот период США были заняты в гораздо большей степени усилиями по закреплению своей неожиданной победы в “холодной” войне на европейском континенте, стремясь окончательно оторвать страны Восточной Европы от их бывшего лидера и подготовить их к интеграции в западные структуры, прежде всего НАТО.

Отношение американского истеблишмента к ЦА в тот период можно охарактеризовать как лишь умеренно заинтересованное. Пытаясь ограничить влияние своих потенциальных геополитических соперников, США в 90-е годы заключили со странами ЦА ряд двусторонних договоров, касающихся поддержки их независимости, суверенитета и территориальной целостности, вовлечению в сотрудничество по таким проблемам, как контроль за экспортом оружия и военных технологий, борьба с терроризмом и наркоманией⁵.

Со своей страны ЦА четко определили желательный для них характер отношений, а именно – сотрудничество, будучи готовым всемерно развивать его, но не в ущерб своим отношениям с третьими странами.

Так, их руководители неоднократно отмечали, что в процессе расширения НАТО на Восток непременно следует учитывать интересы РФ. Ясно, что эти оговорки фактически были адресованы прежде всего США.

После теракта 11 сентября 2001 г. США существенно пересмотрели геополитическую роль Центральной Азии. С началом формирования антитеррористической коалиции и подготовки к силовой операции против режима талибов в Кабуле стало очевидным чрезвычайно выгодное стратегическое положение ЦА.

Для поддержки операций в Афганистане был избран гражданский аэропорт "Манас", обслуживающий столицу Киргизии Бишкек.

Аналогом авиабазы в кыргызском Манасе стала авиабаза Карши-Ханабад в Узбекистане. Примечательно, что и после свержения режима талибов обе базы остались.

Однако в дальнейшем судьба авиабаз сложилась по-разному: по базе Манас в результате кыргызско-американских переговоров было достигнута договоренность о повышении платы за ее использование, а руководство Узбекистана весьма встревоженное вмешательством США и других западных стран во внутренние дела своей страны в связи с событиями в Андижане (2005 г.), приняло решение прекратить ее использование коалицией во главе с США. Более того, на июльском (2005 г.) саммите Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) именно президент Узбекистана И.Каримов инициировал одобренный всеми членами ШОС призыв к США решить вопрос о конечных сроках пребывания американских баз в регионе ввиду того, что ситуация в Афганистане изменилась и надобность в этих базах уже исчезла. Прошедшие в ноябре того же года в Кремле переговоры И.Каримова с В.Путиным многие политологи назвали "символом изменения вектора международной политики руководства Узбекистана – от США к России". Подписанный двумя президентами Договор о союзнических отношениях допускает появление в Узбекистане уже не американских, а российских военных баз.

Нужно отметить, что относительно баз в ЦА не было полного единодушия и между самими западными партнерами. Например, на базе Манас в Кыргызстане французы пожелали решать вопросы своего пребывания на-

прямую с властями Кыргызстана, независимо от американского военного руководства.

Характерно и интервью почетного консула Франции, полковника разведки в отставке Р.Канья, который довольно откровенно обозначил интересы США в Центральной Азии: "Бишкек – сердце всей Центральной Азии. Американцы отсюда могут действовать и в направлении Афганистана, и в направлении Каспийского моря. Нефть Каспийского моря очень интересует их. А если потом возникнут проблемы с Китаем, особенно Синьцзянем, лет через 10–12, то американцы – рядом", а в отношении и России, и Китая "иметь здесь глаз"¹⁶.

Все это было воспринято некоторыми критиками сотрудничества стран ЦА с США как угроза стратегическим интересам России. Сторонники же сотрудничества неоднократно подчеркивали, что появление указанных баз ни в коей мере не ставит под угрозу интересы России, а, напротив, учитывая активное участие самой России в усилиях мирового сообщества по борьбе с международным терроризмом, вполне укладывается в русло общей борьбы и к тому же согласовано с российским руководством. Следует в этой связи также напомнить об открытии, например, российской военной авиабазы в Канте (Кыргызстан).

Победа над Талибаном не стала и не могла стать окончательной победой над международным терроризмом. Международные силы содействия безопасности (*International Security Assistance Force – ISAF* – МССБ) и вооруженные формирования нового правительства Афганистана контролируют в основном крупные города и их окрестности и несут потери со стороны перегруппировавшихся сил Талибана и "Аль-Каиды", а потому в ближайшем будущем не следует ожидать вывода МССБ из Афганистана, что означает

сохранение востребованности баз и инфраструктурных объектов МССБ на территории ЦА.

В одном из документов, представленных представителями НАТО на обсуждение Постоянного парламентского комитета Россия – НАТО (7 ноября 2003 г.), говорилось: “С момента распада Советского Союза Центральная Азия признавалась в качестве региона, имеющего растущую геостратегическую важность, но наибольший непосредственный интерес представляющего для России. Однако после терактов 11 сентября против Соединенных Штатов и последовавшей за ними военной операции в Афганистане стало ясно, что происходящее в этом регионе, имеет гораздо более широкое значение... Центральноазиатские государства теперь представляют собой передовую линию сдерживания угроз, исходящих из этого региона... Транснациональный характер этих угроз означает, что Центральная Азия, традиционно одна из зон российского влияния, ныне является регионом, вызывающим интерес и озабоченность у Европы и Североатлантического альянса”.

По сравнению с последним десятилетием прошлого века тональность оценок США положения с демократией и правами человека в государствах ЦА вновь изменилась.

Так, в документе Бюро государственного департамента США по европейским и евразийским делам, посвященном государствам ЦА, содержатся примечательные формулировки: “Мы глубоко симпатизируем их (правозащитников – Авт.) целям, но должны подчеркнуть, что для изменения глубоко устоявшихся характеристик поведения требуется... интенсивная работа на протяжении длительного периода времени... Картина с правами человека в Центральной Азии, несомненно, носит смешанный характер – ограниченный, но реальный прогресс в Узбекистане и Таджикистане, застой в Туркменистане и отступления в некоторых специфических областях в Казахстане. Хотя Кыргызстан продемонстрировал реальный прогресс за прошедший

год, степень его приверженности правам человека станет более ясной со временем”⁸.

Однако в последнее время происходят новые изменения в политике стран ЦА. Примером может служить Казахстан, внешнюю политику которого официально характеризует “*прагматичная многовекторность*”.

На необходимость стратегического партнерства с США было указано еще в послании Н.Назарбаева под названием “Новый Казахстан в новом мире”.

Астану и Вашингтон объединяет тесное сотрудничество в борьбе с международным терроризмом и религиозным экстремизмом, которое вносит важный вклад в поддержание стабильности в ЦА. Наконец, для американцев весьма значимым является и присутствие небольшого казахстанского контингента в Ираке. США ценят и роль казахстанского руководства по укреплению межкультурного диалога. В 2003 г. и 2006 г. в этой стране прошли два весьма представительных съезда лидеров мировых и традиционных религий.

Казахстан, энергично развивая отношения с Россией, в том числе и по линии ДКБ, продолжает активно участвовать в “Партнерстве ради мира” (ПРМ) и Индивидуальном плане действий партнерства (ИПДП) по линии НАТО.

Кроме того, он поддержал резолюцию Совета Безопасности ООН N 1747 от 24 марта 2007 г., направленную на принятие мер, побуждающих Иран прекратить работы по обогащению урана и возобновить переговоры с МАГАТЭ.

В связи с углублением партнерских отношений между Астаной и Вашингтоном Россия, рассматривая Казахстан в качестве своего ключевого союзника, проявляет определенное беспокойство. Именно этим, по-видимому, объясняется достаточно сдержан-

ная реакция России на развитие сотрудничества между Казахстаном и США.

Что касается Китая, то он, как представляется, шаг за шагом осуществляет рассчитанную на десятилетия стратегию, целью которой является неуклонное усиление его влияния в центральноазиатском регионе. Одним из инструментов этого стало создание ШОС, в которую вошли Китай, Россия и страны ЦА. Ее формирование отвечало интересам России, так как содержало потенциал некоторого сдерживания США, нейтрализации их позиций, полученных благодаря антитеррористической операции в Афганистане. Однако ШОС создавалась, прежде всего, для того, чтобы решить пограничные вопросы после распада Советского Союза между вновь образованными суверенными государствами и КНР.

После успешного решения этих задач, ШОС стала расширять сотрудничество по вопросам политического и экономического характера, причем экономическая составляющая выходит на первый план. А здесь Китай и Россия – скорее конкуренты, причем китайские позиции во многих сферах уже сейчас сильнее российских. Активно проникая в местные экономики, Китай представляет своим партнерам и льготные кредиты, и прямую экономическую помощь. Например, Киргизии он недавно подарил тысячу тракторов.

В отличие от 90-х годов, когда многие по инерции опасались, что в отсутствие СССР, Китай начнет территориальную экспансию в стиле событий на о.Даманский в 1969 г., ныне эти опасения исчезли. Границы между КНР и его соседями в ЦА определены, и китайская экспансия выражается в наращивании экспорта в эти страны, инвестициях и усилиях по замыканию в будущем на себя поставок сырья из ЦА, особенно энергоносителей.

Подводя итоги, можно констатировать, что заявление о том, что какой-то из основных центров силы – будь то США, Россия или Китай – преобладает или добился гегемонии в ЦА было бы совершенно некорректно. Россия вполне естественно, по историческим причинам обладает преимуществом в виде “прошлого багажа”.

В военном отношении Россия имеет ядерный паритет с США и существенно превосходит Китай по ракетно-ядерному потенциалу. Но в то же время на вопрос, кто – США, Китай или Россия обладает превосходством в области обычных вооруженных сил в том или ином конкретном регионе, вряд ли можно ответить однозначно.

При этом надо учитывать, что в случае потребности – разумеется, по согласованию с руководством государств ЦА – в усиление военного присутствия какой-либо из этих держав в регионе, тем более в боевых действиях, которые носят и будут носить характер операций против компактных групп боевиков в сложной местности, ядерное оружие не даст никаких преимуществ.

В экономическом плане также расклад сил отнюдь неочевиден.

РФ использует и пытается возрождать старые производственные связи. Действительно, промышленные предприятия в ЦА в массе своей построены при советской власти, и это, на первый взгляд, дает российскому бизнесу фору. Однако тогда они функционировали в условиях экономики, фактически изолированной от внешнего мира.

Сейчас же нет никаких гарантий, что они способны быть конкурентоспособными в открытой глобализирующейся экономике, подчиняясь жестким требованиям Всемирной торговой организации.

В этом отношении опять же преимущества видятся на стороне китайцев с

их богатым опытом создания множества предприятий, производящих ширпотреб (и, тем самым, способствующих снижению проблемы безработицы). Америка же не имеет ни тех, ни других преимуществ, но зато ее ВВП примерно в 5 раз превосходит суммарный ВВП России и Китая. Неслучайно она рассматривается многими в ЦА как наиболее перспективный донор в плане кредитов и помощи.

Ни одна из трех держав, как представляется, не станет пытаться использовать в свою пользу исламистский фактор. И Россия, и Китай имеют в своих примыкающих к ЦА регионах (да и не только там) население, исповедующее ислам. Возникновение новых “талибанизированных афганистанов” им совершенно ни к чему, о чем конкретно говорил Президент России В.Путин. США находятся в ином положении, но отличие от 80-х годов, когда американцы пестовали бен Ладена для применения его и ему подобных в своей борьбе с СССР, слишком многие в

США после 11 сентября 2001 г. поняли, чем чреваты подобные “игры”.

Что касается других центров силы современного мира, то они играют зачастую тоже весьма важную, но вторую роль. В силу этого они не могут ставить перед собой цель добиться преобладания в регионе, а потому ставят более скромные задачи, как, например, Евросоюз, заинтересованный в поставках центральноазиатских энергоносителей, или Иран, интерес которого заключается в недопущении возникновения здесь американского плацдарма, направленного против него; руководствующиеся, прежде всего, экономическими интересами Япония или Турция, стремящаяся использовать в качестве преимущества фактор тюркской общности, но, вопреки мнению некоторых исследователей, вряд ли всерьез помышляющая о создании некоего “Великого Турана”.

В условиях глобализации такие империи уже невозможны или могут принимать лишь вид фарса.

В заключении следует обязательно отметить и еще один фактор, оказывающий огромное влияние на то, какой является и какой станет геополитическая роль Центральной Азии, а именно, политика самих центральноазиатских государств. Думается, что хоть и медленно, но процессы укрепления государственности, национального становления в странах ЦА продолжают. Более того, есть признаки сближения между центрально-азиатскими государствами.

Так, на церемонии открытия 21 мая 2007 г. в Алма-Ате 63-й сессии Социальной комиссии ООН для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО ООН), президент Казахстана Н.А.Назарбаев вновь выступил за создание Центрально-Азиатского Союза.

“Интеграцию центральноазиатских государств мы рассматриваем как объективный и естественный процесс, обусловленный интересами каждой из стран”, – заявил глава Казахстана. Очевидно, что недавний успешный опыт заключения такого союза с Киргизией вдохновил президента на его расширение?

Это говорит о том, что в ЦА пробивают себе дорогу тенденции к региональной интеграции. Разумеется, регион находится лишь в самом начале пути. Он никогда не был единым самостоятельным актором – ни в древности, когда здесь существовали по большей части враждовавшие между собой государственные образования, ни позднее, когда он превратился в узко специализированный экономический район на экономгеографической карте бывшего СССР.

ЦА в этом плане еще очень далеко и до ЕС, нынешние 27 членов которого, впрочем, еще шесть с небольшим десятилетий назад воевали друг с другом в соста-

ве гитлеровской империи и антигитлеровской коалиции, а потом еще 45 лет смотрели друг на друга сквозь прицелы орудий НАТО и ОВД. Ей далеко еще даже до той же АСЕАН, нынешние 10 членов которой, впрочем, еще 20 лет назад делились на “просоветские” и “проамериканские”.

Но в любом деле необходимо делать первые шаги, и для стран и народов ЦА сейчас самое важное – это осознать, что общих интересов у них существенно больше, чем противоречий, и что отстаивать эти интересы в “торге” с могущественными внешними акторами они могут, только действуя сообща, не позволяя мировым полюсам и центрам силы растаскивать себя по разные стороны действительных и воображаемых геополитических “баррикад”. Наиболее дальновидные центрально-азиатские лидеры уже осознают это, но решающее слово остается за народами этой древней и много пережившей земли.

Примечания

¹ Галумов Э.А. Инфоколонизм. М.: Изд. “Известия”, 2007. С. 129.

² Фурсов А.И. Срединность Срединной Азии: Долгосрочный взгляд на место Центральной Азии в макрорегиональной системе Старого Света // Русский исторический журнал. 1988. Т. 1. № 4. Осень. <http://www.e-journal.ru/bzarub-st3-12.html>

³ “Записка, составленная по рассказам Оренбургского линейного батальона № 10 прапорщика Виткевича относительно его пути в Бухару и обратно”. 1836 г. // <http://kungrad.narod.ru/1/1202.htm>.

⁴ Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 25 апреля 2005 года. Москва, Кремль. http://president.kremlin.ru/appears/2005/04/25/1223_type63372type82634_87049.shtml

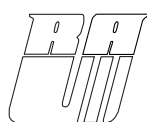
⁵ Кулматов К. Мир в начале третьего тысячелетия: взгляд из России. М., 2001. С. 139.

⁶ Киргизско-французская кровь – прекрасная смесь! // Дело № ... 2002. 13 февраля.

⁷ NATO–Russia Parliamentary Standing Committee. Discussion Paper. II. Combating Terrorism: the Increasing Strategic Relevance of Post-Soviet Central Asia (Ref: 194 SCRF 03 E). Orlando, Florida, United States. 2003. 7 November. P. 3.

⁸ U.S. Policy in Central Asia: Frequently Asked Questions. Prepared by State Dept.’s Office of Central Asian Affairs. 2002. 20 November. P. 2

⁹ Независимая газета. 2007. 22 мая.

ОБЗРЕВАТЕЛЬ
BSERVER

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@nasled.ru

Страны постсоциалистической периферии в поисках новой модели безопасности

Батсайхан Авирмед

Сам термин “периферия” не столько отражает географические координаты ответствующих территорий, сколько положение к мировым и региональным “центрам силы” сосредоточение в этом пространстве интересов различных европейских держав, в том числе и России.

В отличие от своего исторического предшественника – Российской империи – Советскому Союзу удалось разрешить проблему “периферии” в свою пользу, то есть установить в целом геополитический контроль над Центральной Европой и Балканами, Кавказом и Центральной Азией, включая Монголию. Но при этом на западной периферии сохранялось идеологическое соперничество западноевропейских государств и СССР. А на Востоке Китай, напрягая Советский Союз, нависал над Монголией.

Роспуск Организации Варшавского договора, дезинтеграция мировой сверхдержавы – советского государства и соответственно распад биполярной системы изменили геополитическую ситуацию в Европе.

Стратегическое превосходство Запада стало ярко выраженным.

В этих условиях, казалось бы, проблема европейской безопасности в ее историческом понимании как угрозы с

Востока была разрешена: “холодная” война, как отмечали многие западные политологи, закончилась победой Запада над СССР. Исходя из этого, следовало бы ожидать, что оборонная идентичность западноевропейских стран будет пересмотрена.

Но этого не произошло. Напротив, военные структуры НАТО стали смещаться на Восток, все более приближаясь к границам России. При всех заверениях западных столиц о том, что эти действия не направлены против России, последняя оценивала их как угрозу своей безопасности.

В свою очередь страны бывшей советской периферии поменяли спонсоров и стали периферией Запада. Более того, решили связать свою безопасность с военными структурами НАТО.

Анализ современных тенденций европейской интеграции свидетельствует о том, что суть перемен состоит не в простом расширении ЕС и НАТО

за счет приема ряда стран Центральной Европы, а в смене ценностно-нормативных ориентиров центральноевропейских государств.

В Центральной Европе перемены вызревали давно.

Политические кризисы и восстания 50-х, 60-х и 70-х годов в ГДР, Польше, Венгрии и Чехословакии тому свидетельство¹.

"Предвестниками бури" конца 80-х годов XX столетия являлись кризисы в Центральной Европе: ГДР и Польше, Венгрии и Чехословакии².

Присутствие советских войск в регионе способствовало становлению коммунистических режимов, но существенно не поколебало социокультурные основы перечисленных стран. Даже в условиях сильнейшего военно-политического и экономического давления со стороны СССР было заметно, что образ жизни стран Центральной Европы резко отличался от образа жизни в СССР. Когда же внешнее давление Советского Союза ослабло, "бархатные революции" поставили последнюю точку: Центральная Европа, назвав свой новый внешнеполитический курс "возвращением в Европу", сделала резкий поворот в сторону Запада.

По мнению политологов, парадокс состоял в том, что, отправляясь "в поход за обретение европейской идентичности, страны ЦВЕ обрели ... идентичность не столько европейскую, сколько атлантическую"³, ибо попали под плотную опеку натовско-американских политиков и военных. Если практически все участники нового этапа расширения Европы ожидали многого от вхождения стран ЦВЕ в ЕС и НАТО, но вряд ли кто мог полагать, что новички могут быть с ходу "использованы в качестве инструмента противостояния между противоборствующими группировками внутри НАТО и ЕС"³.

Ситуация расширения НАТО и ЕС на Восток свидетельствовала о со-

хранении стереотипов не только "холодной" войны, но и упомянутых исторических и гипертрофированных страхов стран Центральной и Западной Европы в отношении реальной и мифической угрозы с Востока: во внутривнутриполитической конъюнктуре ЦВЕ традиционного разыгрывалась *карта "угрозы с Востока"*.

Таким образом, в постбиполярной политике стран периферии просматривалась историческая культура стран региона, вынужденных быть геополитическим буфером между империями и военно-политическими союзами или их разменной картой.

Следует оговориться, что страны ЦВЕ, которые входили в довоенные империи, хотя и подчинялись внутримперской иерархии отношений, но вряд ли являлись "геополитическим буфером".

Значимый стратегический статус центральноевропейского региона объясняется тем, что он расположен на стыке границ великих европейских держав⁴. Империи являлись или противовесом России, или вместе с ней противовесом все той же Западной Европе в лице Франции и Англии.

Как считает один из исследователей Центральной Европы А.Миллер, впервые попытку идентификации региона как особой контактной зоны осуществил один из лидеров чешского национального движения Ф.Палацкий, обративший особое внимание на многонациональный состав территорий Центральной Европы⁵.

Исследователи отмечают, что в странах периферии рациональный подход на основе национального интереса часто был нейтрализован исторической памятью и особенностями национальной, в частности политической культуры.

Как пишет швейцарский ученый У.Альтерматт, "гораздо сильнее, чем в Западной Европе, люди, места и даты в качестве моментов коллективной памяти присутствуют в воспоминаниях народов Центральной

Европы и символизируют постоянную борьбу этих народов против “варваров” с Востока”⁶.

У.Аттетерматт отмечает тот факт, “что люди этого региона больше склонны суживать внутренние пространства Европы, чем западноевропейцы. Рассматривая себя в качестве европейцев, они в большинстве случаев, скрыто и явно, отграничиваются от других соседей на Востоке, в первую очередь ... от русских”⁶ именно в силу их принадлежности к православию. Это можно увидеть в Польше, где доминирует католическая религия. Как однажды сказал один из европейских политиков, “Европа заканчивается там, где начинается православие”⁷.

Периферийные территории, по Ларсену, “играли роль «оборонного рубежа»”.

В то же время ученый считает, и с этим можно согласиться, что периферийные территории трудно было полностью интегрировать в то или иное имперское государство: они всегда носили в себе потенциал автономизации и сепаратизма. И это связано именно с геополитическими переменными, сопряжением интересов соседствующих в периферийно-контактных зонах государств — “центров силы” европейской региональной системы. Причем, когда вопрос об интеграции той или иной периферийной территории не мог быть решен в пользу одного-двух государств, то соперничающие “центры силы” шли на создание государства-буфера.

Так, например, произошло после окончания Первой мировой войны, когда при непосредственном участии великих держав были образованы Югославия и Чехословакия.

Нарушение геополитического баланса в Европе в связи с распадом bipolarной системы международных отношений привел к распаду этих государств. Причиной этого были не только внутренние противоречия. Разбалансированная стратегическая ситу-

ация сделала проблему межэтнических отношений особенно острой. Другими словами, политический процесс в указанных странах во многом определялся их расположением “внутри более широкой структурной «карты» геополитического влияния”⁸.

Политические процессы в окаймляющих СССР странах социалистического лагеря на рубеже 80–90-х годов приводят к их политической и идеологической переориентации и начале формирования обществ иной ценностной системы.

Это привело к изменению их внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии.

Общей тенденцией стала углубляющаяся интеграция постсоциалистических стран с европейскими структурами безопасности и экономического сотрудничества, что существенно изменило международную ситуацию на пространстве периферии, формируя здесь новые субрегиональные “центры силы”.

За отмеченный период на периферии сформировались свои лидеры, претендующие на активную роль в своей региональной политике.

Среди последних следует выделить Польшу. Амбиции современных польских элит свидетельствуют, что беспокойный “дух шляхты” жив. Теперь они уже не удовлетворяются прежним положением геополитического буфера между Западом и Востоком и не желают быть периферией советской сверхдержавы. Варшава всеми своими действиями показывает, что она уже не новичок, а полноправный участник европейского процесса и претендует быть в центре европейской политики.

Не все страны ЦВЕ столь активны как Польша.

Венгрия, Чехия и Словакия, определившись со своей европейской идентичностью, основное свое внимание сосре-

доточили на решение внутренних проблем. Не во всем и не всегда это удается – геополитическое положение периферийного рубежа двух миров – Востока и Запада продолжает определять их судьбу. Так, их “возвращение в Европу” стало возможно только по дороге, которую им указал Запад – вступление в НАТО и ЕС, а это не только защита их демократии и суверенитета, но и определенная стратегическая роль.

Например, Вашингтон, намереваясь разместить в Чехии ПРО, опять навязывает этой стране роль “переднего рубежа”. И в этом смысле Чехия уже не центрально-европейская страна, а периферия Евроатлантического сообщества.

На восточной периферии постсоциалистического лагеря иная ситуация. Распуск СЭВ и распад Советского Союза коренным образом изменил международные позиции Монголии. С одной стороны, он улучшил независимый статус Монголии, а с другой – он поставил страну перед серьезной дилеммой безопасности.

Распад СССР привел к глобальным геополитическим сдвигам, одним из которых явился развал стратегического треугольника времен “холодной” войны СССР – США – КНР и улучшение китайско-российских отношений. И первое и второе положительно сказались на геополитическом и в какой-то мере геоэкономическом положении Монголии.

В период между 1952 и 1962 гг. – десятилетие более дружественных отношений между СССР и КНР – Монголия получила немало выгод от взаимного сотрудничества с ее соседями, пока те не вступили в полосу конфронтации. Поэтому восстановление нормальных китайско-российских отношений можно рассматривать как фактор, открывающий перед Монголией новые возможности.

Кроме того, появление новых центральноазиатских независимых государств предоставляет Монголии возможность выхода во внешний мир, минуя и Россию, и Китай.

Однако распад СССР оказал серьезное негативное воздействие на Монголию. Самым непосредственным и осязаемым результатом был суровый экономический кризис, поскольку Монголия зависела от Советского Союза не только в плане большой экономической помощи. Распад СССР был только внешней причиной экономического кризиса в Монголии, так как были и внутренние причины. Последние заключались в давно назревавших социально-экономических проблемах. Но решить эти проблемы без самих монголов было не возможно.

Монгольские элиты оценили критическую ситуацию скорее не как катастрофу, а как цивилизационный вызов и шанс построить по-новому отношения с внешним миром.

Учитывая фактическое отсутствие эффективной национальной и/или региональной системы безопасности, другой угрозой Монголии является локальная напряженность, образовавшаяся на ряде территорий китайских и центральноазиатских районов, примыкающих к Монголии или близких от нее. Для Монголии нет путей, чтобы она могла обезопасить себя от вовлеченности в подобные конфликты, будь это этнические и религиозные волнения или наплыв в страну беженцев. Очевидно, Монголии не хватает политических, экономических и военных средств, чтобы защитить себя или оказать влияние на конфликтующие стороны. Поэтому Монголия, с одной стороны, надеется на Москву и Пекин, а с другой – на помощь и поддержку других стран.

В отличие от прошлого, когда судьба Монголии определялась ходом раз-

вития китайско-российских отношений, вес в монгольских делах США и Японии, а также других западных стран значительно растет. Можно сказать, что геополитическая мечта монголов вырваться из дружественных или не очень дружественных объятий своих ревнующих друг друга исторических соседей и иметь третьего партнера становится реальностью.

В общем-то понятно и оправдано, почему монголы хотят иметь третьего партнера.

Во-первых, сама многополярность мира и глобализация объективно открывают дорогу другим государствам в эту периферию мира, богатую природными ресурсами.

Во-вторых, Улоан-Батор считает, что помимо таких важных выгод, как экономическая помощь, инвестиции и контакты между людьми, наличие сильного третьего партнера было бы существенно важным противовесом в отношениях Монголии с ее непосредственными соседями.

В-третьих, Монголия знает на своем длительном опыте, что существование лишь между двумя конкурирующими сверхдержавами может быть фатальным для любого периферийного государства, игравшего роль геополитического буфера, поскольку это может означать или союз с одним и отчуждение от другого. Монголия больше, чем какая-либо другая страна, испытывала негативные последствия такого положения в прошлом, когда она стала задворками сначала одной, а затем другой империи.

В настоящее время Монголия уже фактически приобрела или находится в процессе обретения важного для нее третьего партнера.

Это не США, как может показаться кому-либо со стороны. Это – не одна страна, а несколько стран, включая Японию, Южную Корею и Германию, а также международные финансовые и

экономические институты, такие как Мировой банк, МВФ, Азиатский банк развития и другие.

Этого “коллективное” партнерство позволяет Монголии держать двери открытыми миру и успешно продолжать радикальные экономические и политические реформы. В этом плане национальная стратегия Монголии принципиально отличается от стратегий постсоциалистических стран на западной постсоветской периферии.

В то же время следует указать, что, хотя перспективы Монголии на будущее выглядят достаточно обещающими в плане экономического восстановления и роста, они не выглядят столь розовыми с точки зрения ее интересов национальной безопасности. Это отчасти потому, что третий партнер является коллективным, и он, главным образом, занят экономическими вопросами.

Есть две причины того, почему Монголия не чувствует себя уверенной в отношении своей безопасности.

Во-первых, монголы, имеющие длительную историю вовлеченности в союз с СССР, все еще привыкли связывать безопасность с определенными соглашениями, обязательствами и гарантиями. Отсутствие этих гарантий, естественно, создает чувство уязвимости.

Во-вторых, прошлая и современная история свидетельствуют, что на деле все коллективные усилия по обеспечению безопасности малого государства проваливаются. Возможно, это потому, что так называемая “коллективность” подразумевает сложение и неизбежное столкновение различных интересов, создавая, таким образом, препятствия для решительных действий.

Даже если предположить, что однажды Монголия получит реальные гарантии безопасности от ее “третьего партнера”, она все равно должна будет иметь дело с реальностью географии, то есть с положением между Китаем и Рос-

сией. Даже в начале XXI в. этот фактор все еще имеет ключевое значение и, наиболее вероятно, будет иметь его еще долго. Поэтому Монголия не полагается ни на одну сторону еще в общем-то гипотетического треугольника.

Несмотря на быстро развивающиеся отношения с Японией, Соединенными Штатами и другими странами и их поддержку усилий Монголии по демократизации и формированию рыночно ориентированной экономики, Россия и Китай и состояние отношений между ними продолжают оставаться важным фактором, влияющим на судьбу Монголии. Более того, эти соседи

все-таки привычнее, а если говорить о России – надежнее и проверенные на практике в плане человеческих контактов. С другой стороны, в интересах Монголии, чтобы китайско-российское сотрудничество в этом регионе было успешным. И Монголия готова присоединиться к любым усилиям, направленным на поддержание и региональной стабильности.

Пример Монголии свидетельствует, что страна нашла свою оригинальную модель безопасности, построенную не на оппозиции к своей бывшей “метрополии”, а на балансе и совпадении интересов с ней и другими странами.

Таким образом, на западной периферии именно интеграция стран Центральной Европы в политические, военные и экономические структуры Запада формируют вызовы европейской безопасности и представляет собой основную проблему в процессе формирования новой европейской идентичности, в том числе в контексте отношений ЕС с Россией. Это связано с существенной трансформацией ЕС и НАТО количественно и качественно за счет стран Центральной Европы. Политическая ответственность за современный этап европейского процесса лежит, прежде всего, на государствах Западной Европы. Они инициировали или дали согласие на “возвращение” бывших стран соцлагеря в европейское лоно. Они же являются экономическими гарантами этого этапа. В свою очередь, от самих стран и народов Центральной Европы зависит, как они преодолеют свои комплексы и сохранят ли они свою идентичность в ходе интеграции в ЕС и НАТО.

На восточной периферии постсоциалистического пространства невхождение Монголии в союзы и поддержание равнозначных отношений как со своими великими соседями, так и “третьей стороной” является оптимальным для ее безопасности и для позитивного развития монгольско-российских отношений.

Примечания

¹ Лундестад Г. Восток, Запад, Север, Юг. Основные направления международной политики. 1945–1996. М., 2002. С. 247–250, 269–272.

² Мусатов В. Предвестники бури. Политические кризисы в Восточной Европе (1956–1981). М., 1996.

³ Давыдов Ю.П. Новый атлантизм против старого европеизма // Европейская безопасность. 2003. № 8. С. 9.

⁴ Россия – Восточная Европа: вместе или рядом? М., 1995.

⁵ Миллер А.И. Центральная Европа: история концепта // ПОЛИС. 1996. № 4. С. 118.

⁶ Альтерматт У. Этно-национализм в Европе. М., 2000. С. 295, 294.

⁷ НГ – Религии. 2003.18.06.

⁸ Ларсен Ст.У. Моделирование Европы в логике Роккана // Политические исследования (ПОЛИС). 1995. № 1. С. 53.

Зачем США нужна система ПРО?

Какие угрозы и вызовы возникают для России
и остального мира?

Николай Извеков,
Вице-президент Внешнеполитической
ассоциации

Вопрос о создании элементов системы противоракетной обороны (ПРО) США в Польше и Чехии стал в последнее время одной из самых актуальным тем, активно обсуждаемых сейчас в различных странах, прежде всего в России и США. Это и понятно, поскольку в данном случае непосредственным образом затрагиваются интересы безопасности нашей страны.

Вашингтон настойчиво пытается убедить российское руководство в том, что объекты американской ПРО, которые предполагается создать на польской и чешской территориях, не направлены против России. Однако каких-либо убедительных аргументов, подтверждающих этот тезис, до сих пор со стороны США не прозвучало. Действительно, разве кто-нибудь может всерьез принимать утверждение о том, что элементы ПРО в Центральной Европе призваны защитить европейские страны от иранских ракет.

Следовательно, эти планы Вашингтона могут быть частью большой стратегической игры, задуманной им на геополитическом поле современного мира в первое десятилетие XXI в. Суть подобного замысла, видимо, в том,

чтобы попытаться вернуть для США позиции неоспоримого лидера в глобальном масштабе, по крайней мере, в том же плане, какими они воспринимались в 90-е годы прошлого столетия.

Хотя в принципе США продолжают считаться самой могущественной державой мира в военном отношении, их реальное положение в настоящее время подвержено нарастающей эрозии по нескольким направлениям.

В первую очередь, затянувшиеся на годы локальные войны в Ираке и Афганистане, к которым прикована значительная часть американской армии, подрывают у всех жителей нашей планеты, включая самих американцев, веру в то, что Вашингтону удастся добиться там безусловного конечного успеха. Нет сомнения и в том, что такая

ситуация не может способствовать повышению престижа США в остальном мире. Скорее наоборот, чем дольше она будет продолжаться, тем сильнее пострадает авторитет Вашингтона в глазах других стран, включая американских союзников.

Несомненным фактом является и то, что при этом будет углубляться раскол и нарастать противоречия во внутрисполитической жизни Соединенных Штатов. Подобное явление уже имело место в период войны во Вьетнаме.

Другое очень важное обстоятельство, которое необходимо принимать во внимание, связано с изменениями в мировой экономике. Здесь США во многом уже утратили роль ведущего промышленного производителя, сохранив пока за собой позицию лидера в сфере финансового оборота и в производстве средств мультимедиа. При этом есть все основания говорить, что в области экономики Китай в последнее время буквально “дышит в затылок” Соединенным Штатам Америки.

В таких условиях, видимо, вашингтонским стратегам пришла в голову мысль попробовать переломить очевидную тенденцию к утрате мирового лидерства за счет наращивания американского стратегического военного потенциала. Такой ход мыслей вполне можно понять, учитывая тот факт, что США многие десятилетия занимались разработкой и совершенствованием ракетных технологий и, соответственно, располагают немалыми достижениями в этой сфере.

Видимо данное обстоятельство сыграло решающую роль в выборе Вашингтоном очередного направления в попытке раскрутить новый виток гонки вооружений. Однако, почувствовав с самого начала едва скрываемую скептическую реакцию со стороны своих европейских союзников, США пред-

принимают сейчас некоторые усилия по пропаганде своего плана по размещению в Европе элементов системы противоракетной обороны.

При примером усилий такого рода может служить иллюстрированный, пропагандистский буклет, распространяемый ныне американскими информационными службами в европейских странах. Он озаглавлен “Предложенные Европе элементы противоракетной обороны США”.

Хотя содержание этого материала имеет, несомненно, рекламно-пропагандистский характер, нашим читателям будет бесполезно узнать, как Вашингтон старается добиться поддержки своих планов со стороны европейских союзников.

Разумеется, материал начинается с попытки обосновать необходимость размещения элементов американской ПРО в Европе в современных условиях. И, естественно, для обоснования выдвигается тезис о возрастающей “ракетной угрозе” в мире. В его подтверждение приводятся данные об увеличении в последние годы числа стран, обладающих баллистическими ракетами.

Из приведенных в буклете данных видно, что если в 1990 г., когда завершилась “холодная” война, таких стран было 16, то в 2006 г. их число достигло 25.

Составители буклета делают вполне обоснованный вывод о том, что “международная обстановка в сфере безопасности является сейчас более сложной и менее предсказуемой за весь период после падения Берлинской стены и распада Советского Союза”.

Однако авторы умалчивают о том, что ответственность за подобную ситуацию ложится, в первую очередь, на державу, которая все эти годы претендовала на роль самой могущественной и наиболее влиятельной силы в мире.

При этом, следуя официальной линии Вашингтона, авторы буклета конкретно называют лишь две страны – Иран и Северную Корею, в качестве представляющих “ракетную угрозу”. Они стыдливо избегают говорить о некоторых других государствах, которые обзавелись ракетным оружием в последние годы.

Определенный интерес могут представить и приведенные в буклете некоторые технические данные об элементах американской противоракетной обороны, прежде всего о 10 ракетах-перехватчиках, которые намечается разместить на территории Польши.

В буклете содержатся следующие данные об этих ракетах наземного базирования, размещаемых в шахтных установках.

В частности, говорится, что эти ракеты почти аналогичны тем, которые уже размещены на Аляске и в Калифорнии.

Правда, утверждается, что ракеты, намеченные для размещения в Польше, будут отличаться от их аналогов на территории США тем, что, имея две ступени, они будут обладать большей скоростью и меньшим весом.

Как утверждается в информационном материале, “отделяемая ударная боеголовка” (*EKV* – *exoatmospheric kill vehicle*) этих ракет-перехватчиков будет небольшой по размерам и весу – примерно 75 кг. Она рассчитана на чисто кинетическое поражение цели, то есть не должна содержать взрывчатых веществ.

Это интересный момент, который указывает на то, что подобная боеголовка, помимо сверхвысокой скорости, должна обладать также максимальной точностью поражения цели. На этот счет в буклете дается пояснение, что боеголовка ракет-перехватчиков будет снабжена “сенсорными устройствами”, которые при поддержке наземных элементов наводки, должны обеспечить ей

попадание в цель – баллистическую ракету.

Имеется еще один любопытный момент, относящийся к предполагаемому размещению ракет-перехватчиков на польской территории.

В буклете представлена наглядная схема расположения наземных шахтных установок, где эти ракеты должны будут находиться.

Из этой схемы видно, что все 10 ракетных шахт должны быть размещены на очень небольшом пространстве – 137 м в длину и 75 м в ширину. Зачем потребовалось скучивать все 10 ракет-перехватчиков на площадке равной обычному футбольному полю? Об этом можно пока только гадать.

В буклете предпринимаются также попытки дать ответы на закономерные вопросы общественности о выборе места расположения и направленности элементов ПРО США.

По поводу выбора места там сказано следующее: “Технический анализ показывает, что Польша и Чешская Республика являются оптимальным местом для размещения в Европе элементов противоракетной обороны США”.

В качестве района исходящей ракетной угрозы называется Ближний Восток.

Ответ на вопрос относительно возможной направленности предлагаемых элементов американской ПРО против России, также содержащийся в буклете, отличается многословием и обилием всяких деталей. В нем есть и многочисленные упоминания о сотрудничестве между Россией и США в области обороны, равно как и ссылки на наличие у ней мощного стратегического ракетного потенциала. Нет только самого главного – конкретных доказательств того, что система ПРО в Польше и Чехии не будет использована против России.

Иными словами, все красноречие американских пропагандистов в данном случае направлено на то, чтобы уйти от прямого ответа на этот вопрос.

Несомненно, само по себе создание системы противоракетной обороны, можно было бы рассматривать как “некоторую вершину” в освоении военных ракетных технологий. Согласно мнению авторитетных военных специалистов, создание каким-либо государством достаточно эффективной системы ПРО способно, при определенных условиях, предоставить ему возможность нанесения первого (упреждающего) ракетно-ядерного удара по противоборствующей стороне.

Логика в данном случае следующая. При примерном равенстве ракетных наступательных потенциалов двух держав, первый ракетный удар в принципе не может полностью ликвидировать потенциал противной стороны. Поэтому наличие мощной системы ПРО могло бы во многом либо устранить угрозу ответного удара, либо свести ее к минимуму.

Суммируя сказанное, вполне очевидным является вывод, что существование системы противоракетной обороны у одной стороны и отсутствие таковой у другой, создает некую иллюзию защищенности и повышает возможность развязывания ядерного конфликта.

Необходимо напомнить, что реальные предпосылки для конструктивных и результативных советско-американских переговоров о сокращении стратегических наступательных вооружений были созданы в результате подписания двустороннего Договора об ограничении систем противоракетной обороны, которое произошло 26 мая 1972 г. в Москве. Этот договор просуществовал около 30 лет, оставаясь вполне эффективной основой для

выработки дальнейших шагов по ограничению ракетно-ядерных вооружений.

Однако в 2001 г. двусторонний Договор по ПРО прекратил свое действие по настоянию США. Тем самым, образно говоря, Вашингтоном был открыт “ящик Пандоры” в области стратегического оружия. К сожалению, дело обстоит сейчас именно таким образом, поскольку российско-американский Договор об ограничении стратегических потенциалов не представляет собой полноценную замену Договору по ПРО. И то, что происходит сейчас в связи с новыми стратегическими планами США, лишь подтверждает подобный вывод.

Отход Вашингтона от принятой ранее концепции ограничения ракетно-ядерного оружия и сдерживания гонки вооружений в данной области проявился и продолжает наблюдаться также на ряде других связанных с этим направлений.

Например, США отказались ратифицировать Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) от 24 сентября 1996 г. Это привело к тому, что ДВЗЯИ пока не вступил в силу, а режим ядерного нераспространения оказался незавершенным и, в итоге, недостаточно эффективным. Смысл занятой США позиции по ядерным испытаниям, видимо, состоит в том, что полный запрет на ядерные взрывы мог бы помешать им продолжать совершенствовать ядерное оружие, в том числе в плане дальнейшей его миниатюризации.

Помимо этого, во многом из-за отрицательной позиции, занятой Вашингтоном по ключевым вопросам ограничения вооружений вот уже многие годы блокируется работа такого важного международного форума как Конференция по разоружению в Женеве. Именно там были в свое время подготовлены некоторые основополагаю-

щие документы в области ограничения вооружений, в частности известный Договор о нераспространении ядерного оружия.

Например, на Конференции по разоружению в Женеве США выступили против рассмотрения на этом форуме предложения России и Китая о разработке международного соглашения, запрещающего выведение боевых средств в околоземное пространство. В случае реализации этого российско-китайского предложения, внесенного еще в 2002 г., была бы предотвращена возможность перенесения гонки вооружений в космос. Однако из-за отрицательной позиции США этот серьезный проект продолжает оставаться в портфеле “нерассмотренных инициатив” Женевского форума.

За подобной позицией Вашингтона, занимаемой им в последние годы, четко просматривается стремление к обеспечению себе явного преимущества, прежде всего, в области стратегических вооружений. При этом подобные расчеты не ограничиваются масштабами нашей планеты, а обретают также космическое измерение.

Наглядным доказательством может служить следующий факт.

В ноябре 2006 г. была обнародована директива президента США “Национальная политика США в области космоса”. В ней провозглашается свобода действий США в космическом пространстве. Говорится также о их намерении не допускать туда тех, кто будет проявлять враждебность к американским интересам. Фактически США намерены создать плацдарм на Луне для получения глобального контроля над всем, что происходит на поверхности планеты Земля.

В данном случае вполне уместно говорить о стремлении США к “космическому империализму”.

Нет сомнения, что подобная стратегия в международных делах способна не только осложнить ситуацию в современном мире, но и может привести к возникновению противостояния между ведущими глобальными державами. В Вашингтоне, видимо, не хотят принимать во внимание то очевидное обстоятельство, что развитие событий с начала XXI в. все больше подтверждает реальность тенденции к многополярности нынешнего мира.

Вопреки происходящим в мире реальным и объективным процессам, политики в Вашингтоне по-прежнему грезят о достижении глобального превосходства США, чтобы закрепить американское лидерство. Подобное превосходство нынешнему руководству США видится желанным и достижимым, прежде всего, в военной и военно-технической областях.

Таким образом, планы Вашингтона по размещению элементов американской системы противоракетной обороны на территории европейских стран, в частности Польши и Чехии, полностью укладываются в логику устремлений к достижению превосходства в области стратегических вооружений.

Сейчас наступил такой момент, когда Россия не может более безучастно относиться к этой опасной тенденции в международных делах.

Поэтому президент России В.Путин перед встречей руководителей “Большой восьмерки” в городке Хайлигендамме в Германии (июнь 2007 г.), беседуя с представителями СМИ, высказал следующую оценку ситуации: “Нарушается стратегический баланс в мире. Для того, чтобы этот баланс восстановить, не создавая у себя системы противоракетной обороны, мы вынуждены будем создавать системы преодоления этой ПРО, что мы и делаем сейчас”.

Из слов Путина четко вытекает двоякий вывод. Реальность такова, что Россия сейчас вынуждена в интересах обеспечения своей безопасности принимать ответные шаги. Совершенно очевидно также, что отнюдь не наша страна выступает инициатором процесса новой гонки вооружений. Напротив, Россия в силу объективных обстоятельств настроена против развертывания новой волны гонки вооружений.

Суть дела в том, что Соединенные Штаты намерены возвести в Европе дорогостоящую систему противоракетной обороны в качестве составной части своего стратегического потенциала, которая обойдется в десятки миллиардов долларов. Возникает естественный вопрос: нужна ли странам Европы подобная, крайне дорогая система ПРО? Ведь конечная эффективность ее по многим признакам сомнительна.

Разумеется, не в интересах России участвовать в реализации таких грандиозных по форме, но весьма опасных по существу планам Вашингтона по созданию системы противоракетной обороны на Европейском континенте. Хотя с американской стороны звучат настойчивые призывы в этом направлении. Тем более, что теперь выясняется заинтересованность американцев, прежде всего, в использовании российских ракет для отработки своей задуманной системы ПРО.

Во время саммита “Большой восьмерки” в Хайлигендамме президент Путин выступил с компромиссным предложением для США, которое сделало бы ненужным размещение элементов противоракетной обороны на территории Польши и Чехии. Существо этой российской инициативы состоит в том, чтобы договориться о совместном использовании Россией и США Габалинской радиолокационной станции на

территории Азербайджана. Эта РЛС в последние годы арендуется Россией.

Первоначальная реакция на эту инициативу России со стороны президента США сводилась к оценке: “интересное предложение”. Точка зрения, высказанная другими официальными лицами США, а также СМИ, оказалась куда более нюансированной.

Так, государственный секретарь США Кондолиза Райс в беседе с представителями СМИ, подтвердив, что предложение Путина “интересное”, сказала в то же время, что переговоры с Польшей и Чехией будут продолжены. Райс, обосновывая далее выбор этих стран для размещения элементов ПРО, подчеркнула, что он не был случайным и определялся “географическим положением” этих стран.

Вот здесь мадам госсекретарь США проговорила, признав, по сути, антироссийскую направленность проекта ПРО в Европе. Ведь как профессиональному специалисту по нашей стране ей должно быть хорошо известно, что именно территория Польши в прошлом не раз служила исходным плацдармом для агрессии и военного наступления на Россию. К этому можно добавить, что всякий раз такие попытки использования польской территории против России заканчивались поражением агрессора.

Комментарии госсекретаря США для печати вызвали отклик со стороны министра иностранных дел России С.Лаврова. Он посоветовал США воздержаться от попыток продвижения своего проекта ПРО на период ведения российско-американских переговоров по этому вопросу.

Поэтому следует ожидать, что политико-дипломатическая борьба вокруг возникшей проблемы американской противоракетной обороны в Европе, которая по всем признакам толь-

ко начинается, может оказаться упорной и весьма сложной.

К сожалению, приходится констатировать, что стремление к превосходству не ограничивается областью стратегических, то есть ракетно-ядерных вооружений. В США ведется целенаправленное совершенствование обычных вооружений. Там создаются все более сложные системы высокоточного оружия обычного типа.

При этом заметно возрастает разрушительная сила фугасных зарядов неядерного класса, которые по своей ударной мощи уже приближаются к ядерному оружию.

Подобные тенденции в происходящей ныне “подковерной гонке” вооружений в современном мире не может не вызывать озабоченности у международной общественности, в том числе и в нашей стране. Известно, что наиболее опасна та угроза, которую не заме-

чают, и поэтому она может воплотиться в жизнь совершенно внезапно.

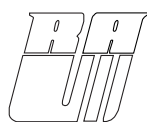
Общественное мнение стран Запада до сих пор не проявляло беспокойства по поводу гонки в сфере высокоточного обычного оружия. А между тем, в подобном невнимании к важным тенденциям заключается серьезная угроза безопасности как в Европе, так и во всем мире. Ведь такие системы оружия могут вполне успешно использоваться для нанесения первого упреждающего удара, то есть для совершения акта вооруженной агрессии против практически любого государства нашей планеты.

В последние годы мы уже дважды наблюдали, как это может происходить в реальной жизни.

Конкретными и наглядными примерами подобного рода действий могут служить военная акция НАТО против Югославии в 1999 г. и интервенция США и их союзников против Ирака в 2003 г.

Итак, необходимо подчеркнуть, что практически все шаги, предпринятые США в такой важной для глобальной безопасности сфере, как ограничение вооружений, приводят в конечном итоге к осложнению международной ситуации.

В последнее время появляется все больше свидетельств того, что Вашингтон ведет на мировой арене “игру с обратным результатом”. Это означает, что в результате такой его политики происходит падение авторитета США в качестве единственной сверхдержавы мира.

**ОБЗРЕВАТЕЛЬ
OBSERVER**

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@nasled.ru

Что ожидает граждан Польши и Чехии, если... ?

Владимир Васильев,
кандидат технических наук,
член-корреспондент Академии военных наук

В начале 90-х годов прошлого столетия народы Польши и Чехии вздохнули с облегчением, после того как развалился Варшавский договор и с их национальной территории поспешно были выведены соединения и части Советской Армии – войска Северной и Центральной групп войск. На протяжении многих столетий поляки и чехи подвергались оккупации (гуннов, варваров, крестоносцев, Римской империи, Пруссии, Третьего рейха) или входили в состав более сильных соседей (Австро-Венгрии, Российской империи). Памятными для чехов были события 1968 г., когда на территорию Чехословакии были введены войска стран Варшавского договора. А Польша в декабре 1981 г. стояла на грани гражданской войны и ввода Советских войск на свою территорию.

Казалось бы, что национальная память и стремление к независимости и самостоятельности этих государств не допустит в дальнейшем появления на их территории иностранных войск.

Однако время показало, что это не так. Менее чем через 10 лет после вывода Советских войск обе страны вступили в НАТО и Европейский союз. Более 4000 польских солдат и офицеров войск специального назначения “Гром” уже ведут боевые действия в составе Первой легкой европейской дивизии в Ираке.

Но этого руководству Польши и Чехии показалось мало. Уже осенью 2006 г. в результате двухсторонних переговоров с правительством США было принято решение о размещении элементов системы противоракетной обороны национальной территории США (радиолокатора слежения и рас-

познавания баллистических целей *GBR* с дальностью действия свыше 4000 км) на территории Чехии в 100 км восточнее Праги вблизи г. Високе Мите, который находится на шоссе, соединяющем города Градец Карлове – Брно, и 10 пусковых установок ракет-перехватчиков *GBI* (дальность перехвата 2000 и 5500 км), оснащенных комбинированной системой наведения и реализующих принцип кинетического поражения, на территории Польши между городами Гданьск и Краков.

Разговоры о развертывании только пусковых установок и радиолокатора свидетельствуют о лукавстве США и о плохой осведомленности правительств

Польши и Чехии о реальном составе сегмента Третьего района системы ПРО США, поскольку для развертывания, технической эксплуатации и боевого применения этих элементов требуется многочисленный обслуживающий персонал, по крайней мере, по 200 военнослужащих и гражданских лиц на каждом из упомянутых объектов, в том числе солдаты, сержанты, уоррен-офицеры (“прапорщики”), вторые и первые лейтенанты, капитаны и майоры. Это в том случае, если эти воинские части будут иметь ранг отдельной огневой батареи ПРО и отдельного радиолокационного поста.

Если их ранг будет выше, например, дивизион и радиолокационный центр, то ими может руководить подполковник и численность личного состава будет значительно больше.

Для их жизнеобеспечения требуется жилье, пункты питания, учреждения для отдыха и развлечений.

При этом, по американским стандартам офицерам, состоящим в браке, должно быть предоставлено отдельное жилье из расчета 100 кв. м на каждого члена семьи в среднем дом на 400 кв. м молодым холостым офицерам предоставляются номера в офицерских гостиницах, а солдатам и сержантам – в казарме гостиничного типа.

Перечисленные проблемы являются общими как для Чехии, так и для Польши, хотя есть и специфика.

Например, развертывание РЛС вблизи Праги значительно ухудшит экологическую обстановку в регионе.

Главная причина заключается в том, что она снабжена активной адаптирующейся фазированной антенной решеткой больших размеров, которая содержит 81000 или 17000 активных приемо-передающих устройств, максимальная излучающая мощность каждого составляет 6 или 10 Вт.

Таким образом, максимальная излучающая мощность может достигать 480 и 170 кВт. А так как, излучение осуществляется очень узким лучом, то излучаемая мощность возрастает в сотни тысяч раз.

По всем санитарным нормам США размещение таких объектов допускается только в безлюдных пустынных районах вдали от населенных пунктов. Полагаем, что видимо “обеспечить” выполнение этих норм на территории Чехии также просто, как и на малозаселенной Аляске или безлюдных Алеутских островах.

Кроме этого, во избежание авиационных катастроф запрещается пролет пассажирских и транспортных самолетов на расстоянии ближе 50 км от такой РЛС. В случае не выполнения этих требований возможно поражение экипажей самолетов и вывод из строя бортового радиоэлектронного оборудования.

А Польшу ожидают свои проблемы, связанные с неопределенностью в типе пусковых установок – шахтные или мобильные, в количестве ракет, размещенных на них – 1, 2 или 4, а также в типе ракеты и ее боевом оснащении – обычном или ядерном.

Это обусловлено тем, что 13 июня 2002 г. США односторонне и демонстративно вышли из Договора об ограничении стратегических систем противоракетной обороны от 26 мая 1972 г., в соответствии с которым разрешалось иметь шахтные пусковые установки для размещения одной ракеты с неотделяемой ядерной головной частью, наводимой на цель с помощью многофункциональной РЛС.

Развертывание многозарядных пусковых установок космического, воздушного, морского и наземно-мобильного базирования запрещалось. Запрещалось также иметь на ракете-перехватчике разделяющиеся головные части, а также размещать объекты си-

системы ПРО на территории иностранных государств.

Теперь эти ограничения не действуют. Подтверждением этого является тот факт, что США уже разработали и испытали мобильную буксируемую пусковую установку, имеющую трехосное шасси, на которой размещается два транспортно-пусковых контейнера для ракет *GBI* фирмы “Локхид-Мартин”.

В свою очередь размеры проектируемых шахтных пусковых установок позволяет размещать в них 4 аналогичных транспортно-пусковых контейнера. Предполагается также, что головная часть ракеты *GBI* будет разделяться на 32 самонаводящихся боевых элемента с инфракрасной головкой наведения.

Стоящие на боевом дежурстве шахтные пусковые установки не создают особых проблем для местного населения, чего нельзя сказать о мобильных пусковых установках, которые должны время от времени выезжать на дороги Польши, и тем самым будут создавать трудности, как дорожному движению, так и жизнедеятельности местного населения. Причиной этих трудностей является обеспечение режима секретности проводимых мероприятий, для чего по всему маршруту движения колонны военная полиция США и Войска Польского прекратят движение, как транспорта, так и местных жителей на неопрделенное время.

Такой негативный опыт имеют жители районов ФРГ, по дорогам которых перемещались дивизионы и огневые батареи ракетных комплексов “Першинг-2”.

Собственно на этом разговор о проблемах, которые будут иметь граждане Польши и Чехии в случае размещения на их территории элементов системы ПРО США, можно было бы и закончить, если бы не одно обстоятель-

ство. Оно заключается в том, что оговоренные элементы системы ПРО (пусковые установки ракет-перехватчиков и РЛС) не способны решить задач перехвата боевых блоков баллистических ракет большой дальности, запущенных с территории Ирака и Северной Кореи. Так как, для успешного решения задачи перехвата необходимы дополнительные элементы, а именно – два разнесенных на местности пункта радиоуправления полетом ракеты-носителя и головной части к цели как элементов комбинированной системы наведения.

Такие пункта радиоуправления предусмотрены в Первом позиционном районе системы ПРО (Форт Грили, шт. Аляска) и во Втором районе (база Гранд-Форкс, шт. Северная Дакота).

Именно пункты радиоуправления обеспечивают допустимую величину промаха поражающего элемента относительно цели – не более 30–50 см на дальности 2000 км.

Радиолокационная станция *GBR* не в состоянии обеспечить такую точность наведения, так как на дальности 2000 км промах составит не менее 50 м. Такая точность наведения обеспечивает требуемую величину вероятности поражения цели только в том случае, если ракета-перехватчик оснащена ядерной головной частью.

Следовательно, если не последуют разъяснения с американской стороны о том, на территории какой страны и в каких именно районах предполагается разместить пункты радиоуправления, то возникает дополнительный вопрос: на территорию каких государств выпадут образовавшиеся в результате взрыва радиоактивные осадки?

Кроме этого термоядерный взрыв на высоте 200–300 км сопровождается коротким и очень мощным электромагнитным импульсом, который за миллионные доли секунды выводит из

стройка радиоэлектронную аппаратуру и электротехнические устройства, включая линии электропередач, находящиеся на земле, в радиусе 1000–1500 км, и радиоэлектронную аппаратуру космических аппаратов и воздушных судов в радиусе до 3000 км.

Очевидно, что жителям Западной, Центральной и Восточной Европы такая перспектива вряд ли желательна.

Другим возможным вариантом использования разворачиваемых элементов “системы ПРО США” в Польше, является использование пусковых установок для запуска баллистических ракет средней дальности в обычном или ядерном оснащении, а РЛС как выносного элемента, обеспечивающего оперативность получения информации о параметрах движения баллистических ракет и боевых блоков. Основанием для такого предположения является тот факт, что Управление ПРО МО США дало указание фирмам “Боинг” и “Локхид-Мартин” по объединению усилий в разработке и производстве улучшенного варианта универсальной ракеты *GBI*, которая должна использоваться в качестве как ракеты-перехват-

чика системы ПРО США большой дальности или ракетносителя малогабаритных космических аппаратов, так и баллистической ракеты средней дальности (до 5500 км).

Следует отметить, что в свое время фирма “Локхид-Мартин” уже “прославилась” тем, что разработала и в 1976 г. испытала на максимальную дальность 1776 км баллистическую ракету средней дальности “Першинг-2”. Необходимо отметить, что прототип ракеты *GBI* большой дальности был испытан в 2002 г., при этом были достигнуты – высота 1800 км и дальность 5500 км.

Ожидаемое серийное производство должно обеспечить производство 2 ракет *GBI* в месяц.

В случае размещения этих ракет на территории Польши полетное время будет составлять 10 мин. до Москвы, 15 мин. до Нижнего Тагила и 22 мин. до Новосибирска.

Так что граждане Польши, Чехии и других стран западной Европы, которые желают разместить на своей территории военные объекты США, должны учесть все “за” и “против” и оценить возможную перспективу.

В заключение следует отметить, что по сложившейся традиции все государства, обладающие ракетно-ядерным оружием большой дальности, в качестве первоочередных целей рассматривают объекты, представляющие для них наибольшую угрозу без учета того, на чьей территории они размещены.

Если бы не было Косова...

Южная Осетия как заложница решения косовской проблемы*

Борис Габараев

Название ранее мало кому известного небольшого сербского края Косово сегодня на слуху, причем не только в кругах политиков и дипломатов, но и среди тех, кто хоть немного интересуется происходящим в мире. В последнее время, когда на разных уровнях широко обсуждается вопрос, следует ли этому краю предоставить независимость, многие тут же вспоминают Южную Осетию.

В этой связи представляется интересным более детально рассмотреть, в чем состоит общность проблем Косова и Южной Осетии, позволяющая после предоставления независимости Косово претендовать на “прецедентный” подход к признанию независимости как Южной Осетии, так и ряда других самопровозглашенных государств. Не менее интересно выявить разницу между проблемами Косова и Южной Осетии, чтобы понять, насколько обоснован тезис об “уникальности косовской ситуации”, исключающий возможность распространения предлагаемого Западом решения косовской проблемы на другие случаи.

Еще интереснее посмотреть, в чью пользу свидетельствуют результаты анализа разницы между проблемами этих двух многострадальных регионов.

Общность проблем Косова и Южной Осетии

Как Косово, так и Южная Осетия занимают территории, которые составляют 15 и 5% площади соответственно Сербии и Грузии. Поэтому о катастрофическом территориальном ущербе для Сербии и, особенно, Грузии говорить не приходится.

Оба региона характеризуются преобладанием жителей одной национальности: 90% населения Косова составляют этнические албанцы – косовары, в Южной Осетии доля осетин достигает 70%. Косовары граничат с Албанией, в которой их соплеменники являются

* Автор весьма далек от политики, но ему, как любому осетину, далеко не безразлична судьба Южной Осетии, поэтому он взял на себя смелость высказать свое чисто дилетантское видение проблем Косова и Южной Осетии. В конце концов, дилетантов в любом вопросе, как водится, несоизмеримо больше, чем профессионалов, поэтому дилетантскую точку зрения полезно было бы, если не учитывать при принятии решения, то хотя бы знать.

практически единственной титульной нацией.

Военно-осетинская автомобильная дорога Мамисонского перевала и Транскавказская автомагистраль Рокского перевала соединяют Южную Осетию с республикой Северная Осетия-Алания, одним из субъектов Российской Федерации, в котором проживает большинство осетин.

В обоих случаях стремление рассматриваемых регионов отделиться от государств, в составе которых они, по мнению международного сообщества, должны оставаться, привело к их весьма жестокому наказанию со стороны этих государств. Правительство Югославии использовало против недовольных косоваров полицейские силы и регулярные армейские части, что в ответ привело к созданию албанской Армии освобождения Косово. Погибло множество мирных жителей, как сербов, так и албанцев.

В 1999 г. Совбез ООН принял резолюцию № 1244, на основе которой управление страной, лишь формально остающейся частью Сербии, передано миссии ООН, которая опирается на руководимый НАТО Контингент сил для Косово (*KFOR*). Благодаря усилиям *KFOR* ситуация в Косове взята под контроль, хотя иногда происходят новые вспышки межэтнических беспорядков.

Южная Осетия тоже хлебнула немало лиха, стоило ей заявить о решении не причислять себя к Грузии, тоже, по сути дела, самопровозглашенной республикой. Правители современной Грузии упорно предпринимают попытки усмирить вооруженным путем непокорную Южную Осетию, которую еще во времена печально известного геноцида осетин в начале 20-х годов прошлого столетия глава грузинских меньшевиков Ной Жордания пророчески назвал "*грузинской Вандеей*".

"Диссидент" Звиад Гамсахурдиа, "перестроечник" Эдуард Шеварднадзе и "энтузиаст НАТО" Михаил Саакашвили, последовательно свергая друг друга с грузинского "престола" и будучи политическими врагами, проявляют поразительное единодушие в своем желании любой ценой удержать в своих руках неизвестно как и почему "доставшуюся им" Южную Осетию. В результате вооруженной агрессии и блокады со стороны официального Тбилиси погибли многие сотни мирных жителей Южной Осетии, в том числе детей, стариков и женщин. Мины и снаряды, выпущенные по осажденной столице Южной Осетии г. Цхинвалу, не разбирали, где вооруженный повстанец, а где грудной младенец или престарелая женщина.

Как Косово, так и Южная Осетия уже не связаны экономической "пуповиной" с претендующими на них государствами, то есть с Сербией и Грузией, соответственно. Более того, Косово "позаимствовало" общеевропейскую валюту "*евро*", а в Южной Осетии в качестве платежного средства давно уже признан и успешно работает *российский рубль*.

Даже в сравнительно "мирное" время население обоих регионов страдает от массовой безработицы, уровень которой в Косово составляет около 50%, а в Южной Осетии ненамного ниже. Молодежь лишена возможности получать полноценное среднее и высшее образование: она прекрасно разбирается с автоматом Калашникова и премудростями минного дела, но лишена возможности постигать тайны мироздания, осваивать искусство программирования и т.п.

Дальнейшее затягивание сложившегося состояния неопределенности отношения международного сообщества к статусу Косова и Южной Осетии только драматизирует ситуацию. В обоих регионах вырастает поколение, которое практически не знает настоящей мирной жизни и подвергается множе-

ству искушений, грозящих бедой им самим и другим людям.

Оба региона являются предметом самого пристального внимания международного сообщества, которое оказывает срочную гуманитарную помощь населению и пытается содействовать поиску решений политических проблем. Специальная миссия ООН временно приняла на себя управление краем. В Южной Осетии имеется постоянное представительство ОБСЕ, а сохра-

нение мира гарантируют российские миротворческие силы.

Таковы общие (по крайней мере, на первый взгляд дилетанта) черты проблем Косова и Южной Осетии, хотя профессиональный взгляд мог бы, по-видимому, выявить куда больше общности в положении этих регионов.

Вместе с тем Косово и Южная Осетия во многом отличаются друг от друга, что также необходимо учитывать при принятии решения по их статусу.

Разница между проблемами Косова и Южной Осетии

Хотя Косово и занимает сравнительно небольшую территорию, этот край играет чрезвычайно большую роль в истории и жизни Сербии, являясь средоточием многих важнейших духовно-религиозных святынь сербов. Предсказать дальнейшую судьбу этих памятников не представляет большого труда.

Совсем недавно в марте 2004 г. косовары-албанцы сожгли православный монастырь Архангелов близ Призрена, причем военнослужащие германского подразделения миротворческих сил KFOR не решились стрелять в разъяренную толпу из нескольких тысяч "мирных людей".

В отличие от случая Косова на территории Южной Осетии нет никаких сколько-нибудь значимых грузинских духовно-религиозных памятников, что и не вызывает удивления, поскольку осетины постоянно проживают на этой территории уже более 7 веков, а это совсем не мало даже по историческим меркам.

Таким образом, признание независимости Южной Осетии не грозит для Грузии катастрофическим ущербом как в территориальном, так и в духовно-религиозном отношении.

В Косово доля косоваров-албанцев выросла до 90% за последние годы, на

которые пришелся массовый исход сербов из края под угрозой истребления со стороны албанцев. Доля осетин практически не изменилась за время конфликта, так как грузины из Южной Осетии не стали уезжать, не испытывая угрозы в свой адрес. В Цхинвале бок о бок мирно живут осетины и грузины, причем в отличие от косовской Приштины здесь нет даже разделения на чисто грузинские и осетинские кварталы. Более того, во время осады Цхинвала городские отряды самообороны состояли из осетин, грузин, армян и русских.

Недаром З.Гамсахурдия грозил, что в случае захвата Цхинвала он, в первую очередь, расправится с "предателями"-грузинами из Цхинвала.

В Южной Осетии за время конфликта от рук осетин не пострадало ни одно грузинское селение, чего не скажешь о судьбе сербских селений в Косово.

Жителей Косово разделяет барьер не только этнический, но и религиозный. Албанцы-косовары исповедуют ислам, тогда как сербы являются христианами, причем исповедуют православие, как и русские.

Южная Осетия отличается от Косова отсутствием религиозного конфликта, поскольку как грузины, так и осети-

ны относятся к христианам, причем именно к православным.

Еще одно важное различие между Косово и Южной Осетией связано с тем, как давно прошло разделение народа.

Косовары-албанцы живут в отрыве от основной массы албанцев на протяжении жизни уже нескольких поколений, тогда как осетины Южной Осетии оторвали от остальных осетин всего лишь полтора десятка лет назад. Половина родственников каждого современного южного осетина проживает в Северной Осетии-Алании, Москве и других субъектах Российской Федерации.

Само разделение Осетии на Южную и Северную является “изобретением” советского периода и долгое время носило чисто условный характер, пока неконституционный распад СССР и поспешное международное признание независимости продуктов этого распада не привели к появлению новых проблемных многонациональных государств типа Грузии или Молдавии.

Сказалась западная политика двойных стандартов, в силу которой за грузинами признано право на самоопределение, тогда как абхазам и осетинам в этом праве отказано.

А что же дальше?

Как показал анализ, между Косово и Южной Осетией много общего.

Это дает определенные основания увязывать между собой решение проблем данных регионов, хотя не совсем понятно, почему по времени на первое место как Запад, так и Россия как бы не сговариваясь ставят решение косовской ситуации. Соответственно, мир стал свидетелем удивительной активности политиков, организаций и стран, вовлеченных в проблему Косова.

Венцом активности стал план косовского урегулирования, представлен-

Косово стремится к отделению от Сербии, которая еще недавно являлась самой крупной республикой Югославии, тогда как Южную Осетию тщетно пытается присоединить Грузия, современная государственность которой основана только на поспешности западных стран, стремившихся во что бы то ни стало сделать необратимым процесс распада ненавистного им СССР.

Различие между Сербией и Грузией заключается также в характере их отношений с США.

Сербию, как известно, США подвергли варварским бомбардировкам, в результате которых погибло много людей и разрушены мосты, дома, коммуникации.

В то же время Грузия обласкана администрацией США, причем до такой степени, что руководством Грузии официально объявлены размеры ежемесячного американского жалованья, которое получают “неподкупные” президент Грузии Михаил Саакашвили, глава грузинского парламента Нино Бурджанадзе, члены правительства и парламента.

Естественно, что это различие между Сербией и Грузией напрямую сказывается на разнице между проблемами Косово и Южной Осетии.

ный 27 марта 2007 г. Совету Безопасности ООН спецпосланником Генсека ООН, бывшим финским президентом Марти Ахтисаари.

Этот план предусматривает, что Косово получает статус независимого государства с демократическим устройством, но под контролем международного сообщества. То есть нынешний протекторат по линии ООН должен быть заменен “поднадзорной независимостью” с перспективой последующего снятия надзора и вступления в Евросоюз (когда ЕС этого захочет).

План Ахтисаари встретил вполне понятное неприятие со стороны Сербии, активно поддержанное Россией, которую связывает с Сербией многолетнее братство еще со времен освобождения балканских славян от турецкого ига.

Сербии и России не устраивало, что план Ахтисаари предусматривает признание независимости Косово, если даже Сербия не даст согласие на это.

С марта по июль 2007 г. на рассмотрение Совета Безопасности ООН были представлены еще три версии плана Ахтисаари, которые, несмотря на ряд вариаций, по-прежнему не предусматривали обязательного согласия Сербии на предоставление Косово статуса независимого государства.

Выдвижение каждой версии сопровождалось категорическими утверждениями руководителя Госдепа США Кондолизы Райс, что Косово в любом случае получит независимость и произойдет это в близком будущем.

В знак солидарности с Сербией Россия последовательно отвергла все четыре версии плана Ахтисаари. Озвучивая свою позицию, Россия недвусмысленно намекала на свое *право вето* при голосовании в Совете Безопасности ООН.

Западные энтузиасты предоставления независимости Косово без труда нашли выход из этой, казалось бы, патовой ситуации. Они забрали последнюю версию плана Ахтисаари из Совета Безопасности ООН и передали ее в Контактную группу по Косово, в которой Россия хотя и участвует, но уже не имеет *права вето*. В эту группу помимо России входят Великобритания, Франция, Германия, Италия и США. Учитывая антиславянскую политику США и желание Евросоюза навести “мир и порядок” на Балканах, рвущихся в Евросоюз, нетрудно предвидеть исход голосования в Контактной группе по Косово.

Чувствуя мощную поддержку Запада, руководители косоваров-албанцев торопят принятие выгодных им условий. Не далее, как 20 июля 2007 г. Косовский премьер-министр Агим Чеку заявил, что при любом исходе голосования Косово в одностороннем порядке провозгласит 28 ноября этого года – в День независимости Албании свою независимость. Если это произойдет, то, по оценкам экспертов, в первые же две недели независимость Косово могут признать примерно 60 стран, среди них будут США и ряд стран Европы, в которых нет проблем со своими меньшинствами. Иными словами, может воздержаться, например, Испания с ее движением басков.

При таком развитии событий ООН и ЕС теряют правовую основу для введения “*поднадзорной независимости*” Косово.

Для России это тоже очень невыгодно, так как, во-первых, она получит тот самый “прецедент”, против которого она так активно возражает, во-вторых, потеряет возможность реального влияния на косовскую ситуацию.

Совсем по другому развиваются события в Южной Осетии и вокруг нее. Поначалу Кремль рассматривал Южную Осетию исключительно как разменную монету в своем взаимодействии с официальным Тбилиси.

При желании можно вспомнить, как уважаемый Руслан Хасбулатов для того, чтобы сделать Грузию более сговорчивой в том или ином вопросе, периодически грозился немедленно поставить на повестку дня заседания Верховного Совета России просьбу Южной Осетии о ее приеме в состав России.

Правда, потом последовали более адекватные поступки со стороны Кремля. Особенно следует подчеркнуть значимость ввода российских миротворческих сил и массового предоставления

российского гражданства жителям Южной Осетии.

Это позволило существенно стабилизировать ситуацию в регионе, приступить к восстановлению мирной жизни.

Отрадно отметить положительные подвижки в экономике Южной Осетии, где возобновляется работа заводов, строятся автомобильные дороги, линии электропередачи, газовые магистрали.

Активизировалась социальная политика, улучшается медицинское обслуживание, реализуются мероприятия по обучению молодежи в профессиональных и образовательных учреждениях.

Улучшение экономической и социальной атмосферы в Южной Осетии происходит **не благодаря, а вопреки** действиям официального Тбилиси.

Грузинские власти не очень разборчивы в выборе средств для достижения заветной цели, а именно удержания Южной Осетии в составе современной Грузии, границы которой никогда не согласовывались с осетинами.

С одной стороны, официальный Тбилиси регулярно выступает с активно рекламируемыми предложениями широчайшей автономии Южной Осетии в составе умозрительной грузинской федерации или конфедерации. Однако осетины давно уже знают цену лицемерным обещаниям руководителей Грузии независимо от того, кто бы их конкретно ни давал.

Параллельно грузинское руководство не брезгает прибегать к такому избитому политическому приему, как создание "правительств в изгнании".

Иллюстрацией стало проведение "параллельных выборов" в нескольких грузинских селах Южной Осетии, результатом чего явилось создание ублюдочного "правительства" Южной Осетии во главе с Дмитрием Санакоевым, беглым провокатором, ставшим премьером Южной Осетии.

Интересно отметить, что в конце июня 2007 г. Европарламент не погнушался офи-

циально принимать эту грузинскую марионетку, хотя прекрасно осведомлен, что Южную Осетию уполномочен представлять только ее законно избранный президент Эдуард Кокоты.

С другой стороны, власти Грузии не прекращают свою излюбленную политику провокаций и вооруженных нападений.

Жителям Южной Осетии памятен ракетный обстрел мирных кварталов ее столицы Цхинвала в день празднования очередной годовщины образования Республики Южная Осетия.

В конце июня 2007 г. на территорию Южной Осетии вторглись 10 грузинских бронетранспортеров под предлогом прикрытия строительства дороги, осуществляемого без разрешения законных властей Южной Осетии. Кроме того, в это же время грузины обстреляли в середине дня из минометов и гранатометов осетинское селение Кварнети, граничащее с Цхинвалом.

Практически непрерывно с грузинской стороны провоцируются вооруженные стычки.

Во время очередного нарушения воздушного пространства Южной Осетии был подбит вертолет грузинских ВВС и, в результате, только чудом не попал в осетинский плен храбрый министр обороны Грузии господин Окруашили, грозившийся встретить Новый год в покоренном Цхинвале.

Недавно грузинские власти также организовали провокационные аресты официальных российских миротворцев за "незаконное" пребывание в Южной Осетии. Несколько позже были арестованы российские телевизионные журналисты программы "Вести".

Следует отметить, что для последних провокаций официальный Тбилиси выбрал очень удобный момент. Депутаты Государственной Думы России ушли на летние каникулы, причем для них на первое место уже вышли предвыборные заботы и хлопоты.

Президент В.В.Путин встревожен планами США по размещению своих ракет в Польше и элементов противо-

ракетной обороны в Чехии. Кроме того, чашу терпения Кремля переполнило пренебрежительное отношение Европы к выполнению своих обязательств по ДОВСЕ, то есть Договору об ограничении обычных вооружений в Европе, в условиях, когда Россия даже перевыполнила свои обязательства.

Официальный Тбилиси рассчитал, что Кремлю во многом будет не до Южной Осетии. Более того, в пику России страны-участницы ГУАМ (Грузия, Украина, Молдавия, Азербайджан) уже договорились о создании миротворческого контингента своей организации.

А если бы проблемы Косово не было?

Действительно, анализ показывает, что не так уж много общего между Косово и Южной Осетией.

Проблема Косово, скорее всего, решится по схеме, которую настойчиво продавливают США и их политические союзники. Сербии в обмен на ее согласие пообещают прием в Европейский союз. Вновь образованному независимому государству косоваров-албанцев также пообещают членство в Евросоюзе в обмен на обещание не притеснять сербское меньшинство и не вступать в какой-либо союз с Албанией.

При таком весьма вероятном развитии косовской ситуации руки России, если верить российским политикам, будут “развязаны” и она сможет признать независимость Южной Осетии. Получается, что Южная Осетия является заложницей решения проблемы Косово. Причем, скорее, не невольной, а подневольной заложницей, если вспомнить, что Косово получит не простую, в поднадзорную независимость.

Возникает вопрос, насколько справедливо такое отношение к вопросу предоставления независимости Южной Осетии.

По заявлению генерального секретаря организации Гела Бежуашвили, в ближайшем будущем ГУАМ могла бы участвовать в миротворческих операциях. Намек на возможность вмешательства ГУАМ в дела Южной Осетии более чем прозрачный.

Так по разному обстоят дела и развигивается ситуация в Косово и Южной Осетии. Тем не менее, российские власти упорно увязывают судьбу Южной Осетии с решением проблемы Косово. Поневоле встает крамольный вопрос, который заслуживает более или менее обстоятельного рассмотрения.

“Исторический опыт” независимости Косово исчисляется всего лишь 7 годами да и то внешнего управления в виде протектората ООН под присмотром специальной миссии ООН и при поддержке натовского Контингента сил для Косово. Между тем, Южная Осетия уже 17 лет самостоятельно строит независимое государство, в ней образованы и успешно функционируют все необходимые институты государственности. Выборы президента и парламента Южной Осетии всегда проходят демократическим путем, без каких-либо “цветочных” революций, чего никак не скажешь о “демократичной” Грузии, претендующей на насильственное присоединение непокорной Южной Осетии.

Важно также отметить, что в Косово основные аспекты конфликта носят межрелигиозный и межнациональный характер, а в Южной Осетии эти моменты вообще отсутствуют, так как, во-первых, грузины и осетины являются православными христианами, во-вторых, против осетин воюют отнюдь не местные грузины, а вооруженные силы Грузии, периодически насылаемые оче-

редными властителями официального Тбилиси. Что же касается местных грузин, то они никуда не бежали в отличие от косовских сербов или осетин из Тбилиси, Рустави, Кахетии и т.п.

Также очень важно учитывать, что в отличие от косоваров-албанцев, уже много лет привычно проживающих отдельно от основной массы албанцев, осетины Южной Осетии подвергаются принудительной разлуке со своими близкими родственниками, проживающими в Республике Северная Осетия-Алания и других субъектах Российской Федерации.

Легко представить, какой стресс и гнев вызывает у них разлука с родными людьми.

Почему Россия и Южная Осетия должны обойтись без косовского “прецедента”?

Россия и Южная Осетия не могут себе позволить роскоши терять время в ожидании “прецедента” предоставления независимости мятежному краю Косово.

Во-первых, верные политике двойных стандартов США и их союзники будут настаивать на тезисе об “уникальности” косовской ситуации и категорически будут отрицать возможность и допустимость “прецедентного” подхода.

Во-вторых, время работает против России и Южной Осетии, так как Грузия со дня на день вступит в НАТО, чему усиленно способствует администрация США. После вступления Грузии в НАТО пребывание российских миротворческих сил в Южной Осетии будет агрессивно оспариваться странами-участницами НАТО.

Таким образом, “окно” возможности признания независимости Южной Осетии уже начало закрываться, поэтому времени у России остается, как говорится, в обрез.

Было бы наивно предполагать, что об этих и иных существенных различиях Южной Осетии от Косово не подозревают американские и европейские политики и государственными деятелями. Им прекрасно все известно, однако они не видят своей выгоды в том, чтобы поступать с учетом этих факторов. Более того, это было бы очень невыгодно для них. Из вовлеченных политических сил только Россия может и должна учитывать специфику ситуации в Южной Осетии. Действовать Россия должна без оглядки на Косово так, как будто проблемы Косово и не существует.

Это будет очень полезно и не только для небольшой Южной Осетии, но и для огромной России.

Главными противостоящими силами в ситуации Южной Осетии являются отнюдь не Грузия и Южная Осетия, а США и Россия.

Как отмечает политолог В.Никонов, у США и России “разные взгляды на то, что такое успешная политика на постсоветском пространстве”.

Для России, по его мнению, успешной политикой является интеграция, тогда как США считают своим успехом, если бывшие советские республики быстрее дистанцируются от России.

Компромиссов в этом противостоянии не просматривается, поскольку США однозначно настроены на достижение своих целей.

Если США добьются насильственного присоединения Южной Осетии к Грузии, то это будет их очередным серьезным успехом в политике препятствования процессу сближения народов постсоветского пространства. Они также смогут в полной мере использовать преимущества военно-стратегического положения Южной Осетии, чтобы угрожать России.

Для Грузии присоединение Южной Осетии обернется пирровой победой. Даже многолетнее насильственное удерживание Ольстера в составе Великобритании не привело до сих пор к исчерпанию конфликта, который то угасает, то вспыхивает с новой силой. Нетрудно представить беспокойную жизнь, которая будет ожидать жителей Грузии как страны-победительницы, если учесть, насколько осетины отличаются по своему темпераменту от жителей Ольстера. Можно также вспомнить баскское движение в Испании, курдские проблемы Турции и Ирака.

Осетины, проживающие на территории Южной Осетии, в случае насильственного присоединения своей страны к Грузии будут охвачены гневом и разочарованием. О вытекающих последствиях для Грузии догадаться большого труда не составляет.

Состояние национального унижения может вызвать к жизни отнюдь не самые лучшие инстинкты, ярким примером чему является Веймарская Германия 20-х годов прошлого столетия.

Для России такой исход ситуации в Южной Осетии грозит не меньшей бедой. Это будет началом необратимого процесса потери российского Кавказа, так как, предав Южную Осетию, российские власти получат социальный взрыв в Республике Северная Осетия-Алания. Многие национальные субъекты Российской Федерации потеряют чувство доверия к России, а сепаратисты усомнятся в силе России и ее решимости защищать свою целостность. Иными словами, потеря Кавказа вполне может инициировать дальнейший распад российского государства. Можно не сомневаться, что США не пожалеют своих материальных и политических ресурсов для ускорения этого столь желанного для них процесса.

Что же мешает России претворять в жизнь свой интерес к интеграции на

постсоветском пространстве, если не считать противодействия со стороны США и их союзников? Прежде всего, это приверженность “законопослушной” России так называемым общепринятым международным принципам, к которым в данном случае относятся принцип территориальной целостности государства и право народа на самоопределение.

Российские политики застыли, как парализованные, между этими двумя взаимопротиворечивыми принципами, невольно напоминая хрестоматийного буриданова осла.

Действительно, соглашаясь на независимость Косово или Южной Осетии, Россия нарушает принцип территориальной целостности Сербии или Грузии, соответственно.

В то же время, отрицая право Косово и Южной Осетии на независимость, Россия нарушает право косоваров-албанцев Косово и осетин Южной Осетии на самоопределение.

Одновременно нарушается еще один принцип, а именно право народов на воссоединение. Именно оно формально послужило основанием требования объединить ФРГ и ГДР, Северный и Южный Вьетнам.

Международное сообщество пытается всячески поощрить воссоединение Северной и Южной Кореи. В то же время, воссоединение Северной и Южной Осетии представляется Западу недопустимым. Это еще один яркий пример западной политики двойных стандартов.

Любопытно, что идея воссоединения Северной и Южной Осетии встретила бы более чем теплый прием, если бы осетины объявили о своем желании воссоединиться в составе Грузии, стремящейся как можно быстрее стать членом НАТО. Вот еще один пример политики двойных стандартов со стороны того же Запада.

Как нетрудно видеть, США и их политические союзники лицемерно

декларируют приверженность принципам международного права и призывают к этому же Россию, а на деле решают многие международные проблемы “по понятиям или справедливости”, прибегая к терминологии “братков” из люберецкой или мытищинской организованных преступных группировок.

Грешно, разумеется, призывать Россию слепо следовать такому почти бан-

дитскому подходу. Однако политическое “чистоплюйство” тоже до добра Россию не доведет.

Главным принципом российской политики должно быть стремление к выгоде России, у которой должны быть постоянные интересы, но не обязательно постоянные друзья, типа Гельмута (Коля), Билла (Клинтона), Джорджа (Буша) и т.п.

В качестве первого шага реализации такой российской политики можно было бы рекомендовать немедленное признание независимости Южной Осетии.

Статус независимости Южной Осетии нужен как промежуточный этап на пути воссоединения осетинского народа в составе России.

Для Российской Федерации прием в свой состав официально независимой Республики Южная Осетия представляется политически более корректным, чем добровольное присоединение самопровозглашенной республики. В последнем случае Грузия и ее западные защитники могут обвинить Россию в незаконной аннексии части Грузии, хотя легитимность современных границ самой Грузии является более чем спорной, учитывая хаос распада СССР и поспешность признания ее независимости международным сообществом.

Признав независимость Южной Осетии, Россия действительно сделала бы очень важный первый шаг на пути интеграции постсоветского пространства, единственно верном пути к возрождению былого величия России. Этот шаг воодушевил бы остальные народы, стремящиеся присоединиться к России, и вызвал уважение тех, кому уже стало привычно унижать Россию, пренебрегать ее интересами.

**Подписка на 2007 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 — на 6 месяцев**

Внешняя политика Сербии в 90-е годы

Внешнеполитические взгляды сербских партий

Антон Генералов

Разрушение Берлинской стены в 1989 г. положило начало серьезных геополитических и идеологических изменений в мире, которые затронули, прежде всего, страны Восточной и Центральной Европы.

Среди важнейших изменений в этих странах можно отметить резкий переход от однопартийных систем к многопартийным вследствие процессов демократизации и смены политических режимов. Переход к партийному плюрализму затронул и республики распадавшейся Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ), в том числе и Сербию”.

Процесс, называемый сербскими исследователями “*транзиция*” (в российской и зарубежной литературе наряду с понятием “транзиция” также употребляются термины “трансформация”, “транзит”, “переход” или “переходный период”) и подразумевающий кардинальные изменения в постсоциалистических странах в 90-е годы XX в., фактически охватывал не только территорию Восточной Европы в указанный период. Проявления давления, осуществляемого извне, отчасти похожего на воздействия, оказываемые на Восточную Европу с начала 90-х годов XX в., можно было заметить еще в 70-е годы на примере падения диктатур и последующей демократизации в Греции, Испании, Португалии и еще раньше в послевоенных Германии и Италии.

Ни одна из этих трех волн демократизации не стала результатом свободного выбора тех стран.

Как подчеркивает венгерский ученый Атилла Агх, трансформация – это процесс “насиленной демократизации”¹.

Сербский исследователь Ласло Секель также отмечает: “побежденное общество или небольшая страна, желающая присоединиться к мировому сообществу, вынуждена демократизироваться, то есть подстраиваться под навязываемые правила игры”². “Любая власть, действующая удобно для США с точки зрения их глобальных политических целей провозглашается демократической”².

Вместе с перераспределением сил в мире и стремлением США распространить свое влияние на как можно большую территорию положение некото-

рых государств стало таким, что даже избрание правящей элиты уже не является сугубо внутренним делом этих государств. Так называемые “цветные” или “оранжевые” революции в Сербии, Грузии, на Украине являются подтверждением этого. Всякий раз, когда было необходимо, применялся целый спектр средств воздействия на какой-либо народ или государство для включения их в глобальные мировые процессы.

Начиная с первых дней югославского кризиса в начале 90-х годов XX в., во время политических конфликтов и разногласий среди руководств федеративных республик, затем во время войны в Хорватии, а также в Боснии и Герцеговине и, наконец, во время кризиса, вызванного проблемой статуса албанского населения в автономном крае Косово и Метохия, западноевропейские страны непосредственно влияли на ход событий. Их участие предусматривало дипломатические, политические, экономические меры и даже военное вмешательство, целью которых было повлиять на конечный исход кризиса.

Интерес Запада к происходящему в регионе становился все более ярко выраженным, расширялись масштабы участия, множились инициативы по решению проблем, увеличивалось число действовавших акторов. Инициативы были направлены в основном на приведение совокупного общественно-экономического, социального, политического и военного положения страны к положению, которое бы устраивало большинство стран Запада. Данные инициативы осуществлялись через различные механизмы воздействия, такие как многолетняя экономическая блокада, приостановление членства в международных организациях, трехмесячные бомбардировки и ввод иностранных войск на территорию Союзной Республики Югославия (СРЮ) в автономный край Косово в 1999 г.

Партийные разногласия по общим принципам и стратегическим целям внешней политики формируются на основе отношения партий к новым процессам на мировой арене.

В Сербии межпартийные конфликты в сфере внешней политики устанавливали дилемму: можно ли действовать в соответствии с существующими политическими принципами и опираться на действующие нормы международного права или необходимо принять новые альтернативные правила, что является условием интеграции в современный глобальный мир.

На партийной сцене Сербии в рассматриваемый период можно отметить несколько партий, игравших заметную роль.

Российский историк-балканист Гуськова Е.Ю. выделяет следующие партии: Социалистическая Партия Сербии (СПС), Сербская Радикальная Партия (СРП), Сербское Движение Обновления (СДО), Демократическая Партия (ДП), Демократическая Партия Сербии (ДПС)³.

Последние две партии составили костяк коалиции “Демократическая оппозиция Сербии” (ДОС), образованной в 2000 г.

К числу основных партий можно добавить блок “Югославские левые” (ЮЛ), который возглавляла жена президента Югославии С.Милошевича М.Маркович, а также “Гражданский союз Сербии” (ГСС), входивший в коалиции ДОС и “Вместе” и выделявшийся своей антивоенной и антинационалистической позицией в 90-х годах.

На основе анализа деятельности и программных документов вышеназванных партий, а также высказываний партийных функционеров, можно сформировать достаточно четкое представление о внешнеполитических целях и принципах сербских партий.

Правившие в 90-е годы партии (СПС, ЮЛ, СРП) исходили из убеждения, что изменения, произошедшие в мире после 1989 г., ведущие к созданию “нового мирового порядка”, в своей

основе являются отрицательными, неблагоприятными и опасными для малых государств и народов.

Существующие политические принципы и ценности (суверенитет государства, преимущество внутреннего права перед международным, правило невмешательства во внутренние дела других стран и другие) защищают малые государства от потери независимости и не позволяют ставить их в положение подчиняемых в международных структурах. Целое десятилетие вышеназванные партии безуспешно призывали к соблюдению норм международного права и пытались обратить внимание мировой общественности на его нарушения.

Целое десятилетие после падения коммунистического режима сербские власти не могли принять тот факт, что Сербия, как и большая часть других малых государств, больше не имеет возможности абсолютно самостоятельно принимать решения, касающиеся собственной политической или экономической систем, и что принципы государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела другого государства уже не имеют былой значимости.

Среди крупных партий такую ориентацию социалистов поддерживала только Сербская радикальная партия Воислава Шешеля, в то время как большинство оппозиционных партий занимали противоположную позицию. Оппозиция настаивала на возвращении в "мировое сообщество" любыми средствами, в том числе предлагая вступить в Европейский союз и НАТО, не считаясь при этом с потерей части своего суверенитета.

Необходимость внешнеполитической открытости и всестороннего сотрудничества для Сербии вытекает из самого факта геополитического положения этой страны, как балканской и

европейской, расположенной в средиземноморском регионе. Никакая односторонность или избирательность не может принести пользу для страны в целом. Большинство сербских партий в своих программах показали осознание этого факта и согласие с ним.

Социалистическая партия Сербии в своих "Основах программы" 1992 г. подчеркивала, что "Югославия остается открытой для развития сотрудничества со всеми странами"⁴, хотя приоритет отдавался бывшим югославским республикам и странам-соседям. Как партия власти, СПС через правительство обеспечивала поддержку дипломатических отношений и сотрудничества с более чем 170 странами, при СПС непрерывно действовало несколько тысяч международных договоров. Эта партия и в настоящее время поддерживает контакты и сотрудничество с большим числом партий и движений за пределами Сербии.

Сербская радикальная партия, по словам ее исполнительного секретаря Драгана Тодоровича всегда придерживается одной линии, начало которой было положено еще в 90-е годы. "Особую часть программы составляет сотрудничество с Россией, Белоруссией, Китаем, арабским миром и всеми дружественными странами, в контактах с которыми мы заинтересованы"⁵.

СДО в своей программе выступало за "обновление традиционных связей дружбы и сотрудничества Сербии с ее бывшими союзниками – Францией, Россией, США, Канадой, Италией, Грецией, Австралией и другими"⁶, а также и за "сотрудничество с соседними государствами, в особенности – о наведении мостов примирения и дружбы с Болгарией"⁶. Первоочередную задачу внешней политики СДО видело в восстановлении в мире прежнего авторитета Сербии и сербского народа.

В своих программных документах все партии коалиции "Демократическая оппозиция Сербии", а также сама ДОС как отдельная организация декларировали равномерное распределение усилий по развитию отношений с сосе-

дями, Европейским союзом, развитыми странами и странами "третьего" мира.

Ниже приводятся цитаты из программных документов наиболее влиятельных партий ДОС.

"Демократическая партия выступает за хорошие отношения со всеми демократическими государствами. Несомненно, главное внимание необходимо уделить нашему ближайшему окружению – балканским государствам, окружающим Союзную Республику Югославию"⁷. "Мы хотим, чтобы европейские структуры и стандарты стали частью нашего общества, а наше государство стало равноправным членом европейского сообщества государств"⁸.

"Тот факт, что Югославия является европейским государством, направляет наше государство на как можно более тесное сотрудничество с европейскими государствами, на участие в работе европейских организаций и на включение в европейские интеграционные процессы"⁹.

Все эти высказывания были не более чем, красивыми словами, не несшими в себе ничего нового, так как по своему содержанию они являлись описанием политики СПС.

Европейская ориентация представляла приоритет внешней политики Югославии и во время правления социалистов.

Свидетельствуют о том слова премьер-министра Югославии Радое Контича, произнесенные им на выступлении в Союзной Скупшине 20 марта 1997 г.: "Целью внешней политики правительства будет полная реинтеграция Югославии в мировое сообщество, прежде всего в европейские организации"¹⁰.

Политическими партиями Сербии, никогда не выступавшими за уравновешенную внешнюю политику, были СРП и ГСС, обладавшие полярными позициями по вопросу об отношениях с зарубежными странами.

В отличие от радикалов, ГСС отстаивал позицию о том, что Сербия сама является

ответственной в наложении на нее санкций. ГСС выступала за "отказ от прежней практики конфронтации и обвинения мирового сообщества в ущербе, нанесенном изоляцией, так как ее корни в собственном выборе военного пути решения проблем".

Президент Югославии Слободан Милошевич при обострении отношений между СРЮ и международным сообществом занял твердую позицию и своим отказом подписывать на переговорах в Рамбуйе пакет документов, предусматривавший, помимо прочего, ввод в Косово войск НАТО, дал повод для вооруженной агрессии против Югославии. После трехмесячных бомбардировок в 1999 г. СПС постепенно все меньше и меньше стремилась к какому-либо сотрудничеству со странами Запада.

СПС сотрудничала с целым спектром левых партий по всему миру. С балканскими социалистами было установлено особенно интенсивное и конструктивное сотрудничество по "выстраиванию общего видения новых Балкан, освобожденных от деструктивного иностранного влияния..."¹¹, – говорилось в "Отчете о работе Социалистической партии Сербии", опубликованном к третьему съезду СПС в 1996 г.

В документе, принятом на четвертом съезде СПС (февраль 2000 г.) одной из целей определено "укрепление отношений и сотрудничества с дружественными странами, в частности теми, которые оказывали поддержку нашей стране в защите легитимных интересов на международной арене, такими как Россия, Китай и другие"¹². СПС поддерживает "развитие многостороннего сотрудничества на Юго-востоке Европы, как части европейских интеграционных процессов"¹².

Отношение курса внешней политики Милошевича к мировому сообществу и особенно Соединенным Штатам Америки характеризовалось в течении всех 10 лет интересной амбивалентностью. С одной стороны, в официальной

пропаганде, вместе с разжиганием антиамериканских настроений среди народа США назывались главным виновником изоляции СРЮ. Причинами для этого стали критическое отношение США к внешней политике СРЮ и позднее – ведущая роль США в интервенции НАТО, а с другой – в конкретных дипломатических действиях в ключевые моменты, такие как окончание войны в Боснии и решение косовской проблемы, СРЮ под давлением соглашалась на роль США как ключевого партнера.

Под патронатом США отдельные фазы боснийского и косовского кризисов были доведены до конца заключением соответствующих соглашений: (Дейтонские соглашения (1995 г.) и соглашение о Косово (октябрь 1998 г.).

Такая внешняя политика была воспринята как нерешительность сербских властей, которой воспользовались другие страны для реализации своих интересов на территории бывшей СФРЮ (требования упомянутых соглашений состояли в основном в том, чтобы Сербия отказалась от претензий на территории или от самих территорий, на которых проживало сербское население).

Оппозиционные партии, в частности СДО, ДП и ГСС, в течение длительного периода объединенные в коалицию “Вместе”, серьезно способствовали углублению балканского кризиса и созданию негативного имиджа Сербии в мире.

Эти партии неоднократно публично обращались и контактировали с определенными политическими и финансовыми кругами США, Германии, Великобритании, Франции, выпрашивая у них финансовую помощь, политическое вмешательство и давление для устранения “коммунистической власти”. При этом они, чтобы выхлопотать хотя бы какое-нибудь содействие, то есть иностранную помощь в завое-

вании власти, приводили данные о катастрофической ситуации в области защиты прав человека, особо делая акцент на тяжелом положении национальных меньшинств и отсутствии свободы слова.

Хотя оппозиционному блоку в Сербии удалось навязать общественности образ социалистов и радикалов, как жестких, неумных и не идущих ни на какие уступки партнерам, нельзя забывать и о том, что непосредственно перед подписанием каждого из мирных договоров С.Милошевич становился гарантом мира на Балканах, нельзя также забывать и о том, что представители международного сообщества всегда вели переговоры только с Милошевичем, никогда не настаивая ни на его согласии с оппозицией, ни на выполнении каких-либо оппозиционных требований.

Партии, составлявшие в рассматриваемый период оппозицию и программно выступавшие за сбалансированное международное сотрудничество, после прихода к власти коалиции ДОС, быстро осуществили глобальное перераспределение внешнеполитических интересов страны в пользу Запада и стран НАТО.

С остальными странами, включая Россию, Китай, развивающиеся страны, стали поддерживаться более или менее формальные отношения. При этом договора по приватизации сербских предприятий заключались только с западными партнерами.

Кроме того, Демократическая оппозиция Сербии одним росчерком пера прекратило работу 13 посольств в странах Африки, Азии и Латинской Америки под предлогом того, что этим удастся сэкономить 1,5 млн. долл. США в год. Речь идет о таких странах, как Гвинея, Танзания, Бирма и других, в которых сербские компании осуществляли свои крупнейшие проекты.

В Гвинее сербский холдинг “Энергопроект” построил четыре и начал строительство пятой гидроэлектростанции.

В Танзании фирма “Партизански пут” построила более тысячи километров дорог.

Правительство Бирмы заключило договоры с сербскими компаниями на закупку железнодорожных вагонов и оборудования для энергетических отраслей стоимостью более 120 млн. долл. и т.п.

Таким образом, персонал тех компаний остался без сербской политической и дипломатической поддержки.

Председатель ГСС Горан Свиланович в 2001 г. был назначен министром иностранных дел республики Сербия.

В выступлении по поводу своего назначения он назвал в качестве одного из приоритетных направлений внешней политики Сербии “сбалансированные отношения со сверхдержавами, исходя из национальных интересов Сербии”. Слова “исходя из национальных интересов Сербии” ясно характеризуют политику ДОС как компромиссную, согласованную с текущим распределением сил на международной арене.

Односторонность в политике демократических реформаторских течений, проявлявшаяся сразу после свержения Милошевича, представляла глобальное перераспределение внешнеполитических интересов Сербии. Из одной ситуации внешнеполитического перевеса в пользу стран Востока, России, Китая, Белоруссии, но не во вред себе, новая сербская власть переориентировалась к подчинению своих интересов интересам новых “союзников”.

Одной из причин обострения отношений Сербии с международным сообществом были притязания Социалистической партии Сербии и Сербской радикальной партии на международно-правовую преемственность Союзной Республики Югославия и пре-

дыдущей Социалистической Федеративной Республики Югославия.

Сохранение преемственности Югославии не было простой идеологической или ностальгической прихотью социалистов и еще меньше радикалов, это было просто единственной возможностью вернуть все то, что было вложено в первую Югославию, созданную в 1918 г. Это было связано с многочисленными проблемами наследования собственности, которые возникли при провозглашении Союзной Республики Югославии как нового государства в 1992 г.

После своего прихода к власти Демократическая оппозиция Сербии отказалась от претензий на преемственность предыдущей Югославии. Было подано прошение о приеме в ООН, ОБСЕ и другие международные организации, хотя Югославия являлась одной из стран-основательниц многих из этих организаций. Это было сделано без постановления скупщины, и тем самым была нарушена конституция СРЮ и проигнорирована роль парламента. Вскоре последовало подписание соглашения по вопросам наследования собственности (29-го июня в Вене).

От Югославии свою подпись поставил министр иностранных дел Горан Свиланович.

По этому соглашению не учитывалось имущество, вложенное Королевством Сербия в общее государство с 1918 г. Союзной республике Югославии переходило 38% золотовалютных средств СФРЮ и 39,5% дипломатического и консульского имущества (хотя до объединения в 1918 г.¹³ почти все посольства принадлежали Сербии или Черногории, а остальные республики не имели даже своих государств, не говоря уже о посольствах).

Это соглашение было ратифицировано Союзной скупщиной 1 июля 2002 г. и вступило в действие 2 июня 2004 г., после того как было ратифицировано Хорватией.

Еще одним из значительных последствий отказа от преемственности

СФРЮ стало то, что все обвинения, поданные Сербией против НАТО или каких-либо республик бывшей Югославии в Международный суд ООН, более не действительны, так как государство, подававшее эти обвинения, больше не существует.

Были прекращены процессы против стран-членов НАТО по обвинению их в преступлениях против мира и человечности, использовании запрещенного вооружения (обедненного урана), а это означает, что Югославия отказалась от требований о возмещении ущерба, нанесенного военными действиями НАТО.

Несмотря на вышесказанное, можно отметить, что на внешнеполитической сцене был достигнут и некоторый прогресс.

В первый же год после смены власти Сербия вернулась в мир, то есть была принята в большинство международных политических и экономических организаций, из которых она была исключена при правлении Милошевича. Это, несомненно, является серьезным результатом, но для понимания его действительного значения, необходимо осознавать, что по степени интеграции в различные международные организа-

ции Сербия еще сильно отстает от многих стран из своего непосредственного окружения (Румыния, Болгария, Хорватия и другие).

Таким образом, тот стремительный подъем, который испытала Сербия сразу после 2000 г., скорее дает понимание степени прежней изоляции страны, чем повод для радости сербских граждан.

Необходимо также сказать, что цена, которую Сербия заплатила за такое ограниченное сотрудничество, очень высока. Ни один внешнеполитический “успех” при партийном плюрализме в Сербии не был осуществлен без унижительных уступок. Сербии и сербскому народу еще предстоит долгое время бороться с многочисленными тяжелыми последствиями этих уступок.

Политика уступок в пользу других стран проводилась не только партиями Демократической оппозиции Сербии, но и правившими до них социалистами и радикалами, балансировавшими между сербскими национальными интересами и постоянно увеличивавшимися иностранными требованиями. Новая демократическая власть продолжила делать уступки, сотрудничая с Гаагским трибуналом и выполняя требования своих западных “союзников”.

Весь процесс трансформации коммунистических систем в Европе проходил, в основном, по сценарию наиболее влиятельных стран Запада.

Со стороны Запада в отношении Сербии был выдвинут целый ряд требований, которые, по сути, противоречили сербским национальным интересам. В своих определениях по вопросам национальной и внешней политики правящие и оппозиционные партии занимали различные, зачастую прямо противоположные позиции, но эффект их политики был одинаково негативный.

Правящим партиям не удалось смягчить конфликт между национальными интересами и благоприятным положением Сербии на международной арене, из-за чего Сербия была изолирована от остального мира.

Ни одна из основных политических партий в Сербии на словах не выступала в 90 годы за политику изоляционизма, все желали сотрудничества с остальным миром.

Разница проявлялась лишь в том, что оппозиционные прозападные партии стремились к власти, используя невыполнимые популистские лозунги, а на деле хотели, чтобы Сербия стала частью Запада любой ценой, выполняя, в первую оче-

редь, обещания данные своим западным партнерам, а не собственным избирателям.

В таких условиях словосочетание “сотрудничество с международным сообществом” превратилось в волшебную формулировку с изменяемым содержанием.

Сербия, вскоре после прихода к власти оппозиции в 2000 г., стала де-факто полуколонией Запада, из-за чего задача реализации государственных интересов перестала быть для правящих партий приоритетной.

Примечания

¹ *Agh A.* The Politics of Central Europe. SAGE Publications, 1998. P. 35.

² *Sekelj L.* Prinudna demokratizacija kriminalizovane drzave // Revolucija i poredak. Beograd, 2001. S. 94, 95.

³ <http://guskova.ru/w/present/2003-may>

⁴ http://www.sps-novisad.org/program.php?id_teksta=116

⁵ <http://www.utro.ru/articles/2006/09/29/587959.shtml>

⁶ Цит. по: *Романенко С.А.* Югославия, Россия и “славянская идея”. М.: Институт права и публичной политики, 2002. С. 437

⁷ http://web.archive.org/web/20000823221605/www.ds.org.yu/program/02_politicki_program.html

⁸ <http://www.ds.org.yu/sr/dokumenti/ds-program.pdf>

⁹ http://www.dss.org.yu/zasto_postojimo/program.php?id=65

¹⁰ Цит. по <http://www.hri.org/news/balkans/yds/1997/97-03-21.yds.html>

¹¹ <http://www.sps.org.yu/uploads/3konizv.pdf>

¹² <http://www.sps.org.yu/uploads/4.obnrazref.pdf>

¹³ http://www.mfa.gov.yu/Srpski/Bilteni/Srpski/b060302_s.html

Китайский автопром: вчера, сегодня, ... послезавтра

Наталья Нырова,
кандидат юридических наук (Хабаровск)

В автомобилестроительной промышленности и на автомобильном рынке России схлестнулись интересы западных автокорпораций, являющихся технологическими лидерами в данной отрасли, и компаний из Китая, поставившего цель стать ведущим мировым производителем и экспортером автомобилей.

Следует признать, что мы вступили на путь, который некоторые развивающиеся страны (в частности, Китай), отстающие в технологическом развитии своего автопрома, уже прошли. Имеет смысл знать их мнение и поучиться на чужом опыте.

В России уже озвучена *стратегия “рынок в обмен на технологии”*. Несомненно, приход лидеров западного автомобилестроения в Россию является положительным фактором, так как позволяет надеяться на ускорение технологического развития нашей автомобильной промышленности. Влияние китайского фактора также будет только усиливаться.

Логичный отказ от промышленной сборки китайских автомобилей под “школярским” предлогом, что режим промсборки, позволяющий беспощинно импортировать автокомпоненты, противоречит нормам ВТО¹, дал возможность некоторым экспертам высказать мнение, что “Минэкономразвития и Минпромэнерго РФ защищают российский автопром от некрупных, но конкурентоспособных китайских конкурентов”¹.

Действительно ли это “козни” или только мнение сторонников китайского автопрома, имеющих свой экономический интерес от продвижения китайской продукции на наш рынок, наподобие “Клуба любителей китайских автомобилей” (хотя правильнее было бы назвать “автомобилей китайской сборки”)?

Ведь известно, что те же самые западные автоконцерны создают в Китае совместные предприятия по производству экспортных автомобилей для поставки на рынки Латинской Америки и Восточной Европы.

Однако более сильными аргументами по сдерживанию “китайской автомобильной экспансии” нам представляются удручающие результаты краш-тестов китайских автомобилей; проблема недостаточного качества, которое приносится в жертву цене; проблема “сходства” китайских автомоделей с западными, японскими и корейскими моделями; а также необходимость сохранения и развития отечественного автопрома.

Китай уже корректирует свою стратегию “рынка в обмен на технологии”. Поэтому нелишним будет знать, каковы полученные Китаем результаты, что позволило китайскому автопрому так быстро развиваться, что мешает ему развиваться в настоящее время, как прагматично и четко он формулирует свои интересы и цели, за счет каких резервов Китай планирует их достигать.

Первые китайско-иностранные автомобилестроительные совместные предприятия (СП) начали создаваться в Китае в 80-х годы XX в.

В 1984 г. компания “Пекинский джип” создала СП с компанией “Крайслер”, а в 1985 г. Шанхайская автомобилестроительная компания создала СП с компанией “Фольксваген”.

С этих двух СП начался масштабный приток иностранных капиталов в китайский автопром.

В 1997 г. китайское правительство, провозгласившее стратегию *“рынок в обмен на технологии”*, фактически “открыло двери” в Китай ведущим автомобилестроительным компаниям мира.

Появились совместные предприятия с компаниями “Дженерал Моторс”, “Форд”, “Даймлер-Крайслер”, “Тойота”, “Хонда” и многими другими.

В результате деятельности автомобилестроительных СП в Китае появилось большое количество современных автомобилей самых различных моделей, которые, как правило, только собирались в Китае из деталей и агрегатов, ввозимых из-за границы. Надежды китайцев на приобретение ключевых технологий не оправдались. Китайцы объясняют это недостаточно твердой государственной политикой по “отечественизации” деятельности китайско-иностранных СП с самого первого этапа, когда вклад китайцев заключался в предоставлении дешевой рабочей силы и каналов продаж. И хотя китайцы с самого начала имели законную 50% долю в СП, их фактическое влияние на хозяйственную деятельность и управление СП было почти нулевым.

20-летнюю историю совместных предприятий китайцы считают “периодом грез”, в результате которой в Китае по-прежнему нет современных технологий автомобилестроения, нет известных национальных автомобильных брендов, а также ... нет права голоса в автомобилестроительных СП.

Три года назад с выступления профессора Пекинского университета Лу Фэна в Китае стало формироваться убеждение о провале стратегии *“рынок в обмен на технологии”*, в результате которой “...и рынок потеряли, и новых технологий не получили”². Многие специалисты пришли к выводу, что в действительности получился не “рынок в обмен на технологии”, а *“рынок в обмен на продукцию”*.

“А предприятия, у которых нет технологий, а есть только продукция, разве они могут обладать мировой конкурентоспособностью?” – стали задавать вопрос китайские эксперты.

“Шэньчжэньская торговая газета” опубликовала сатирическую статью, сравнив создание автомобилестроительного СП по методу “рынок в обмен на технологии” с открытием совместного ресторана курицей и свиньей.

Курица (иностраннй участник) в качестве своего вклада отдает яйца, а свинья (китайский участник) – свое мясо.

Таким образом, иностраннй участник может без конца передавать китайскому партнеру новые модели автомобилей, а у китайского участника есть только рынок, который в один прекрасный день может иссякнуть (как мясо у свиньи), и потребность иностранца в китайском партнере для выхода на рынок Китая сойдет на нет.

Китайцы признают, что 20 лет назад СП являлись для иностранцев “входом в Китай, где все было окружено заграждениями и препятствиями”. Они также признают, что если бы не СП, то китайский автопром, находившийся в зародышевом состоянии, не смог бы так быстро овладеть имеющимися в мире технологиями по строительству автомобилей.

“Конечно, при создании СП иностранные участники давали много разных обещаний, которые так и не были выполнены, но и сами китайские участники СП”, – иронично замечает китайская газета, – “в настоящее время не могут сказать были ли эти обещания оформлены или нет. В числе этих обещаний были: передача технологий, создание исследовательских центров, создание новых двигателей и прочее”³.

В конце 2006 г. Государственная комиссия КНР по реформам и развитию издала “Мнение об упорядочении структуры автомобильной промышленности”, которое потребовало, чтобы “...китайско-иностранное СП как можно скорее претворяли в жизнь свои обещания, заявленные при создании СП”. “В противном случае, будет временно приостановлено создание новых заводов и рассмотрение заявок на выпуск новой продукции”.

“Почему для решения вопроса неисполнения иностранцами условий контрактов понадобилось вмешательство Госкомиссии КНР? Почему стороны СП не стали решать вопрос судебными средствами?” – задает вопрос пресса.

И сама отвечает: “В силу ограничений, накладываемых государственной политикой, китайская и иностранная стороны не могут расторгнуть “брачный контракт” и вынуждены продолжить “совместную жизнь”, в течение которой Китай по-прежнему будет предоставлять свой огромный потребительский автомобильный рынок, а иностранная сторона будет вынуждена во-

лей-неволей постепенно удовлетворять жажду китайской стороны в технологиях”³.

Одновременно китайское правительство потребовало от отечественного автопрома создания собственных марок автомобилей (автомобильных брендов), что, по мнению китайцев, свидетельствует о том, что китайский автопром в лице автомобильных СП вступает в новую, очень деликатную “постСП-шную эпоху”, в которой объектом борьбы китайской и иностранной сторон становятся ключевые технологии.

В настоящее время чуть ли не каждый китайский автомобилестроительный завод торжественно клянется, что будет создавать автомобиль собственной разработки и под собственной национальной маркой.

Иностранцы вынуждены реагировать на заявления и политику китайских властей.

Так, в этом году японская компания “Хонда” на базе СП с китайской компанией создает в г. Гуанчжоу новый исследовательский институт компании “Хонда”, который уже на территории Китая будет разрабатывать новую модель автомобиля для китайского рынка, а возможно, и для экспорта.

Большое количество оборудования для этого проекта необходимо будет завезти из-за рубежа.

Китайская сторона уже требует, чтобы даже установка и наладка оборудования осуществлялась силами китайских работников, а не так как раньше – когда все делалось руками иностранных специалистов.

Китайцы заявляют, что в “постСП-шное время” китайская сторона намерена не только быть номинальным “хозяином лавки”, но и добиваться доступа к ключевым технологиям за счет активного участия в их разработке.

Свое положение китайцы называют “зависимостью от иностранцев”, поэтому “движение за независимость” становится политическим курсом. Под “осво-

бодительными действиями” понимаются налаживание собственного производства в других странах и сбор ресурсов по всему миру, отечественные инновации для получения ключевых технологий, укрепление мировой конкурентоспособности китайских предприятий.

“Брать займы яйца, чтобы разводить курицу” – становится лозунгом государственных автомобилестроительных гигантов и частных народных предприятий.

Таким образом, в настоящее время Китай считает необходимым одновременно воплощать в жизнь две стратегии:

- стратегию развития китайской (отечественной) автомобильной промышленности, создания национальных китайских брендов и собственных работок;

- стратегию интернационализации, под которой подразумевается продолжение создания китайско-иностранного СП (но уже на чужой территории) и покупка иностранных компаний (когда китайский капитал приобретает и управляет международным автомобильным брендом и ключевыми технологиями).

Своими плюсами Китай считает то, что, начиная с 2001 г., китайский автомобильный рынок стал вторым по величине рынком в мире (после США).

От рынка автомобилей общественного пользования Китай стал разворачиваться к рынку автомобилей частного пользования, к чему иностранцы оказались не готовы. Пришло время новых энергоресурсов и экологических видов топлива, в изучении которых Китай находится “на острие”.

Все это, по мнению китайцев, поможет Китаю переписать правила игры и изменить конкуренцию на мировом автомобильном рынке. Поэтому китайцы

выдвинули новую стратегию: “рынок в обмен на накопление”. Под накоплением они понимают постепенное и незаметное для сторонних глаз (чтобы не вызывать противодействия) накопление технологических преимуществ для качественного скачка не только автомобильной отрасли, но и всей китайской промышленности.

Важным инструментом “накопления” в “постСП-шную эпоху” китайцы считают создание отечественного производства комплектующих как для отечественных автомобилей, так и для иностранных марок.

В настоящее время в Китае примерно 20–30 тыс. предприятий, производящих автокомплектующие, но предприятий с иностранным капиталом – всего 1200.

Производство комплектующих китайцы считают “прорывом или встраиванием” в технологические кластеры западного автомобилестроения, где они смогут “по зернышку” собирать пусть небольшие, но ключевые по характеру технологии. Поэтому всеми силами китайцы пытаются заинтересовать иностранцев в создании СП по производству комплектующих. Китайцы считают, что создание СП позволит им при первой возможности выкупить контрольный пакет или купить полностью компанию иностранного партнера.

Однако иностранцы в сфере производства автокомплектующих неохотно идут на создание СП. Они более склонны к созданию на территории КНР предприятий со 100% иностранными инвестициями (100% ПИИ*). Они считают, что раз рынок Китая либерализуется и для создания 100% ПИИ нет особых препятствий, то и зависимость иностранных компаний от китайских партнеров следует уменьшать.

* ПИИ – прямые иностранные инвестиции.

Китайцев, по-прежнему, сильно заботит, чтобы увеличение собственных затрат на разработки не вызвало увеличения цен на продукцию. Такое стремление к “малозатратности” оправдывает в их глазах добывание технологий, не особо заботясь о чистоте интеллектуальной собственности и жертвование качеством продукции.

Также своими положительными конкурентными чертами китайцы считают:

- скорость реагирования (уже не “большая рыба ест маленькую рыбу, а быстрая рыба ест медлительную”);

- хорошо организованная и скоординированная работа заводов, вовлеченных в кооперацию по производству продукции. Китайская специфика разделения труда – это достаточно дробное его разделение и сочетаемость продукции кооперирующих заводов;

- развитие так называемых “условных предприятий” (работающих по способу ОБМ – *Original Brand Manufacturer*), когда головному предприятию достаточно обладать брэндом и возможностями заниматься разработками и исследованиями, а все производство отдается подрядчикам.

Однако китайцы критичны и к своим недостаткам.

1. От больших многолетних инвестиций у многих китайских автомобилестроительных компаний появился “великий гонор” (“спесь толстосумов”), который выражается в желании получить скорые и осязаемые результаты. Китайцам известна неповоротливость отечественных государственных автогигантов, которые только “частью в рынке, а остальной частью – в оковах властной бюрократии”. Отсюда многие их действия, поведение и мотивы определяются политикой, а не рынком. Им не хватает амбиций, яростных устремлений, которые вырабатываются только необходимостью выживания.

2. Китайская специфика разделения труда, кроме преимуществ, также обладает и “подводными камнями”: чрезмерное разделение труда удлинит производственную цепочку, ведет к усложнению и удорожанию управления, усиливает проблему контроля качества конечной продукции, требует создания сложной комплексной системы поставок и производства.

3. В настоящее время китайские специалисты признают свои отечественные технологии автомобилестроения отсталыми. Эта отсталость вызвана дефицитом ключевых технологий в двигателестроении, электронном управлении автомобилем; разработке дизайна, штамповки, сборки и контроля сборки корпусов.

По убеждению китайских специалистов, привлечение зарубежных передовых технологий должно сопровождаться их “перевариванием”, которое должно затем переходить в создание собственных разработок. Они призывают брать пример с Японии и Южной Кореи и больше учиться самим, чтобы повысить качественный уровень собственных технологических способностей и возможностей.

Они самокритично указывают, что в Китае еще преобладает закостенелое мнение, что “раз удалось привлечь технологии, то уже сами стали обладать возможностями”.

Китайцы признали, что после 90-х годов XX в. в Китае сильно возросли объемы привлечения капиталов, но снизилось привлечение технологий по лицензиям. Специалисты призывают больше привлекать лицензий, больше ввозить оборудования, которое может послужить образцом для “обратного инженерного проектирования” (то есть “взломать” и посмотреть, как его сделали разработчики).

“Почему Япония смогла “переварить” привлеченные технологии и создать собственные?” – задают вопрос китайские специалисты.

“Потому, что иностранцы понимали, что их (иностранная) технология рано или поздно будет продана японцам, а те жизнь положат, чтобы научиться. В противном случае, иностранцы даже своих роялти (лицензионных отчислений) заработать не смогут”².

С учетом своих конкурентных преимуществ и недостатков, для реализации этих двух стратегий в 2004 г. была разработана и принята “Государственная программа развития автомобильной промышленности”³ (с планируемым сроком реализации до 2010 г.).

В 2006 г. программа была скорректирована с учетом сложившейся к этому времени реальной ситуации.

В заключение следует отметить, что меры по развитию автопрома Китай принимает не только в сфере производства автомобилей, но и в сфере внутренней и внешней торговли автомобилями*.

Таким образом, китайский автопром, управляемый государством, становится реальной силой, с которой российский автомобильный рынок будет вынужден считаться.

Но чтобы не оказаться в роли “северного простачка”, не быть рынком сбыта или технологическим полигоном для “незрелой” продукции, сырьевой базой и “тоннелем” на рынки “третьих стран”, России надо четко формулировать свои прагматические интересы, заранее просчитывать пользу и вред предложений лоббистов китайских автомобилей.

Такое поведение вызовет больше уважения великого азиатского соседа, который понимает, что такое национальный интерес. К тому же, мы сэкономим 20 лет...

В настоящее время государственная программа КНР по развитию автомобильной промышленности реализуется с учетом “Мнения об упорядочении структуры автомобильной промышленности”.

Это “упорядочение” подразумевает реализацию шести комплексных мер для решения проблем перегрева в развитии автомобилестроительной промышленности, переизбытка производства, для осуществления трансрегиональных слияний предприятий, повышения уровня барьеров доступа иностранцев к рынку, создания национальных автомобильных брендов и отечественных разработок.

Примечания

¹ Беликов Д., Игнатъева Л. Китайские автомобили не доедут до России // Коммерсантъ. 2007. 03 июля. № 114. www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=779539&print=true (06.07.2007).

² Сяо Хуа, Цао Хайдун. Сами не учимся, а хотим технологии получать! Ха! Интервью с профессором института административного управления Пекинского университета Лу Фэном // Наньфан Чжоумо. 2007. 19 апреля. С. 18. (на кит. яз.).

³ Сюй Чжун. В преддверии постСПШной эпохи // Наньфан Чжоумо. 2007. 19 апреля. С. 20. (на кит. яз.).

* В Китае приняты: Программа торговли автомобилями (Приказ № 16 Министерства коммерции КНР от 10.08.2005 г.); Положение “О регулировании продаж автомобилей известных марок (брендов)” (Совместный приказ № 10 Министерства коммерции, Государственного комитета по развитию и реформам, Главного управления по административному регулированию торговли и промышленности КНР); Положение о регулировании импорта автомобильных комплектующих, составляющих характерные признаки целых автомобилей (Совместный приказ № 125 Главного таможенного управления, Государственного комитета по развитию и реформам, Министерства финансов, Министерства коммерции КНР; от 28.02.2005 г., введен в действие с 01.04.2005 г.); (на кит. яз.).

Этнополитические конфликты в Африке

Николай Косухин,
доктор исторических наук

Выделение конфликтов в самостоятельное направление мировой политической науки приходится на середину XX в.¹.

Особое место в конфликтологии занимают этнополитические конфликты.

Этническая ситуация в мире свидетельствует, что современные этносы сильно отличаются по социально-экономическим признакам, религиозно-конфессиональной принадлежности, языковым группам, численности населения, культуре, психологическому складу и многим другим чертам.

Всего 18 наиболее крупных народов составляют более половины человечества, около 4/5 населения Земли составляют народы, численность каждого из которых превышает 10 млн. чел.

Межэтнические конфликты возникают вследствие таких форм неравенства, которые, с точки зрения этнических элит, непосредственно ущемляют права и интересы всего этноса либо его территориальной группы.

Инициатором и зачинщиком конфликта во многих случаях выступает государство. Проводя национальную политику в интересах доминирующего этноса и форсируя процесс национально-государственной интеграции (строительство “нации”, “единого народа”), оно систематически ущемляет те или иные групповые интересы отдельных этносов (политические, территориальные, социокультурные, экономические), навязывает им иной образ жизни, свою систему ценностей, идеологию, политическую культуру. Отличительной особенностью межэтнических конфликтов является широкий спектр участников, представляющих все основные слои и социальные группы этноса².

Существуют различные способы классификации межэтнических конфликтов. В частности, в качестве критерия избирают направленность и стратегическую цель этносоциального движения:

– *автономистские*, ставящие своей целью защиту интересов этнических общностей.

Примером могут служить разнообразные этнонациональные движения в Индии, приведшие к формированию штатов по этноязыковому принципу; движение за независимость Абхазии;

– *сепаратистские*, стремящиеся к отделению от полинационального государства (Бангладеш, этнические албанцы в Косово, тамилы в Шри-Лан-

ке, движение за отделение Юга Судана);

- *сепаратистские* (ирредентизм), выступающие за отделение некоторой территории, населенной частью этноса, для последующего присоединения к соседнему национальному государству (например, движение части греков-киприотов за эносис (воссоединение) с Грецией, части молдаван – за присоединение к Румынии и т.п.);

- *этноэгалитаристские*, выдвигающие требования уравнивания представителей этноса или этносов в правах, занятие руководящих должностей в государственных органах (борьба за равные права берберов в Северной Африке, евреев во многих странах Европы и Америки, афроамериканцев в США);

- *антииммигрантские* во Франции против выходцев из Северной Африки, в Германии против турок и курдов;

- движения, связанные с вопросами языка, религии, культуры³.

Этнополитические конфликты выступают в виде многомерного явления, где переплетаются самые различные по содержанию и характеру социальные связи как материальные, так и духовные: экономические, политические, религиозные, этноязыковые и другие. При этом главным представляется этнический фактор.

Возникшие после колониальной зависимости молодые государства полиэтничны по своему составу.

Африканский континент населяют несколько сот больших и малых этносов. Колониальный режим затормозил социально-экономическое развитие африканских народов. Государственные границы проходят по меридианам и параллелям, 30% – по прямым и дугообразным линиям и только 26% – по естественным географическим рубежам, обычно совпадающим с границами расселения этнических групп.

Родственные народности и племена оказались расчлененными на несколько колоний, в состав которых, в свою очередь, насильственно были включены части других этнических групп.

Так, например, сомалийцы Северо-Восточной Африки, оказались на территории Британского, Итальянского, Французского Сомали, в северо-восточных районах Кении, а часть – в составе Эфиопии.

Таким образом, население большинства африканских государств отличается пестрым этническим составом, что не способствует их внутреннему единству и политической стабильности.

Последствия произвольного раздела африканского континента породили в постколониальный период, с одной стороны, проблему взаимоотношений между различными этническими группами в рамках отдельных государств, а с другой – проблему отношений между бывшими колониями, а ныне независимыми государствами, на территории которых проживают части одних и тех же раздробленных этносов. Попытка установить новые государственные границы в строгом соответствии с этническими рубежами означало бы угрозу самому факту существования многих получивших независимость африканских государств и замену их многочисленными микрогосударственными образованиями, которые базировались бы на чисто этнической основе.

Созданная в 1963 г. Организация африканского единства (ОАЕ) во избежание пограничных конфликтов между ее участниками приняла единственное правильное решение: провозгласила принцип территориальной целостности независимых государств.

21 июля 1964 г. на Ассамблее глав государств и правительств – членов ОАЕ в Каире была после длительной дискуссии одобрена резолюция, в которой говорилось, что африканские страны "берут на себя обязательство уважать границы, су-

ществовавшие в момент достижения государственной независимости"⁴.

Такая реалистическая позиция исходила из того, что попытки установления новых государственных границ в строгом соответствии с этническими рубежами неизбежно приведут к возникновению новых очагов острых межгосударственных конфликтов со всеми вытекающими отсюда опасными политическими и военными последствиями.

Африканские лидеры вынуждены были считаться с тем, что западноевропейские державы разделили в XIX в. Африку без всякого учета ее народностей и этнических групп.

Причины, обусловившие признание африканскими государствами принципа территориальной целостности, заключались в следующем:

во-первых, провозглашая независимость, эти государства автоматически наследовали искусственные границы бывших колониальных владений. В то же время африканские лидеры хорошо понимали, что в силу этнической неоднородности независимых государств существует благоприятная почва для возникновения или развития этнического сепаратизма;

во-вторых, санкционирование или стимулирование этнических движений явилось бы сильным фактором неустойчивости и политической нестабильности большинства стран Африки.

Таким образом, провозглашение территориального статус-кво означало попытку предотвратить не только межгосударственные, но также и внутригосударственные конфликты, которые могли бы привести к распаду вновь созданных государств.

получением политической незави-

симости перед правительствами новых государств возникла необходимость решения множества проблем.

Не последнее место среди них занимали вопросы национального строительства. Во многих странах они решались в рамках доктрины государственного национализма, которая среди прочих целей выдвигала задачу создания государства-нации, увязывая ее решение прежде всего с преодолением трибализма*.

Трибализм, который можно считать предтечей африканского этнонационализма, был распространен и в доколониальной Африке, но тогда и определенное время в колониальную эпоху, он носил в основном бытовой характер, не играл сколько-нибудь значительной политической роли.

Межплеменные споры и стычки возникали из-за захвата спорных земельных участков, охотничьих угодий, из-за нарушения брачных контрактов и тому подобного.

Политизироваться трибализм начал с переносом межплеменных противоречий в город.

Здесь колонизаторы, используя племенную верхушку по своему усмотрению, вмешивались в межплеменные отношения. Это вмешательство определялось интересами колониальной администрации, которая на официальном уровне порицала трибализм, а на практике нередко использовала межплеменные трения, проводя политику "разделяй и властвуй".

В постколониальный период проблемы, связанные с трибализмом, не исчезли и стали осложнять внутреннюю и внешнюю политику пришедших к власти руководителей. Его проявления расценивались ими как серьезнейшее препятствие сплочению в нацию

* *Трибализму* даются разные определения, но всегда отмечается, что в основе этой своеобразной племенной идеологии лежит гиперболизация значения своей этнической группы (племени) и стремление добиться для нее исключительного положения в ущерб другим.

этнически пестрого населения⁵.

В месте с тем, африканский континент был и остается наиболее нестабильным регионом мира.

Почти 40% всех мировых конфликтов происходило в Африке, а большинство жертв составляют гражданские лица.

В гражданской войне в Демократической Республике Конго (ДРК) погибло около 7% населения.

В Судане гражданская война между Севером и Югом, продолжавшаяся свыше двух десятилетий, унесла более 2 млн. жизней, а число перемещенных лиц составило 6 млн. чел.

В результате конфликтов первыми среди потерь оказались дети. Из зафиксированных с 1990 г. 3 млн. жертв насильственных конфликтов во всем мире дети составили 2 млн.

Борьба этнополитических элит за власть, территорию и ресурсы сопровождается опасениями этносов за свою безопасность, судьбу, за самоидентификацию.

Этнические и конфессиональные убеждения и стереотипы как новые, так и архаические, социально-этническая или религиозная психология стали основными факторами в развитии конфликтов или в их провоцировании.

Традиционное сознание создает образ врага в достаточно жестких формах, при этом сотрудничество, взаимопонимание и компромиссы становятся необычайно трудными.

Демократические принципы сожительства различных этносов и конфессий закреплены во многих конституциях и законодательных актах, но на деле они игнорируются. Та или иная этническая или религиозная элита утверждает, что имеет особые данные, а также исторические заслуги, чтобы претендовать на высшие должности в государственном аппарате и армии, на большую долю доходов⁶.

умируа подходы отечественных

Сисследователей по проблемам африканских конфликтов можно сделать следующие выводы:

Во-первых, каждый конфликт имеет собственную логику генезиса, поэтому требует конкретного анализа динамики развития, участия противоборствующих сторон, учета всех без исключения факторов внутреннего и внешнего порядка;

Во-вторых, рассмотрение конфликтной ситуации требует исторического взгляда на колониальное прошлое, взаимодействие этносов, их религиозной принадлежности, влияния традиционных отношений и их место во властных структурах, доступа к материальным и природным ресурсам;

В-третьих, выяснение места этносов в государственной иерархии власти, и, прежде всего их элиты, а также характер политического режима (харизматический, авторитарный, демократический);

В-четвертых, анализ этнонациональной политики правящей элиты, в частности соблюдение прав человека, баланса участия этносов в политических и государственных структурах власти;

В-пятых, насколько декларируемые принципы равноправия полов, религии, этнической принадлежности осуществляются на практике.

Следует подчеркнуть, что в основе всех этнополитических конфликтов лежит борьба за власть, за доступ к материальными и финансовыми ресурсам.

Вопреки ожиданиям достижение независимости не привело к решению социально-экономических проблем населения бывших колоний. В результате на первый план выдвинулся вопрос о распределении ресурсов между отдельными этносами и регионами, об изменении сложившейся в колониальный период системы этнического разделения труда и этнической стратифика-

ции, преодоления разрыва между очагами капиталистического развития и обширными отсталыми регионами.

Эти обстоятельства, а также давние этнополитические и этноконфессиональные проблемы приобретают особое звучание в связи с раздвигавшими современную африканскую государственность новыми социальными, экономическими, демографическими кризисами.

Это основные подходы к рассмотрению этнических ситуаций и конфликтов.

Что касается этнополитических конфликтов в Африке, то анализ конкретных ситуаций позволяет выявить следующую типологию.

На первое место следует поставить конфликты, которые связаны с борьбой этнополитических элит за доминирование во власти с тем, чтобы получить доступ к материальным ресурсам в условиях катастрофической бедности и экономической деградации.

Ярким примером являются Руанда и Бурунди. Вооруженные столкновения между тутси и хуту доходят до откровенного геноцида.

Второй тип конфликта в значительной степени связан с религиозным фактором. Как правило, это связано с попыткой доминирующего этноса навязать свою религию всему населению страны. Нередко такие противоречия возникают между арабским и африканским населением. Наиболее характерным в этом отношении является ситуация в Судане.

Суданское центральное правительство стремилось арабизировать и распространить ислам на южные негроидные провинции страны.

Большинство нилотов, даже приняв христианство или ислам, придерживается традиционных верований. "Исламизация" юга страны вызывает противодействие южносу-

данских этносов, что способствует сохранению военного противостояния.

Гражданская война Севера с Югом началась в августе 1955 г. за несколько месяцев до обретения Суданом независимости и продолжалась с десятилетним перерывом (1972–1983 гг.) до января 2005 г.

Как правило, этнополитический конфликт имеет множество измерений и его нельзя сводить только к одному фактору.

В качестве примера можно привести ситуацию в Республике Кот-д'Ивуар.

Эта страна на протяжении 40 лет после провозглашения независимости в 1960 г. имела репутацию политически и экономически стабильного государства в Африке. Уход из жизни бессменного президента Ф.Уфуэ-Буаьи, привел к возникновению военно-политического кризиса, который вылился в военный переворот (декабрь 1999 г.).

В основе длительного военно-политического кризиса, который продолжается и до настоящего времени, лежит совокупность различных факторов этнического, религиозного, регионально-го и социально-экономического характера.

Давняя традиция формирования правящей элиты из этноса бауле, проживающих на юге страны и по преимуществу, являющихся христианами, постепенно вызвала недовольство северян-мусульман.

Долгое время это противостояние не выливалось в открытые формы и проявилось в условиях определенной активизации политической жизни, введением многопартийности, формированием легальной режиму оппозиции.

Этноконфессиональный фактор обострился в связи с проблемой дискриминации по отношению к многочисленным иммигрантам – выходцам из близлежащих стран, исповедующих, главным образом, ислам и составляющих основную массу сельскохозяйственных рабочих.

Кроме того, большую роль в возникновении кризиса сыграло общее ухудшение экономического положения страны, падение жизненного уровня основной массы населения.

Нормализация обстановки в Кот-д'Ивуаре – сложный процесс: краткие периоды перемирия сменяются новыми вооруженными столкновениями правительственных войск с военными формированиями повстанцев, называющими себя “новыми силами”. В урегулировании кризиса принимает активное участие Франция, ЭКОВАС, Африканский Союз, ООН.

Третий тип конфликта непосредственно связан с распадом центральных государственных структур, в результате которых начинается вооруженная борьба между этническими кланами. Это наблюдается в Сомали, Сьерра-Леоне, Либерии, ДРК.

Сомали стала зоной военных действий в 1991 г., когда в результате военного переворота был свергнут президент Мохаммед Сиад Барре, находившийся у власти более двух десятилетий.

Борьба за власть многочисленных сомалийских кланов ввергла страну в состояние многолетней гражданской войны, что привело к полному разрушению общенациональных государственных структур и фактически к распаду государства.

Подключение африканских стран к глобализирующему миру привело к кризису всей системы государственных структур, а суверенитет стал чисто формальным.

Кризис государственности особенно проявился в период перехода от авторитаризма к политическому плюрализму, что выразилось также в подрыве концепции “государства-нации”, инструментом создания которого выступало сильное, однопартийное государство с президентской формой правления. Концепция “государства-нации”

была воспринята большинством африканских лидеров как метод национальной консолидации всех этносов и интеграции их в единую нацию: гвинейскую, нигерийскую, камерунскую, сенегальскую и тому подобные.

Последующие годы независимого развития отмечены поисками новых подходов к решению этнонационального развития Африки, хотя теория “нации-государства” продолжает оставаться господствующей моделью национально-государственного развития. Вместе с тем, в реальной политической практике вместо тенденции к национально-этнической консолидации развивалась тенденция этнического обособления. Больше того, к 90-м годам прошлого века усилились процессы дестатизации, рост этнополитических конфликтов и даже распад государств в Западной Африке, в районах Африканского Рога и Великих озер.

Надо признать, что африканская политическая и интеллектуальная элита не смогла выработать и реализовать эффективную стратегию этнонационального развития, которая обеспечила бы равновесие между государственным и национальным строительством для подлинного равноправия и участия всех этносов. Хотя попытки в этом направлении делаются в отдельных странах, но не всегда успешно.

Острота этнических проблем требует принятия таких решений, которые учитывали бы интересы всех заинтересованных сторон. При этом следует проявлять большую осторожность, осмотрительность и взвешенность.

В качестве примера урегулирования сепаратистских устремлений кочевников-туарегов в Мали можно привести закон об изменении территориальной структуры и децентрализации власти, принятый в 1993 г.

Этому закону предшествовало мирное соглашение 1992 г. (“Национальный пакет”

с туарегскими организациями: Народным движением Азавада, Народным фронтом за освобождение Азавада и Исламским арабским фронтом Азавада).

Согласно закону 1993 г., водится понятие территориальные объединения, к которым относятся все области (8), районы (46) и городские и сельские коммуны (701), а также дистрикт Бамако.

Территориальные объединения имеют статус юридического лица, финансовую автономию и управляются выборными органами.

Особый режим управления вводится в северных пустынных районах с кочевым населением (в основном туареги). Здесь насчитывается 15 кочевых племен, которые со-

стоят из мелких кочевых групп во главе с значимыми старейшинами. Вожди племен имеют статус государственных служащих, будучи советниками по делам своих племен.

Одновременно малийское руководство пошло на набор туарегов в национальную армию. Территориальные объединения всех уровней находятся под опекой Министерства территориальных объединений⁸.

Надо признать, что в условиях этнического плюрализма, сохраняющейся атмосферы трибалистской подозрительности политика жесткой централизации приводит к межэтнической напряженности и конфликтам.

Примечания

¹ Тернер Дж. Структура социологической теории. М., 1985.

² Межэтнические конфликты в странах зарубежного Востока. М., 1991. С. 71–72.

³ Этнология. М., 1994. С. 372–373.

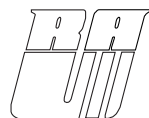
⁴ Организация Африканского Единства (История создания и деятельности). Сборник документов. М., 1970. С. 36.

⁵ Африка: власть и политика. М., 2004. С. 174–175.

⁶ Васильев А.М. Большая Африканская война. Африка – падчерица глобализации. М., 2003. С. 93–94.

⁷ Серегичев С. Судан после Дж. Гаранга: перспективы мирного процесса // Азия и Африка сегодня. 2006. № 1.

⁸ Витухина Т.О., Онучко И. Г. Республика Мали. Справочник. М. 2005.

ОБЗРЕВАТЕЛЬ
OBSERVER

<http://www.rau.su>

E-mail: observer@nasled.ru

Органы безопасности в Сталинградской битве

Анатолий Цветков,

доктор военных наук, профессор,
участник Сталинградской битвы

Исполняется 65 лет Сталинградской битвы – одного из наиболее ожесточенных сражений Великой Отечественной войны. Более 5 месяцев не утихая гремели орудия, рвались бомбы, строчили пулеметы на подступах к городу и на его улицах.

Эту битву правомерно называют “сражением века”.

Сталинград навечно вошел в летопись истории как символ непобедимости нашего Отечества.

Защитники волжской твердыни не ведали страха, не знали усталости в борьбе с фашистами.

Враг не прошел.

330-тысячная группировка немецко-фашистских войск под Сталинградом была окружена и разгромлена.

Это была великая победа советского народа, военного искусства наших полководцев, боевого духа наших воинов. Она вошла в историю как битва, обозначившая коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны.

Свой вклад в разгром фашистских войск под Сталинградом внесли и отечественные органы безопасности.

Фашистские спецслужбы вновь рвутся на Восток

К лету 1942 г. фашистские спецслужбы, оправившись от нанесенных по ним ударов нашей контрразведки в ходе контрнаступления советских войск зимой 1941–1942 гг., вновь устремились на Восток, прежде всего на Сталинградском и Северо-Кавказском направлениях.

К этому времени они провели частичную реорганизацию, пополнились опытными сотрудниками, подготовили сотни новых шпионов и диверсантов для заброски на нашу территорию.

Спецслужбы фашистской Германии пополнили свой арсенал новыми руководящими документами.

Были подготовлены: “Инструкция по зафронтальной разведке”, “Пособие по контрразведке в действующей германской армии”, “Руководство по борьбе со шпионами, саботажем и политической преступностью в армии”, “Инструкция по борьбе с партизанами”.

В конце апреля – начале мая 1942 г. было проведено несколько совещаний абвера и РСХА по вопросам активизации

ции разведки и контрразведки фашистских спецслужб на советско-германском фронте. На этих совещаниях было обращено внимание на усиление летом 1942 г. разведывательной и диверсионной деятельности немецких спецслужб и более значительную глубину (400–600 км от линии фронта).

По-прежнему основной костяк фашистских спецслужб на советско-германском фронте составлял абвер (военная разведка и контрразведка, руководитель В. Канарис), в частности отдел абвер – “заграница”, а также Главное управление имперской безопасности (РСХА, руководитель Э. Кальтенбрунер) в лице его 6-го управления (внешняя разведка и контрразведка).

Непосредственно на Сталинградском направлении фашистские спецслужбы вернули разведывательную абверкоманду 101 “А” (6 абвергрупп), 204 диверсионную абверкоманду (4 абвергруппы), подчиненные штабу “Валли”, два отделения (507 и 508) тайной полевой полиции (ГФП), отделение “Русланд-Зюнд” вновь созданного под руководством РСХА отдела “Цепелин” (разложение глубокого тыла и подпольщиков), два армейских, 12 корпусных и более 40 дивизионных разведотделов “1-Ц”.

На фашистские спецслужбы на Сталинградском направлении работали две разведшколы – в Варшаве и Полтаве.

Конкретные задачи немецко-фашистских спецслужб на Сталинградском направлении сводились к следующему:

- ведение агентурной и войсковой разведки переправ на рр. Дон и Волга;
- уточнение характера оборонительных рубежей на подступах к городу и перебросок советских войск в район Сталинграда;
- организация диверсий на важнейших промышленных и транспортных объектах в Сталинградской, Астраханской, Тамбовской и Саратовской областях;

– выявление морально-психологического состояния советских войск и местного населения на подступах к городу;

– совершение террористических актов против видных советских военачальников и др.

Таким образом, усилия фашистских спецслужб в летней кампании 1942 г. были направлены на ведение активной подрывной деятельности против советской стороны на глубину 500–600 км от линии фронта, а также на проведение карательных мероприятий против партизан и подпольщиков на оккупированной территории.

Достаточно сказать, что только за июль-сентябрь 1942 г. в тыл Сталинградского (Донского) и Юго-Восточного (Сталинградского) фронтов фашистскими спецслужбами было заброшено более 350 агентов и диверсантов.

В своем тылу на подступах к Сталинграду немецкие спецслужбы за этот период провели около 120 карательных операций против местного населения, партизан и подпольщиков, в результате которых было задержано более десяти тысяч советских граждан, а часть из них расстреляна.

Появление фашистских агентов было зафиксировано в районах Тамбова, Саратова, Камышина, Астрахани, Бугуруслана, Уральска.

Воздействию гитлеровских диверсантов подверглись участки железных дорог Ртищиво-Поворино, Саратов-Иловля, Красный Кут-Астрахань, Верх. Баскунчак-Ленинск.

Не оставляли они без внимания шоссейные и грузовые дороги, особенно Саратов-Борисоглебск, Поворино-Сталинград, Камышин-Сталинград, Астрахань-Сталинград.

Определенные усилия предприняла гитлеровская агентура в области информационно-психологического воздействия на военнослужащих Сталинградского (Донского) и Юго-Восточно-

го (Сталинградского) фронтов, а также местное население Сталинградской, Тамбовской, Саратовской и Астраханской областей.

Она распространяла панические слухи, дезинформацию, призывала советских воинов прекратить сопротивление, а население – оказывать всемерную помощь оккупантам.

В целом фашистские спецслужбы на Сталинградском направлении летом 1942 г. активизировали свои действия и стали делать основную ставку на массовую агентуру, хотя впоследствии че-

кистами было отмечено, особенно в боях за город, значительное количество поспешных вербовок с ограниченными целями.

Такие агенты к сентябрю 1942 г. составляли до 30% от общего количества разоблаченных чекистами фашистских при- служников.

Вместе с тем к концу Сталинградской битвы значительно возросло (на 40% по сравнению с июнем 1942 г.) количество фашистской агентуры из числа советских граждан, явившихся в органы безопасности с повинной.

В первом эшелоне – военные контрразведчики

Первый эшелон в борьбе со спецслужбами фашистской Германии в Сталинградской битве составили военные контрразведчики Сталинградского (Донского) и Юго-Восточного (Сталинградского) фронтов, армий и соединений, входящих в их состав, а также военных гарнизонов Сталинградской, Астраханской, Тамбовской и Саратовской областей.

Всего гитлеровским спецслужбам противостояло около 6 тыс. оперативных работников, опиравшихся на многочисленный коллектив своих добровольных помощников.

Военные контрразведчики в Сталинградской битве решали важные задачи по борьбе со шпионами, диверсантами, террористами, распространителями вражеской пропаганды, боролись с дезертирами и паникерами, организовывали военную цензуру, осуществляли заградительную службу, вели зафронттовую работу, оказывали помощь военному командованию в поддержании высокой боевой готовности и боеспособности войск.

Так, в сообщении НКВД СССР в Государственный Комитет Обороны СССР от 22 сентября 1942 г. указывалось, что только в период боев за город с 23 августа по

22 сентября 1942 г. военными контрразведчиками обоих фронтов было проверено около 300 тыс. военнослужащих, задержано без документов 7644 чел., в том числе около 2 тыс. дезертиров и 1739 уголовных элементов, арестовано за шпионскую деятельность 348 чел., в том числе более 50 агентов абвера, а также несколько десятков распространителей провокационных слухов.

Всего до ноября 1942 г. армейские чекисты обезвредили под Сталинградом 218 вражеских агентов, в том числе двух агентов-боевиков, готовивших террористический акт против командующего 62-й армией генерал-лейтенанта В.И.Чуйкова.

Видное место в поединке военных контрразведчиков с фашистскими спецслужбами в период Сталинградской битвы занимала *борьба особых отделов НКВД фронтов, армий и соединений с подрывными пропагандистскими акциями противника*. Они выявляли фашистских агентов, распространителей слухов, сеятелей паники и своевременно пресекали их деятельность.

Например, особыми отделами НКВД Сталинградского (Донского) и Юго-Восточного (Сталинградского) фронтов с 15 июля по 15 ноября 1942 г. была пресечена деятельность более 160 фашистских агентов-пропагандистов и привлечено к от-

ветственности около 190 распространителей слухов и провокаторов.

Огромную работу по укреплению морально-психологического состояния войск и местного населения прифронтовых районов проделали в период Сталинградской битвы под руководством особых отделов фронтов и армий *органы военной цензуры*. Они не допускали распространения через почтовый канал антисоветской пропаганды, провокационных слухов, раскрытия военной тайны.

Органами военной цензуры Сталинградского фронта с 15 по 31 июля 1942 г. было проверено 190367 писем военнослужащих, направляемых в тыл. Из указанного количества военной цензурой было изъято 2470 писем (1,3% от общего количества), в которых содержались сведения, не разрешенные к пересылке.

В 62-й армии Сталинградского фронта за этот же период цензурой было просмотрено 67380 писем и изъято 93 (0,1%).

Значительную роль в наведении порядка в войсках Красной Армии и предупреждению несанкционированного отхода их с занимаемых оборонительных рубежей сыграли *заградительные отряды НКВД Сталинградского (Донского) и Юго-восточного (Сталинградского) фронтов*, созданные по приказу НКО СССР № 227 от 29.07.1942 г.

Только за август и сентябрь 1942 г. заградительными отрядами Сталинградского фронта было задержано 36109 чел., из которых 730 чел. было арестовано, 433 чел. – расстреляно, 1056 чел. направлено в штрафные роты, 33 чел. – в штрафные батальоны и 33851 чел. направлено в свои части и пересылные пункты.

Следует отметить, что количество арестованных и расстрелянных заградительными отрядами за этот период военнослужащих (1691 чел.) не всегда было обоснованным и не соответствовало степени их вины.

Вместе с тем следует отметить, что заградительные отряды НКВД довольно часто без достаточных причин привлекались к ведению боевых действий с фашистскими войсками и несли при этом значительные потери.

Так, заградительный отряд 62-й армии (командир отряда – лейтенант госбезопасности И.М.Хлыстов) 15 и 16 сентября, несмотря на свою малочисленность (около 200 чел.) и большие потери, сдержал натиск превосходящих сил противника и обеспечил переправу через Волгу частей 13-й гвардейской стрелковой дивизии. Подобные случаи были и в других войсках.

В борьбе с фашистскими спецслужбами военные контрразведчики-сталинградцы проявляли образцы мужества и героизма.

Например, храбрым офицером показал себя в боях за Сталинград оперуполномоченный 42-го гвардейского стрелкового полка 13-й гвардейской стрелковой дивизии старший лейтенант А.В.Ерофеев. Во время отражения одной из атак фашистов он заменил выбывшего из строя пулеметчика, а затем спас жизнь раненому комбату капитану А.А.Исакову (впоследствии Герою Советского Союза), вынес его в безопасное место.

Особо следует отметить *зафронтную деятельность* органов безопасности в период Сталинградской битвы.

Эта работа возлагалась в основном на особые отделы НКВД фронтов и армий и была нацелена на добывание информации о важнейших объектах фашистской группировки и ее спецслужб на Сталинградском направлении, ведение контрразведывательной деятельности на оккупированной территории и совершение диверсий на коммуникациях и других объектах тыла противника.

Органы безопасности с этой задачей справились.

Усилиями отдельных агентов, агентурных и оперативных групп особых

отделов фронтов и армий к началу октября 1942 г. во взаимодействии с военной разведкой было подробно вскрыто оперативное построение фашистских войск под Сталинградом, выявлены его слабые места (участки 8-й итальянской, 3-й венгерской и 2-й румынской армий), уточнены данные о количественном и качественном составе группировки противника, что позволило советскому командованию своевременно подготовить операцию по окружению и разгрому фашистских войск под Сталинградом (кодовое название “Уран”).

Кроме того, зафронтовые агенты и оперативные группы органов безопасности установили расположение стра-

тегических резервов противника в районах Косторное, Миллерово, Морозовский, Новочеркасск, а также сумели нанести ощутимые удары по железным и шоссейным дорогам фашистов на глубине 250–400 км от линии фронта.

К примеру, зафронтовые группы Сталинградского (Донского) фронта с 15 сентября по 15 октября 1942 г. совершили в тылу противника более 20 диверсий на железных дорогах и 11 налетов на узлы связи и склады материальных средств.

С началом контрнаступления советских войск под Сталинградом органами безопасности было проведена большая работа по перенацеливанию наших зафронтовых сил и средств до рубежа Орел, Курск, Харьков, Донецк, Мариуполь.

Вклад территориальных органов

С началом Сталинградской битвы в борьбу с гитлеровскими спецслужбами активно включились чекисты управлений НКВД по Сталинградской, Астраханской, Тамбовской и Саратовской областям. Это был значительный отряд опытных оперативных сотрудников, которые уже имели опыт работы со спецслужбами фашистской Германии.

Перед территориальными органами руководством страны и НКВД были поставлены следующие задачи:

- ведение борьбы со шпионами, диверсантами, террористами;
- пресечение вражеской пропаганды;
- поддержание режима военного и осадного положения;
- руководство истребительными батальонами;
- обеспечение эвакуационных мероприятий и подхода к фронту стратегических резервов из тыла;
- организация зафронтовой работы и партизанской борьбы в тылу противника.

Решение указанных задач возлагалось на специальные подразделения УНКВД прифронтовых областей, органы НКВД на железнодорожном и водном транспорте и другие силы и средства.

В борьбе с гитлеровскими спецслужбами применялись все формы оперативно-служебной деятельности. Их результатом явилось не только пресечение подрывных замыслов фашистов, но и срыв их на длительный срок.

Например, органам НКВД удалось надежно прикрыть от немецко-фашистских спецслужб такие стратегические пункты, как Сталинград, Саратов, Тамбов, Астрахань, Камышин, Поворино, Урюпинск, Борисоглебск, Калач-на-Дону, Верхний Баскунчак, Красный Кут, Ахтуба.

Для парирования угроз фашистских спецслужб на важнейших объектах прифронтовых областей были своевременно созданы агентурные позиции и налажен активный розыск вражеской агентуры, что дало положительные результаты.

Только за июль-ноябрь 1942 г. территориальными органами НКВД было задержано и разоблачено 187 фашистских агентов, в числе которых оказалось немало завербованных гитлеровцами государственных изменников.

Видное место в поединке с фашистскими спецслужбами в Сталинградской битве занимала борьба территориальных органов с подрывными пропагандистскими акциями противника.

Чекистами Сталинградской и Аст-раханской области с 15 июля по 15 ноября 1942 г. была пресечена деятельность более 120 фашистских агентов-пропагандистов и привлечено к уголовной ответственности около 160 распространителей панических слухов и провокаторов.

Уверенно руководили Сталинградские чекисты *истребительными батальонами* области и города (их было около 200), которые вели напряженную борьбу с гитлеровскими шпионами и диверсантами, а с приближением фашистских войск к границам области вступили в вооруженные схватки с ними.

В августе 1942 г. истребительные батальоны Перелазовского, Чернышковского, Верхнее-Курловского и Красноармейского (сельского) районов вместе с частями Красной Армии непосредственно приступили к выполнению своих задач. Они вели борьбу с диверсантами противника, прикрывали эвакуацию населения и материальных ценностей.

Когда 23 августа 1942 г. фашистские танки прорвались к Сталинградскому тракторному заводу, одними из первых в борьбу с ними вступили истребительные батальоны.

К 18 часам более 1200 ополченцев-тракторозаводцев и бойцов истребительного батальона под командованием К.А.Костюченко при поддержке 60 танков заняли оборону на северной окраине завода и

отбили несколько яростных атак фашистов.

На помощь тракторозаводцам пришли около 200 бойцов из Дзержинского и Красноармейского районов.

Храбро сражались с гитлеровцами и бойцы истребительного батальона Ворошиловского района города (командир И.А.Бондаренко).

26 августа истребительные батальоны города участвовали в ликвидации вражеского парашютного десанта на западной окраине города. При этом особо отличился личный состав истребительного батальона под командованием Н.Н.Эльмана.

Героически проявил себя в боях за Сталинград истребительный батальон под командованием М.А.Авилова, созданный в конце августа 1942 г. из сотрудников областного управления милиции.

Истребительные батальоны Тракторозаводского и Ворошиловского районов вместе с частями Красной Армии держали оборону на подступах к тракторному заводу вплоть до 3 сентября 1942 г., а затем по приказу командующего 62-й армией генерал-лейтенанта В.И.Чуйкова были отведены в глубину города, где несли службу по поддержанию общественного порядка, оказанию помощи местной администрации в ликвидации последствий налетов авиации противника.

В конце октября 1942 г. по указанию Ставки ВГК истребительные батальоны города, за исключением батальона Кировского района, были переданы на доукомплектование частей 10-й дивизии войск НКВД, а истребительный батальон Кировского района передан в 64-ю армию.

За проявленное мужество и героизм в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками на северном участке обороны города 35 бойцов и командиров истребительных батальонов были награждены орденами и медалями СССР.

Ордена Красного Знамени были удостоены командир Тракторозаводского истребительного батальона К.А.Костюченко.

Существенную помощь советским и партийным органам Сталинградской и Астраханской области оказали органы безопасности в организации *партизанского движения* на оккупированной фашистами территории.

18 июля 1942 г. Сталинградский обком ВКП (б) дал указание местным партийным органам по формированию партизанских отрядов, прежде всего в районах, прилегающих к р. Дон, в частности в северной части области.

К двадцатым числам июля 1942 г., то есть к началу Сталинградской битвы, в области было создано 35 партизанских отрядов, двенадцатью из которых руководили чекисты. Ряды сталинградских партизан насчитывали около 900 чел.

28 июля для координации действий партизанских отрядов при обкоме партии была создана оперативная группа в составе Ф.В.Ляпина, Н.Р.Петрухина и Н.А.Тингаева.

Следует отметить, что партизанская борьба в Сталинградской области велась в трудных условиях: преимущественно на открытой местности, при большой плотности фашистских войск и недостаточности материального обеспечения. Поэтому часть партизанских отрядов вскоре после их создания была распущена.

Продолжали активно действовать лишь 12 партизанских отрядов (из них 8 руководимых чекистами) общей численностью 527 чел.

С августа по ноябрь 1942 г. сталинградские партизаны уничтожили около 600 фашистских солдат и офицеров, пустили под откос 11 эшелонов противника, подорвали более 20 мостов и несколько фашистских складов с горючим и боеприпасами.

Тяжелые испытания в боях за Сталинград выпали на долю оперативных работников Сталинградского городского отдела УНКВД, которые успеш-

но осуществляли оперативно-служебную деятельность в боевой обстановке, проявляя при этом личное мужество и героизм.

Так, оперативный уполномоченный Тракторозаводского райотдела НКВД г. Сталинграда старший сержант госбезопасности Носков Н.И. совместно с бойцами истребительного батальона К.А. Костюченко лично участвовал в отражении атак фашистов, прорвавшихся к исходу 23 августа 1942 г. к Тракторному заводу. В бою был ранен, но остался в строю и успешно решал оперативные задачи.

В целом личный состав УНКВД по Сталинградской, Астраханской, Тамбовской и Саратовской областям показал в Сталинградской битве профессиональное мастерство, выдержку и самоотверженность. Многие из сотрудников пали смертью храбрых в боях за Родину. Значительное количество чекистов были награждены орденами и медалями.

Душой сталинградских чекистов, которые наряду с оперативной работой нередко брали в руки оружие, был начальник УНКВД по Сталинградской области Александр Иванович Воронин, который рассказывал о героических буднях своих товарищей в книге "Чекисты Сталинграда", выдержавшей несколько изданий.

Значительный вклад в разгром немецко-фашистских войск в Сталинградской битве внесла *10-я дивизия войск НКВД* в составе 5 полков, переданная в конце августа 1942 г. в оперативное подчинение Сталинградскому УНКВД (командир дивизии – полковник А.А.Сараев).

Дивизия с самого начала уличных боев успешно решала задачи по охране и обороне наиболее важных объектов города, вели борьбу с фашистскими шпионами и диверсантами, круглосуточно поддерживали в городе режим военного и осадного положения.

Достаточно сказать, что только за период с 23 августа по 8 октября 1942 г. частями дивизии было уничтожено более 15 тыс. фашистских солдат и офицеров, 113 танков, 8 бронемашин, 2 самолета, задержано более 200 агентов противника.

За мужество и героизм, проявленный личным составом дивизии в Сталинградской битве, она была награждена орденом Ленина. Сотни солдат и офицеров дивизии были удостоены правительственных наград. В честь воинов-чекистов в центре города воздвигнут величественный монумент.

В Сталинградской битве мужественно несли службу *войска НКВД по охране тыла действующей армии*, костяк которых составляли пограничники и воины внутренних войск.

Группировку этих войск к середине августа 1942 г. составляли 5 полков, охранявшие тылы: 63-й и частично 21-й армии – 91-й полк; 21-й и частично 65-й армии – 98-й полк; 24-й и 66-й армии – 2-й полк; 64-й и 57-й армии – 79-й и 92-й полки.

Полки в пределах полосы оперативного тыла, на глубину до 300 км от линии фронта, организовывали заградительную службу на нескольких рубежах, выставляя контрольно-пропускные пункты и выделяя резервы для борьбы с диверсионно-разведывательными формированиями фашистов.

В своей деятельности они активно использовали помощь местного населения Сталинградской, Астраханской, Тамбовской и Саратовской областей, из которого к середине сентября 1942 г. в оперативном тылу Сталинградского и Юго-Восточного фронтов было организовано 344 бригады содействия общей численностью около 4 тыс. чел. Члены бригад содействия привлекались к охране важных объектов и патрулирования населенных пунктов.

Всего за оборонительный период Сталинградской битвы полки по охране тыла действующей армии сумели разоблачить и

обезвредить более 350 гитлеровских шпионов и диверсантов, ликвидировать около 30 диверсионно-разведывательных групп.

Кроме того, личный состав войск НКВД часто вел боевые действия на переднем крае.

К примеру, 2-й полк по охране тыла 24-й армии в течение 16–19 августа 1942 г. не позволил фашистам форсировать р. Дон в районе Белужино-Колдаирово до подхода 126-го гвардейского стрелкового полка Красной Армии, а подразделения 79-го полка 13 и 14 сентября 1942 г. стойко удерживали позиции в Сталинграде и обеспечили переправу через Волгу и вступление в бой 13-й гвардейской стрелковой дивизии.

Из числа войск по охране тыла действующей армии Сталинградского (Донского) и Юго-Восточного (Сталинградского) фронтов было подготовлено около 500 снайперов. Только снайперы Сталинградского (Донского) фронта с 23 сентября по 8 декабря 1942 г. уничтожили 2080 гитлеровских солдат и офицеров.

Характеристика героических дел органов безопасности в Сталинградской битве была бы не полной, если не упомянуть имена некоторых крупных руководителей чекистских органов, которые не только цементировали ряды сотрудников особых отделов НКВД и территориальных органов безопасности, но и сами показывали образцы мужества и стойкости в самые трудные моменты Сталинградской эпопеи.

Это начальник особого отдела Сталинградского (Донского) фронта старший майор госбезопасности (впоследствии – генерал-лейтенант) *Н.Н.Селивановский*, заместитель начальника особого отдела Юго-Восточного (Сталинградского) фронта майор госбезопасности (впоследствии – генерал-майор) *Е.Н.Горяинов*, уже упоминавшийся начальник УНКВД по Сталинградской области старший майор госбезопасности (впоследствии – генерал-лейтенант) *А.И.Воронин*.

Поединок продолжается

Потерпев сокрушительное поражение под Сталинградом, фашистские спецслужбы столкнулись с непростой задачей: как дальше вести разведывательную и иную подрывную деятельность против Советского Союза в условиях поспешного отхода немецко-фашистских войск под ударами Красной Армии с юга СССР.

Оправившиеся от шока, который перенесли спецслужбы фашистской Германии после Сталинграда, они стали поспешно перестраивать свою подрывную деятельность на южном крыле советско-германского фронта, в частности, они решили делать основную ставку на оставление квалифицированной агентуры, ее пособников и диверсионных групп на ранее оккупированной ими территории, создание вооруженного подполья в тылу войск Красной Армии, прежде всего на Северном Кавказе и в Крыму, а также продолжение заброски шпионов и диверсантов в тыловые районы страны.

Одновременно они усилили морально-психологическое воздействие на войска Красной Армии, провозгласив ее победу под Сталинградом временным явлением.

Учитывая указанные обстоятельства, особые отделы НКВД Донского, Сталинградского, Воронежского фронтов и территориальные органы безопасности продолжали укреплять оперативные позиции в соединениях и частях Красной Армии и на важнейших

объектах экономики, а также усилили контрразведывательную работу на освобожденной территории и зафронтовую деятельность.

В период с декабря 1942 г. по февраль 1943 г. на освобожденной от врага территории чекистами Донского и Сталинградского фронтов было задержано и обезврежено более 350, а сотрудниками УНКВД Сталинградской и Астраханской областей – около 170 фашистских шпионов, диверсантов и их пособников.

В этот период была начата работа органов безопасности в лагерях для военнопленных, в которых было выявлено немало сотрудников фашистских спецслужб и военных преступников.

Активизировалась зафронтовая деятельность армейских чекистов.

Особые отделы НКВД Воронежского, Юго-Западного и Южного фронтов, продолжая боевые традиции чекистов расформированных Донского и Сталинградского фронтов, сумели подготовить и забросить в глубокий тыл немецко-фашистских войск хорошо подготовленных агентов и десятки оперативных групп на значительную глубину, вплоть до рубежа р. Днепр, что, как показали последующие события, было своевременным и оправданным шагом.

Поединок советских и фашистских спецслужб продолжался. Впереди было еще почти два с половиной года упорной борьбы.

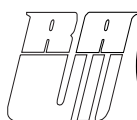
Сталинградская битва явилась серьезным испытанием для Красной Армии, органов безопасности, которые, несмотря на огромные трудности и жертвы, с честью его выдержали, нанеся немецко-фашистским войскам и гитлеровским спецслужбам невосполнимый урон, от которого они не могли оправиться до конца Великой Отечественной войны.

Борьба органов безопасности со спецслужбами фашистской Германии в Сталинградской битве носила сложный и напряженный характер – от войскового тыла до глубинных районов страны.

Она опиралась на патриотизм советских людей, стойкость воинов Красной Армии и чекистов, повседневную помощь населения.

В результате этих усилий было обезврежено несколько сот фашистских агентов и диверсантов, пресечена деятельность значительного количества провокаторов, трусов и паникеров, предотвращены огромные потери материальных средств.

В схватке с фашистскими спецслужбами личный состав органов безопасности проявил массовый героизм и мужество, заплатив за свободу Отечества жизнью многих своих сынов и дочерей.

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
BSERVER E-mail: observer@nasled.ru

*На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:*

- ☐ журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2006 гг.);
- ☐ «Современная политическая история России», состоящая из двух CD-дисков:
«Хроника» (1985–2006 гг.) и «Лица» (биографические сведения о 30 тыс. персоналий, представляющих политическую, научную, культурную и деловую элиту страны);
- ☐ электронная версия «РАУ-Пресс» (более 230 тыс. производителей товаров и услуг);
- ☐ книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- ☐ информация и аналитика.

Требования к материалам, представляемым для публикации в журнале “Обозреватель–Observer”

Статьи представляются на дискете в программе Word вместе с распечаткой.

Распечатка статьи дается Кг. 14 через 1,5 интервала.

Общий объем статьи не должен превышать 18–20 тыс. знаков с пробелами.

Текст статьи должен быть структурирован.

Ссылки на источники должны даваться только на цитаты и данные, подкрепляющие информацию, причем они должны быть привязаны к тексту с указанием выходных данных и страниц.

Если цитируются иностранные источники, то все данные указываются на языке оригинала.

К статье необходимо дать аннотацию на русском языке, отражающую основные идеи материала.

Рисунки, графики, схемы даются в программах JPG или TIF.

При пересылке материала по E-mail требования по форме представления материала сохраняются.

В сопроводительном письме в редакцию необходимо указать фамилию, имя и отчество автора, ученую степень, другие звания, должность и контактные телефоны.

Редакция не ведет переписку с авторами.

Уважаемые читатели!

В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии журнал «Обозреватель–Observer» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук. Перечень вводится в действие с 1 января 2007 года.

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор ОК-005-93. Код ОКП-95 2200.
Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ. Регистрационный № 012093.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится данных, не подлежащих открытой публикации.

Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При перепечатке материалов ссылка на «Обозреватель-Observer» обязательна.

Адрес редакции: 115054, г. Москва, ул. Бахрушина, д. 32, стр. 2.

ООО «РАУ-Университет». Тел./факс: (495) 959-2253.

E-mail: observer@nasled.ru Электронная версия: <http://www.rau.su>

Подписано в печать 14.09.2007. Формат 70x100 ¹/₁₆. Печ.л. 8,0. Печать офсетная.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО «Джей Ти Принт». Заказ № 70.